

Б. ПАЛЬВАНОВА

ОКТЯБРЬ И ЖЕНЩИНЫ ТУРКМЕНИСТАНА

Б. ПАЛЬВАНОВА

ОКТЯБРЬ И ЖЕНЩИНЫ ТУРКМЕНИСТАНА

ПОСВЯЩАЕТСЯ
50-летию
ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТУРКМЕНИСТАН»
АШХАБАД — 1967

Б. ПАЛЬВАНОВА

ОКТЯБРЬ И ЖЕНЩИНЫ ТУРКМЕНИСТАНА

33С5(С51)
П14

В предлагаемой работе освещается одна из актуальнейших проблем — раскрепощение женщины-туркменки, превращение ее в активного строителя новой жизни. Убедительно показана руководящая и направляющая роль Коммунистической партии, разнообразие форм и методов, помощь старших сестер—русских коммунисток и работниц в борьбе за разрешение этой сложной проблемы, подведены итоги славного 50-летия Советской власти в области раскрепощения женщины-туркменки. Автор — первая туркменка доктор наук и профессор, видная общественная деятельница, большой знаток истории женского движения, перу которой принадлежит ряд работ по истории раскрепощения женщин Советского Востока, — прослеживает судьбы многих женщин-активисток. Написанная живо и увлекательно, на большом фактическом материале, богато иллюстрированная, книга несомненно привлечет внимание широкого круга читателей.

Редактор В. Г. Мелькумов

„Большевистская, советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире“

В. И. Ленин

От автора

Велики завоевания Советской власти за славную полувековую историю.

Одним из выдающихся завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции является раскрепощение женщин-туркменок. Оно было достигнуто в долгой и упорной борьбе с классовыми врагами, с темнотой и невежеством, с укоренившимися традициями и обычаями, с пережитками старого в быту и сознании трудящихся масс. И не один боец пал в этой борьбе...

В 1923 году в местечке (ныне городе) Безмеин была зверски убита туркменка Дурсун только за то, что она осмелилась потребовать развода от мужа-деспота и многоженца.

В 1925 году в Геок-Тепе была убита Аннаджемал Хидыр кызы — одна из первых активных поборниц за раскрепощение женщин-туркменок. Озверевшие враги совершили это злодеяние на виду у её детей — 11-летней дочери Огульджемал и 8-летнего сына Дайхана.

До революции была лишь одна образованная женщина-туркменка — Т. М. Текинская, удочеренная в трехлетнем возрасте царским генералом М. Д. Скобелевым.

За 50 лет Советской власти в жизни женщин-туркменок, как и всех женщин Советского Востока, произошли поистине исторические перемены.

Теперь туркменки, как и все советские женщины, плечом к плечу, наравне с мужчинами строят вели-

Трижды рабыня

Счастливые женщины советских поколений не испытали на себе всех ужасов унизительного социального, национального и семейно-бытового гнёта.

В. И. Ленин, характеризуя положение женщин в капиталистическом обществе, писал: «...Женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых, — и это главное — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства»[1].

Страшные картины дореволюционного рабского положения туркменок предстают перед нами из статей корана и шариата, действовавших на территории Туркмении вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Женщина-туркменка разделяла тяжелую судьбу трудовых масс, уделом которых были бедность, нищета, голод, вымирание.

До Октябрьской революции в Закаспийской области (ныне часть территории современного Туркменистана) среди земледельцев 14,2 процента не имели посевов, 28,4 процента — рабочего скота, а 50,6 процента — сельскохозяйственного инвентаря[2]. Вода и земля нахо-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 368—369.

[2] 15 лет Туркменской ССР. Статсборник. Ашхабад, Партиздат, 1939, стр. 26.

дились в руках феодалов и байства; безземельные дайхане вынуждены были работать в качестве батраков и чайрикеров. Некоторые батраки, если им удавалось жениться, работали на бая всей семьей. Труд жены и детей-подростков не оплачивался. Была категория «вечных батраков», которые тщетно пытались выбиться хотя бы в чайрикеры. Слово чайрикер — производное от чаряк (четверть). Дайханин, обрабатывая землю бая своим тяглом, получал за это четверть урожая. Бай же — владелец земли, не пошевелив пальцем, загребал три четверти урожая. Чайрикеры жили впроголодь, их дети умирали от недоедания; в случае недорода — гибли всей семьей. И сейчас еще старики помнят годы, когда умирающий с голоду бедняк отдавал баю малолетнюю дочь за мешок зерна или крупы.

Страшные опустошения наносили эпидемии оспы, тифа, холеры, с которыми в прошлом не велось никакой борьбы. Такие болезни, как малярия, туберкулез, трахома имели широкое распространение среди населения. Заболевших проказой убивали, забросав камнями. Лечение больных находилось почти целиком в руках знахарей-табибов. На территории Туркмении до Советской власти было всего 300 больничных коек, 26 амбулаторий, 70 врачей. Да и этими учреждениями могли пользоваться лишь те, кто был в состоянии заплатить за медицинские услуги[1].

Общая культурная отсталость и фанатизм населения были характерны для всей дореволюционной Туркмении. Журнал «Вестник воспитания» за 1906 год подсчитал, что для ликвидации неграмотности в Туркестане потребуется 4600 лет! Это и понятно, ведь в 1913 году расходы царского правительства на душу населения в Туркестане составляли всего 22 копейки. В 1915 году на содержание полиции и войска здесь было выделено 86,7 процента бюджета, а на нужды просвещения — 2,3 процента.

В крае в 1899 году насчитывалось 11964 мечети, 11680 имамов, в духовных школах обучалось свыше 8 тысяч человек[2].

---

[1] Большая Советская Энциклопедия, т. 43, изд. 2-ое, стр. 465.
[2] Узбекистан за 15 лет. Статсборник. Ташкент, 1939, стр. 9.

До революции в Закаспийской области дети туркменского населения могли обучаться лишь в четырех русско-туземных школах (151 учащийся) и 389 духовных школах (медресе и мектебе) с контингентом учащихся 4689 человек[1]. Но какие это были школы? Полуграмотный мулла при помощи палки учил мальчиков религиозным текстам на арабском языке. Школой служил полутемный сарай или просто часть двора под сенью дерева.

Царская власть отнюдь не была заинтересована в просвещении подвластных народов. Царизм при помощи полицейского аппарата и эксплуататорской верхушки всячески стремился сохранить отживающие средневековые отношения в экономике и быту «туземцев». Законы мусульман — шариат и адат (обычное право), переведенные на русский язык, были утверждены генерал-губернатором Туркестана. Суды казиев (духовенства) или советы аксакалов (старейшин) на основе шариата и адата решали дела, связанные с внутриродовыми, имущественными и семейными отношениями коренного населения.

Жизнь женщины-туркменки от рождения и до смерти регламентировалась установлениями корана, шариата и адата, обычаями предков. И не было в мире законов более жестоких и бесчеловечных!

Туркменка была рабыней от рождения и до могилы. Рождение девочки встречалось как кара божья за «грехи». А когда умирала женщина, её могилу рыли глубже, чем мужчины, ибо прах женщины не мог находиться в земле на одинаковом уровне с мужским. Даже в могиле мусульманка была унижена.

Марксизм-ленинизм учит, что социальной причиной закрепощения женщины является частная собственность на средства производства, эксплуатация чужого труда. В книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс писал: «...Первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое

---

[1] См. А. А. Курбанов, О. Д. Кузьмин. 40 лет по пути Ленина в области народного образования в Туркменистане. Ашхабад, «Туркменистан», 1965, стр. 9—10.

угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским» (подчеркнуто мною —Б. П.)[1].

Униженное, подчиненное положение женщины-мусульманки веками узаконивалось рабовладельческим строем, феодализмом, капитализмом и освящалось религией ислама. Как и всякая другая религия, ислам служит интересам эксплуататорских классов, является средством закабаления трудящихся, средством одурманивания народных масс.

Ислам в переводе с арабского означает покорность, а по канонам мусульманской религии именно покорность считается главной добродетелью женщины.

Коран — «священная книга» мусульман — с назойливой дотошностью вмешивается в интимную жизнь правоверных, регламентируя их быт, проповедует самое бесчеловечное отношение к женщине.

«Мужчины, — говорится в коране,—выше женщин по причине качеств, которыми бог возвысил их пред теми...»[2].

Женщина не равна мужчине и в имущественном отношении. По корану при разделе наследства следует «давать сыну вдвое больше дочерей»[3].

В шариатском суде женщина также признается за полчеловека (и то при известных условиях). Голос двух женщин-свидетельниц приравнивается к голосу одного мужчины. При этом свидетельство одних женщин без подтверждения мужчиной религиозный суд считает несостоятельным[4].

По адату за убитую женщину уплачивается «хун» — возмещение за пролитую кровь — вдвое меньше, чем за мужчину.

Даже право женщины на вечное блаженство в загробной жизни по исламу является сомнительным, и тут женщина не имеет никаких самостоятельных прав. По корану ангел смерти говорит достойному из правоверных:

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, изд. 2-ое, стр. 68.

[2] См. Коран Магомета. М., Издание книгопродавца Козьмы Шамова. С.-Пб., 1865, стр. 59.

[3] Там же, стр. 63.

[4] См. Шариатные статьи с переводом на русский язык о правовых отношениях мусульманского населения Туркестанского края. Ташкент, 1910.

« — Войдите в рай, возрадуйтесь вы и ваши супруги».

Но как быть горемычной женской душе, если муж не возьмет жену с собой в рай? А что делать той, у которой не было мужа? Так и ляжет неприкаянная женская душа на пороге рая пылью у ног верных слуг аллаха...

Итак, бесправное, унизительное положение было уделом женщины-мусульманки от рождения и до могилы.

— Лучше бы ты родила камень, он пригодился бы стену возвести, — слышала женщина, родившая дочь. Порой туркменку не удостаивали даже доброго имени, а называли в укор и насмешку: Дойдук (насытились), Огулдурсун (да будет сын!), Огулгерек (нужен сын), Бессир (хватит).

Баи, муллы, ишаны сочиняли и распространяли различные пословицы, поговорки, унижающие достоинство женщины: «У женщины не может быть воли, а у раба — поминок», «Если чему-либо суждено пролиться — пусть прольется сыворотка, если кому-либо суждено умереть — пусть умрет женщина», «Три вещи хороши, пока свежи и молоды — жена, лошадь и мясо» и т. д.

Даже святое материнство становилось самым горьким источником страданий для мусульманки. Великий русский писатель А. М. Горький писал: «Восславим женщину-Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир! Все прекрасное в человеке — от лучей солнца и от молока Матери, — вот что насыщает нас любовью к жизни!.. Без солнца не цветут цветы, без любви нет счастья, без женщин — нет любви, без матери нет ни поэта, ни героя!»

Как прекрасен этот гимн материнству, как возвышает он женщину и прославляет Мать! Алексей Максимович Горький возвеличил Мать, воздал ей должное, написав само слово «мать» с большой буквы.

Женщина-мусульманка была лишена материнских прав. Если муж изгонял её, то дети оставались у отца. По шариату и корану мужу было дано право отнимать даже грудных детей у матери и передавать кормилице.

Женщина считалась нечистым существом — даже случайное прикосновение к ней требовало очистите-

ного омовения. Некоторые служители ислама утверждали, что даже родиться от женщины — грех! Они допускали рождение прославленных святых или великих царей... «минуя материнское ложе». В легенде мусульман-шиитов говорится, будто бы зачатие имамов бывает не в утробе матери, а между материнскими ребрами. «Мы, имамы, не рождаемся от чрева матерей... потому что нам, имамам, созданным из божьего света, неприлично родиться так, как рождаются все люди»[1].

«Лошадь можно подарить, а дочь только продать», — гласит старая пословица.

С давних времен вплоть до Октябрьской революции у туркмен девушка не выдавалась замуж, а продавалась в замужество. Здесь брак — торговая сделка, женщина превращена в объект купли и продажи — товар. Родные жениха выплачивают родным невесты калым — своеобразный выкуп скотом, деньгами, продовольствием или личным трудом — отработкой за невесту.

Зачастую брачная сделка заключалась между родителями невесты и жениха на первом году жизни детей или даже в день их рождения. Иногда к этому прибегали люди малосостоятельные, чтобы растянуть срок выплаты калыма. Но чаще всего шариатским законом пользовались имущие классы, ибо жениться могли те, кто имел возможность уплатить калым — выкуп за невесту. Баи покупали невест даже малолетним сыновьям. Каждая женитьба давала дополнительное право на пай воды по «ника-су».

В Туркмении, где земля без воды — не земля, а бесплодная пустыня, издавна существовало брачное право на воду — «ника-су», по которому право на воду имеет только женатый. С увеличением числа жён соответственно увеличивалось количество пая на воду, а тем самым и наделы на орошаемую землю. Здесь особенно ярко выступает классовая сущность ислама, направленного на усиление экономической мощи эксплуататорских слоев общества.

У туркмен до сих пор сохранился особый символический обряд, который тоже называется «ника-су». Сразу же после религиозной процедуры бракосочетания подается подслащенная вода. Все присутствующие

[1] Л. И. Климович. Ислам и женщина. М., 1958, стр. 22.

отпивают по глотку этой воды в знак того, что жених получил самостоятельное право на воду и землю — право на жизнь. И так как калым, то есть цена за невесту, был высок, то «ника-су» стало средством эксплуатации бедноты, батрачившей всю жизнь, чтобы скопить средства на покупку жены, и следовательно, получить право на воду и землю.

Отсюда понятно и то, что величина (размер, сумма) калыма в Средней Азии росла одновременно с увеличением посевов хлопка и ростом цен на него, зависела от конъюнктуры цен на рынке. Так, например, в 1890—1895 годах средняя цена одного пуда хлопка составляла 2 рубля, калыма — 360 рублей; в 1911—1915 гг. средняя цена одного пуда хлопка составляла 4 рубля 50 коп., а калыма — 1596 рублей[1]. Величина калыма колебалась и в зависимости от спроса на ковры на мировом рынке, ведь драгоценные ковры изготовляли жены и дочери.

При раннем обручении детей шариат предусматривал возможность смерти жениха или невесты, допускал замену их. В случае смерти невесты жених берет её родную сестру, если же её некем заменить или невесту отдали кому-либо другому, родители возвращают калым полностью, да еще с надбавкой («кайтарлык»).

«Запродажа» в младенческом возрасте не только предопределяла принудительность брака, лишала девушку права выбора друга жизни по сердцу, но и превращала её в рабыню. Без согласия родителей жениха девочка не могла поступить в школу, самовольно выезжать за пределы аула. Очень часто малолетнюю невесту (с 5—6 лет) забирали в дом жениха, безжалостно оторвав её от материнской ласки, лишив родительского крова.

Наряду с этим существовал обычай «кайтарма». Молодая жена, прожив в доме мужа некоторое время, возвращалась в дом родителей погостить. Что же, хороший обычай — могут сказать. Но злая воля и ненасытная алчность людей превращали и этот обычай во зло для женщины. Родители задерживали дочь у себя до тех пор, пока муж не уплатит за неё дополнительный калым. Это часто приводило к расстройству брака,

---

[1] Бюллетень ЦСУ Туркменской ССР, 1929, № 15, стр. 5.

к столкновениям между родственниками обеих сторон. Бывало и так, что, не дождавшись дополнительного калыма, родители сбывали молодую женщину другому мужу; ведь желание её во внимание не принималось.

Таким образом, калым, возникший в глубине патриархально-родового общества, как компенсация одного рода другому за потерю членов рода (рабочих рук), со временем превратился в средство эксплуатации трудящихся, закабаления женщины.

Будучи, по понятиям мусульманина, существом низшим, будучи к тому же купленной им, женщина в семье не могла пользоваться никакой самостоятельностью — ни имущественной, ни нравственной. Она становилась полной собственностью мужа и его семьи в самом прямом смысле этого слова. Владелец женщины считался полновластным господином, вольным над её жизнью и смертью. Коран разъясняет, что после уплаты калыма «муж получит полную власть над женой». Адат провозглашает: «Как пастух может зарезать любую овцу из своего стада, так и муж вправе распоряжаться жизнью своей жены». Шариат дает право мужу убить жену, за что он не несет никакого наказания, только платит штраф родным женщины, как сказано выше, вполовину меньше, чем за мужчину.

Коран требует от жен беспрекословной покорности мужу.

«Вы побраните их, — учит коран, — когда боитесь неповиновения; отдалите в сторону от ложа, бейте их». В случае неповиновения жен их можно запереть дома, «покуда их постигнет смерть или бог даст им случай к спасению»[1].

По шариату правом на развод наделен только муж, которому стоит лишь произнести слово «талак», то есть «разведена». Пусть это слово было сказано мужем в шутку или по принуждению — развод считался состоявшимся. При этом даже не требовалось, чтобы жена слышала его сама (Шариат, статьи 46, 47, 48).

На старом Востоке процветало и такое явление, как многоженство. Богатый человек, имея возможность

[1] Коран Магомета, стр. 60, 63.

платить калым, брал в дом несколько жен, а бедняк или не мог накопить средств на калым до 40—50-летнего возраста, или даже до самой смерти оставался бобылем. Многоженство являлось средством безжалостной эксплуатации трудящихся женщин и, в известной мере, ограничивало рост народонаселения.

Ислам поощряет многоженство. Коран разрешает иметь мужчине до четырех законных жен, а «наложниц — без числа». Шариат разрешает мужчине жениться на четырех женах «одним или отдельным браком» (статья 4). Однако духовенство толковало это право весьма широко. Так, например, статья корана о праве иметь четырех жен разъяснялась с помощью «хитрой арифметики». Мужчина, мол, облечен правом иметь число жен от сложения цифр: 1+2+3+4, то есть может иметь 10 жен.

Туркменские муллы еще более расщедрились на этот счет. По их разумению, человек (а человеком считался только мужчина) состоит из 12 частей: двух ног, двух глаз, двух ушей, головы и т. д. Он может на каждую из этих частей иметь по жене, то есть 12 жен.

Коран повелевает правоверному быть одинаково справедливым по отношению ко всем женам. Шариат же предлагает относиться к ним, в зависимости от знатности происхождения и богатства их родителей. Так оно и было: жена из знатного рода и богатой семьи становилась госпожой над другими женами, в особенности над беднячками и сиротами, обреченными таким образом на роль рабынь. Сироту били и муж, и старшая жена. Питались беднячки объедками, одевались в обноски. Жизнь для них превращалась в сущий ад. Порою, не выдержав мук и издевательств, женщина трагически погибала. Для женщины в дореволюционное время самоубийство было своеобразным протестом против произвола феодалов и баев, против насилия их бесчеловечных законов. Защиты ей не было — и власть, и закон, и религия — все было против неё.

Печально, что в истязаниях жен-париев принимали участие сами женщины — мать мужа или его богатые жены. Таким образом, в эксплуататорском обществе женщина сама становилась слепым орудием своего угнетения, сама же помогала ковать свои цепи.

Здесь сказались, с одной стороны, деление общества на антагонистические классы, а с другой — отрицательный результат многоженства. Имущественное неравенство жен и разница в происхождении вызывали в них антагонизм, а замкнутая жизнь, ограниченность интересов, а также естественное соперничество за влияние на мужа разжигали вражду между женами.

У туркмен существовал также обычай «каршылык» (встречный обмен невестами). Глава дома, отдающий в замужество дочь или сестру, получал в обмен невесту для своего сына или брата. Как говорится, «баш на баш!» И тут воля женщины, конечно, не имела никакого значения, действовал простой расчет.

Имела место в практике и наследственная женитьба. По законам адата, в случае смерти старшего брата, жена его с детьми и со всем имуществом передавались брату покойного (обычай «даклма»). Согласия женщины не спрашивали. Она становилась второй или третьей женой своего деверя. Иной раз это был мальчик, моложе её детей... Приходилось ей, бедной, растить его вместе со своими детьми, а потом заботиться о его женитьбе на молодой девушке...

Стремление избежать уплаты непосильного калыма вызвало и обычай умыкания (кражи) девушек для замужества. Когда это происходило с тайного согласия родителей и ведома невесты, то дело заканчивалось скорой свадьбой. Но часто умыкание совершалось помимо воли девушки и её родных, сопровождалось насилием. Опозоренная девушка поневоле оставалась в доме своего насильника-мужа, покорялась своей горькой участи, иногда в результате сильного нервного потрясения девушка тяжело заболевала, наступало психическое расстройство. Умыкание вызывало кровную вражду между родственниками той и другой стороны и редко обходилось без кровопролития.

Наиболее диким, бесчеловечным и возмутительным явлением следует считать принудительную выдачу в замужество малолетних. Туркмены говорили: «Ударь девочку папахой, если с ног не свалится — можно выдавать замуж». Узбеки советовали применять другое испытание: бросить в девочку яблоком — не упадет, значит, созрела для брака.

Шариат считает совершеннолетними мальчика

12 лет и девочку 9 лет. Этот официальный брачный возраст в отношении девочек часто нарушался в сторону уменьшения по прихоти ханов, эмиров и их верных слуг — ишанов и мулл. В народе же выдавали девушек в 12 лет, семнадцатилетние считались уже «перестарками».

Брак в малолетстве приводил к самым тяжелым последствиям: уродовал жену-ребёнка физически, отрицательно сказывался на её психике: женщина и морально, и физически преждевременно изнашивалась, рано умирала. Организм малолетней жены не был подготовлен к материнству, поэтому многие из них умирали от родов. Первенцы оказывались слабыми и не выживали. Тут сказывалось и неумение воспитывать ребёнка, и тяжелые материальные условия, и отсутствие необходимого внимания к женщине-матери.

Туркменки находились в плену затворничества. По исламу ношение покрывала (чадры, паранджи) является «священной обязанностью» мусульманки. Обычай этот якобы установлен по повелению всевышнего самим пророком Мухаммедом. Коран предлагает дочерям и женам верующих спускать покрывало донизу, «чтобы они не были узнаны»[1].

Шариат гласит, что жена «не должна ходить, стоять и показываться людям, свидание с которыми ей не дозволяется», «Во всяком случае, она не должна ходить без позволения мужа» (Статья 36, § 5, 7). «Муж обязан устроить своей жене особое помещение, куда ход другим лицам недоступен...» (Статья 40). «Каждая жена в неделю один раз может ходить для свидания к своему отцу и матери своей...» и один раз в году к своим родственникам (Статья 41).

Затворнический наряд туркменки был таков: на голове у замужней женщины возвышался борик — плетеная конусообразная шапка с накинутым платком, угол которого (яшмак) прикрывал рот. Сверху борика набрасывался еще пуренджек — туркменский образец паранджи, сшитый из тяжелого кустарного шелка и вышитый. Все это громоздкое и тяжелое сооружение давило на голову женщины, сковывало её движения,

[1] Коран Магомета, стр. 311—312.

мешало работать. «Передвижной тюрьмой» метко называли пуренджек передовые люди России. Головной убор, по правилам, не снимался даже ночью. Он вызывал постоянные головные боли, особенно у малолетних, сдирал волосы с головы.

Яшмак — платок молчания, закрывающий рот, напоминал женщине, что по своему подчиненному положению она не должна раскрывать рта перед посторонними и старшими членами семьи, пререкаться с мужем — своим хозяином и его родственниками.

Однако все это было, хоть и жестокими и неразумными, но только внешними проявлениями законов затворничества. А по существу затворничество означало полную изоляцию женщины от общества, лишало её всякой самостоятельности и обрекало на жестокую эксплуатацию.

По законам затворничества женщина не имела права пойти на рынок, вступить в деловые отношения с торговцами, не говоря уже о посещении школы, о которой и понятия не имела.

Женщина лишалась права на самостоятельный заработок. Она не могла быть даже батрачкой или наняться в прислуги. Религия запрещала мусульманину держать в доме постороннюю женщину. Этим прикрывалась самая беззастенчивая эксплуатация женщин под видом родственниц.

В условиях затворничества женщине был доступен единственный вид труда — домашний. Ковровщицы и валяльщицы кошмы, швеи, прядильщицы, вышивальщицы и другие мастерицы, вынужденные сбывать свой товар через скупщиков, становились объектом самой бессовестной эксплуатации, терпели всяческие притеснения. Женщин обсчитывали, втридорога брали за поставляемые товары, а за их изделия платили гроши.

Развитие капиталистических отношений в Средней Азии вызвало спрос на дешевый женский и детский труд. Щупальцы капитализма исподволь дотянулись и до туркменских кибиток.

В. И. Ленин писал: «Дело буржуазии — развивать тресты, загонять детей и женщин на фабрики, мучить их там, развращать, осуждать на крайнюю нужду. Мы не «требуем» такого развития, не «поддерживаем» его,

мы боремся против него. Но как боремся? Мы знаем, что тресты и фабричная работа женщин прогрессивны. Мы не хотим идти назад, к ремеслу, к домонополистическому капитализму, к домашней работе женщин. Вперед через тресты и пр. и дальше них к социализму!»[1]

В. И. Ленин расценивает вовлечение женщин в фабрично-заводское производство как явление несомненно прогрессивное. Работница вовлекается в общественное производство, входит в ряды самого передового и революционного класса — рабочего класса, добивается экономической самостоятельности. Вовлечение коренного населения в производство имело большое революционизирующее значение, этим взламывалась стена косности и предрассудков, которой была отгорожена женщина от общества.

Первые сведения об использовании женского труда в фабрично-заводском производстве в Средней Азии относятся к 1913—1914 годам: в промышленности Туркестана было занято около 3700 женщин, в том числе 2400 женщин местных национальностей, и 900 подростков и детей. При этом 90 процентов женщин работали на коконосушилках, 3 процента — на винодельческих заводах и 1 процент — на клееваренных предприятиях.

Как видно, женщины привлекались, главным образом, на сезонные предприятия, связанные с шелководством. Это были временные работницы, и после окончания сезона они возвращались к своим домашним обязанностям. И все же это был шаг вперед к участию в общественном производстве, первый шаг в широкий мир.

На этих предприятиях, как и всюду, неумолимо действовали законы капитализма. Дискриминация в оплате женского труда, столь характерная для капиталистической системы, усугублялась в отношении работниц из коренного населения.

В 1913 году в Туркестане было заготовлено 210 тысяч коробок коконов, в среднем в коробке — по 25 килограммов. Это в основном результат женского труда[2].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 136.

[2] Средняя Азия в цифрах. Ташкент, 1931, стр. 46—47.

К этому времени хлопководство приняло широкие размеры, и здесь от 50 до 70 процентов дохода приносил женский труд[1].

Надо помнить, что все это делалось в единоличном хозяйстве и при засилии байства, при полном отсутствии машин, с помощью деревянного омача, тяжелого кетменя и человеческих мышц.

Народы Средней Азии еще в древности были искусны в различных ремеслах. Произведения народного творчества отличались высоким мастерством и художественным вкусом. Здесь были значительно распространены кустарные промыслы. Издавна предметом широкого экспорта являлись ковры ручного производства. Мировой славой и поныне пользуются туркменские ковры, отличающиеся особой красотой орнамента, устойчивостью красок и необыкновенной прочностью.

По некоторым сведениям, в 1914 году по всей Средней Азии было изготовлено 22 тысячи ковров различных размеров, 16,5 тысячи паласов, 42 тысячи хорджунов (переметных сум) и много других изделий женских рук. Продано за границу текинских ковров на 150 тысяч рублей золотом только из Мервского и Полторацкого уездов Закаспийской области. В экспорте Туркестанского генерал-губернаторства, Хивинского ханства и Бухарского эмирата туркменские ковры занимали довольно значительное место[2].

Производство туркменских ковров, широко известных с древних времен, требует большого искусства и исключительного трудолюбия. В прошлом труд ковровщицы был равен подвигу. Ковроткачество с его примитивной техникой требовало огромной затраты труда, настойчивости и выдержки. Сначала заготовлялась шерсть, потом эту шерсть надо было вымыть в холодной воде, высушить на солнце, расчесать. За пряжу брались в семье все женщины от мала до велика, и работали несколько месяцев. После этого мастерица бралась за самое ответственное дело — окрашивание пряжи растительными красками. Это требовало умения, терпения и времени. Например, только на окраску

[1] ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 50, д. 4, л. 86.
[2] «Коммунистка», 1926, № 3, стр. 73.

пряжи в основной красный цвет уходило от двух до пяти недель.

Затем на станок — простую раму, уложенную на землю, натягивалась основа, и женщина садилась ткать. Изо дня в день, в жару и холод, сидела туркменка на корточках, быстро связывая нити, укладывая каждую цветную шерстинку на свое место. На каждый квадратный метр ковра приходилось 200—300 тысяч узлов. За месяц женщина успевала выткать один квадратный метр, хотя работала по 12—16 часов в сутки. В руках у неё небольшой металлический гребень, которым она плотно подбивает шерсть, и ножницы, чтобы подрезать пряжу. Голову её давит тяжелый борик, глаза заливает пот, иной раз за спиной привязан ребенок. При каждом ударе гребнем, который повторяется через 10—15 минут, поднимается облачко пыли, смешанное с шерстью.

Неграмотная, забитая туркменка с большим художественным вкусом ткала сложнейшие узоры по памяти. Она вырабатывала такие прекрасные, художественные изделия, что на международных выставках их показывали рядом с самыми выдающимися произведениями искусства. Между тем ковровщица получала гроши за свой великий труд, рано теряла зрение, преждевременно гибла от чахотки.

В сельском хозяйстве женский труд, помимо выкармливания шелковичных червей, широко применялся в животноводстве, хлопководстве, в садоводстве и огородничестве. В кочевом скотоводческом хозяйстве, где мужчина пас и охранял стада, женщина занималась переработкой молока, шерсти и мяса. Но, кроме этого, самыми примитивными способами, сдирая руки до крови, она изготавливала войлок и узорчатые кошмы, выделывала кожу, шила одежду, готовила пищу.

Трудящиеся туркменки занимали значительное место в сфере материального производства. Однако они не имели права распоряжаться результатами своего труда. При полном бесправии и униженности женщины её искусство, её труд служили лишь средством её эксплуатации.

Мужчина свято и нерушимо оставался главой семьи, собственником всего имущества, господином своей жены, и все, что она производила, принадлежало

только ему. Женщина не имела почти никакой личной собственности. Хозяйство, которое во многом создавалось и держалось её трудом и заботами, принадлежало отцу и братьям, пока она девушка, а после замужества — свекру, мужу, деверю или же сыновьям.

В отсталом, колониальном Туркестане, в условиях почти сохранившегося в неприкосновенности натурального хозяйства, труд женщины носил «домашний» характер и был изолирован от общественного производства. Поэтому она всегда оставалась рабыней в семье и в обществе.

Грамотных женщин среди коренного населения Туркестана было очень мало. Восточный фанатизм и деспотизм в отношении женщины поддерживал мнение, что «хорошо, конечно, если женщина умеет читать коран — это ей полезно. А писать уметь ей не обязательно, — вдруг напишет записку постороннему мужчине!» Правда, девочкам разрешалось учиться, но как только они становились чуть старше, подрастали к шариатскому брачному возрасту, родители отрывали их от учебы. Среди туркменок перед революцией было всего 7 грамотных. Ни врачей, ни учительниц из числа женщин-туркменок (за исключением Т. М. Текинской) не было.

Туркмены в дореволюционное время жили в передвижных кибитках, крытых кошмой. Дым костров разъедал глаза; многие не знали мыла, не видели зеркала. Женщины не имели даже представления об элементарных правилах гигиены и санитарии, были заражены дикими суевериями. Рожали детей с помощью повивальных бабок, над ямой с золой или песком. Если заболевал ребенок или женщина чувствовала себя нездоровой, обращались к табибу. Знахарь лечил наговорами, молитвами, печенью черного петуха, обманывая и обирая трудящихся.

Вот некоторые цифры о рождаемости и смертности по Закаспийской области Туркестана накануне Октябрьской революции: в Закаспийской области рождалось 2280 детей, а умирал 1171 ребенок. Смертность составляла 51,1 процента[1].

Для дореволюционного Туркестана закономерен

[1] «Жизнь национальностей», 1922, № 1, стр. 14.

сравнительно низкий процент взрослых женщин в составе населения. По переписи 1897 года в туркменском ауле приходилось 84 женщины на каждые сто мужчин. К общему числу туркменского населения женщины составляли 46 процентов, а мужчины —54 процента.

Такое несоответствие в численности женского и мужского населения буржуазная историография пыталась и пытается объяснить якобы «биологической неполноценностью» народов Азии, «недопроизводством» девочек и т. д.

Однако факты опровергают эти расистские утверждения. Так, например, в туркменском ауле на каждые сто мальчиков и в прошлом рождались 104—105 девочек, то есть столько же, сколько и в странах Европы. Но они не выживали. Наиболее высока была смертность детей до одного года, а у женщин — в возрасте 18—26 лет, то есть в период их материнства.

Ложь о «неполноценности» народов Азии, о «недопроизводстве» девочек и тому подобные расистские измышления выдуманы псевдоучеными лакеями империализма для того, чтобы обмануть общественное мнение, скрыть от широких народных масс действительные причины вымирания народов колоний.

В дореволюционное время женщина была унижена эксплуататорскими классами и мусульманским духовенством. Порабощение женщины фактически держало половину населения в духе рабской покорности, повиновения.

Но трудящиеся туркмены относились к женщине с большим уважением. Об этом ярко свидетельствуют произведения народного творчества, дестаны, героические и лирические образы Зохре, Шасенем, Хурлукгы, народные песни, исполняемые бахши на дутарах, о красоте и достоинстве женщины. Великий туркменский поэт и мыслитель Махтумкули в своих произведениях воспевал красоту и ум женщины, выступал против многоженства.

Туркменки не мирились со своим порабощением. Они боролись за свои общечеловеческие права. В истории известно немало случаев обращения туркменских женщин и в царскую администрацию, и в суд казиев с жалобами на несправедливое отношение к ним.

Известно, что среди первых туркмен-просветителей начала XX века была и высокообразованная туркменка Татьяна Михайловна Текинская. Осиротевшая в 3-летнем возрасте, после падения Геок-Тепинской крепости в 1881 году, она была удочерена известным царским генералом М. Д. Скобелевым. Ей были даны имя и отчество — Татьяна Михайловна. А фамилия Текинская, вероятно, была дана в честь покорения текинцев[1].

Нельзя без волнения читать историю этой маленькой туркменской девочки, её няни — простого русского солдата Родиона, опубликованную в 1882 году в журнале «Родник»[2].

Т. М. Текинская получила высшее образование в Московском Елизаветинском институте. Затем работала учительницей гимназии в Харькове. В 1906 — 1907 гг. она возвращается на родину, в Закаспийскую область, и работает учительницей сначала в Ашхабадской гимназии, а затем на станции Артык, где организует русско-туземную школу. Для женщин-беднячек Т. М. Текинская была чутким другом, морально поддерживала их.

Вот один эпизод из жизни Т. М. Текинской:

«У дома, на глиняной секи, её ожидали гости — незнакомая старушка с полуголым мальчиком. Они приехали из далекого колодца, из песков, и у них к ней, Артыкгуль[3], была очень большая «божья» просьба.

Артыкгуль пригласила их в дом, и за чаем старушка рассказала о своем горе... Бай колодца, у которого живет их племя, нечестный, нехороший. Из-за того, что козлик старушки пасся на поле его сада, оштра-

---

[1] В источниках приводятся разные данные о времени удочерения, об имени, отчестве и месте обучения Т. М. Текинской. Мы считаем наиболее правильными источники, в которых говорится, что Татьяна Михайловна Текинская была удочерена в трехлетнем возрасте; ее туркменское имя неизвестно.

[2] См.: История одной текинской девочки и ее няни — солдата Родиона (эпизод из войны 1880—1881 годов). «Родник», ежемесячный иллюстрированный журнал для детей. Т. Ш. (июль, август и сентябрь). С.-Пб, 1882.

[3] Имя Артыкгуль, что означает «Цветок Артыка», вероятно, было дано Т. М. Текинской местным населением, когда она жила на станции Артык.

фовал её и не выдал сыну заработанной муки. Тогда старушка стала его просить и умолять и под конец, не вытерпев, сказала, что бая накажет за это аллах. А бай сказал, что пошлёт её сына в армию. А сыну её всего 16 лет.

— Я слышала, доченька, что ты получила большое образование и умеешь писать сильные прошения. Ради Довлета-джана.

У старушки были огромные, перетянутые волосинками морщинок, глазницы, и где-то в самой глубине их переливался тихий и печальный свет. В них вдруг что-то заблестело, и старушка стала шарить за спиной концы своего белого кынача.

Утром Артыкгуль прочитала гостье её прошение.

— Я беднячка, и я не виновата, что у меня нет своего поля и своей муки. Я тоже такой же человек, как и бай, как и его жены. Почему же они над нами делают, что хотят, бесчинствуют, издеваются. Разве кто-нибудь давал такое право? Разве он имеет право отнимать у моего сына заработанную муку и посылать его в армию?[1]

Т. М. Текинская владела иностранными языками, и царская администрация Закаспийской области привлекала её к работе, как переводчицу. Она активно выступала за просвещение народных масс. Она писала просветителю Мухамедкули Атабаеву, что «желающих учиться так много, а мест нет...»

Т. М. Текинская — мать двух детей — в 1914 году была вынуждена покинуть родные места и вновь уехать на Украину, где работала учительницей гимназии.

«В украинском селе Юрчиково, где она устроилась, работала в гимназии, местная полиция вновь заинтересовалась её личностью. Киевский губернатор запрашивал Асхабад:

«Прошу сообщить сведения о поведении, нравственных качествах, судимости и политической благонадежности проживавшей до 1914 года при станции Артык Татьяны Михайловны Текинской».

Асхабад отвечал:

«Имею честь уведомить, что Татьяна Михайловна

---

[1] Н. Кулиев, А. Агабаев. «Красное поле». «Комсомолец Туркменистана», 1965, 5 января.

была в дружественных отношениях с Мухамедкули Атабаевым, привлекавшимся к охранной переписке... Во время ревизии Закаспийской области сенатором графом Паленом она агитировала против местной власти...»[1].

Таковы некоторые страницы жизни единственной образованной туркменки в дореволюционной колониальной Туркмении[2].

Т. М. Текинская возвратилась в Туркмению в 1924 году. К этому времени она была тяжело больна и вскоре скончалась. Её дети — дочь Гульсолтан, 1910 года рождения, имеет высшее медицинское образование, работает микробиологом на эпидстанции в Симферополе, а другая дочь — Аннагуль Текинская, 1913 года рождения, творческий работник Туркменской госфилармонии. Сын Т. М. Текинской — Ярмухаммед погиб на фронте Великой Отечественной войны.

Туркменки получили свои равные права в обществе и в семье в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда на страже интересов трудящихся женщин выступило первое в истории Советское социалистическое государство.

Декреты Октября

Великая Октябрьская социалистическая революция привела к глубочайшим преобразованиям в быту, традициях и культуре ранее эксплуатируемых масс. Впервые в истории была освобождена от векового рабства и трудящаяся женщина.

Советская власть явилась первой в истории властью, которая подняла на небывалую высоту достоинство каждого человека, независимо от пола, расовой и религиозной принадлежности.

Вопрос о раскрепощении женщин, составляющих половину населения страны, Коммунистическая пар-

---

[1] Н. Кулиев, А. Агабаев. Указ. очерк. «Комсомолец Туркменистана», 1965, 14 января.

[2] Н. Кулиев, А. Агабаев. Указ. очерк. «Комсомолец Туркменистана», 1964, 31 декабря; 1965, 5, 9, 14 сентября; Н. Кулиев. Туркменские просветители. «Комсомолец Туркменистана», 1960, 14 сентября.

тия ставила и решала наряду с такими социальными вопросами, как освобождение трудящихся классов и установление равноправия наций.

В известной статье «Советская власть и положение женщины» В. И. Ленин, разоблачая лицемерный характер буржуазного равенства и свободы вообще, писал, что нашими лозунгами являются не свобода для всех, не равенство для всех, а борьба с угнетателями и эксплуататорами, уничтожение возможности угнетать и эксплуатировать, требования свободы и равенства для угнетенного пола, свободы и равенства для рабочих, для трудящихся. Эти лозунги В. И. Ленин назвал боевыми лозунгами партии, нашей пролетарской правдой, правдой борьбы с капиталом, правдой, которую мы бросили в лицо миру капитала с его слащавыми, лицемерными, напыщенными фразами о свободе и равенстве вообще, о свободе и равенстве для всех[1].

Советская власть уравняла женщину в правах с мужчиной. Это узаконено Первой Советской Конституцией, в которой говорилось, что правом избирать и быть избранными в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п., граждане обоего пола, которым ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет. Равноправие полов в обществе и в семье является незыблемым законом Советской власти.

Статья 122 Конституции СССР гласит:

«Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления всех прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраны интересов матери и ребёнка, государственной помощи многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов».

По совершенно новым, действительно равным для

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 287—288.

женщины и мужчины законам стали теперь решаться вопросы брака, развода, положения внебрачных детей. Уже в первые дни Советской власти, в декабре 1917 года, был принят ряд декретов, направленных на раскрепощение женщины. 19 декабря 1917 года был опубликован декрет «О расторжении брака». Этим декретом ликвидировано привилегированное положение мужчины при расторжении брака и предоставлены женщине в этом равные с ним права.

На другой день, 20 декабря 1917 года, был издан декрет Совета Народных Комиссаров и ЦИК Советов Российской Федерации «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», который гласил, что Российская республика впредь признает лишь гражданские браки, что церковный брак, наряду с обязательным гражданским, объявляется частным делом брачущихся. Дети внебрачные уравнивались с брачными относительно прав и обязанностей как родителей к детям, так и детей к родителям. В случае отказа отца внебрачного ребёнка от отцовства, матери ребёнка, опекуну его или самому ребёнку декретом предоставлены права судебным порядком доказать отцовство. Предусмотрено было также привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в даче ложных показаний об отцовстве и материнстве.

Эти декреты имели огромное значение для действительного раскрепощения женщины, для повышения её политической и производственной активности. Таким образом, то, о чем мечтала женщина веками — быть в семье и в обществе равноправной с мужчиной, было впервые в истории человеческого общества осуществлено Советской властью.

И в дальнейшем эти вопросы занимали исключительно большое место в деятельности Советского государства. Уже в первые годы после Октября был осуществлен ряд мероприятий по уравнению женщины в правах с мужчиной во всех областях общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни, по улучшению материальной обеспеченности женщины-матери. В конце 1917 — начале 1918 годов были изданы декреты об охране и обеспечении материнства и младенчества, о равной заработной плате женщине за равный труд с мужчиной, об охране женского и дет-

ского труда, об организации общественного питания для детей[1].

Ленинской заботой о судьбе юного поколения, будущих строителей коммунизма, проникнуты важнейшие постановления об охране детства и юношества. В январе 1918 года был принят декрет Совета Народных Комиссаров «О комиссиях для несовершеннолетних», подписанный В. И. Лениным. В декрете говорится: «Суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются». Дела о несовершеннолетних обоего пола до 17 лет, совершивших общественно опасные поступки, переданы ведению комиссии о несовершеннолетних, которая «либо их освобождает, либо направляет в одно из убежищ Народного Комиссариата общественного призрения, соответственно характеру деяния»[2].

В развитие и во исполнение этого декрета Правительства Народным Комиссариатом Государственного Призрения учреждены отдел и коллегия призрения несовершеннолетних и коллегия по охране и обеспечению материнства и младенчества.

Итак, Советской властью были навсегда упразднены буржуазные институты, суды и тюрьмы для детей и юношей. Советское государство приняло на себя заботу об охране материнства, младенчества и юношества. В общегосударственном масштабе осуществляются неотложные мероприятия, направленные на охрану материнства, детства и юношества. В числе этих мероприятий особое место занимает государственная охрана женского и детского труда. Была запрещена ночная, сверхурочная и подземная работа для женщин. Для матери-работницы был установлен отпуск на восемь недель до и восемь недель после родов, введен перерыв на время кормления ребенка через каждые 3 часа сроком не менее полчаса.

О значении этих декретов В. И. Ленин писал: «От неравенства женщины с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнус-

[1] См.: Советская власть и раскрепощение женщины. Сборник декретов и постановлений РСФСР. М., Госиздат, 1921, стр. 9, 13—45.

[2] См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918, январь, № 16, стр. 242.

ное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребёнку уничтожено Советской властью полностью»[1].

В первые годы Советской власти декреты и мероприятия партии и правительства по раскрепощению женщины проводились в масштабе всей страны, но в национальных краях, областях из-за иностранной военной интервенции и гражданской войны практическая работа по раскрепощению женщин местных национальностей началась несколько позже. Однако велика была роль общесоюзных мероприятий, проведенных и в эти трудные военные годы по осуществлению советских законов о женском равноправии.

С 16 по 21 ноября 1918 года в Москве проходил I Всероссийский съезд работниц и крестьянок. В работе съезда приняло участие 1147 делегаток. Сам факт созыва съезда работниц и их широкое представительство свидетельствуют об огромной заботе партии и её вождя В. И. Ленина по вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь страны.

На съезде обсуждались насущные вопросы осуществления советских декретов о женском равноправии в обществе и в семье. Были приняты резолюции по вопросам о семье, о роли женщины на производстве, об охране и условиях применения женского и детского труда, об обеспечении матери и ребёнка, о задачах коммунистического воспитания трудящихся женщин. Был обсужден также вопрос о борьбе с проституцией — этим тяжелым и позорным наследием царизма и капитализма. Большое внимание было уделено усилению массово-политической работы среди женщин. Съезд признал необходимым создание при партийных комитетах специального отдела, занимающегося вопросами работы среди работниц и крестьянок.

19 ноября 1918 года на съезде выступил Владимир Ильич Ленин. В своей речи великий вождь подчеркнул огромное значение съезда. Оно определялось тем, что женщины во всех странах мира всего труднее включались в революционное движение. «Положение женщины до сих пор оставалось таковым, — говорил В. И. Ленин, — что его называют рабским; женщина

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 369.

задавлена своим домашним хозяйством, и от этого положения её может спасти только социализм. Только тогда, когда мы от мелких хозяйств перейдем к общему и к общей обработке земли, только тогда будет полное освобождение и раскрепощение женщин»[1].

В. И. Ленин поставил задачи по осуществлению советских законов о равноправии женщины с мужчиной, отметил трудности и сложность выполнения этих задач, показал пути практического выполнения их. Советская власть приняла декреты о женском равноправии. Это было первым необходимым условием для раскрепощения женщины. Дальнейшая задача заключалась в том, чтобы обеспечить неуклонное проведение в жизнь этих законов. Съездом работниц и крестьянок поэтому была выдвинута главная задача: осуществить фактическое равноправие женщины с мужчиной в обществе и в семье.

Выполнение этой задачи тесно переплеталось с проведением социалистического переустройства общества. Фактическое раскрепощение женщины так же, как и раскрепощение всех трудящихся, можно было осуществить на базе социалистической перестройки всего народного хозяйства. Таким образом, строительство социализма является основой ликвидации нищеты и темноты народных масс, основой полного раскрепощения женщины.

Решения, принятые I съездом работниц и крестьянок, отвечали вековым чаяниям трудящихся женщин. Съезд прошел под лозунгом политического просвещения и активного участия работниц и крестьянок в борьбе за укрепление диктатуры пролетариата, за строительство нового, бесклассового коммунистического общества.

Высокая оценка значения съезда дана Кларой Цеткин, замечательной представительницей международного коммунистического и рабочего движения: «Съезд многих тысяч пролетарских делегаток, крестьянок и трудящихся женщин со всех концов страны укрепил союз Советской власти и пролетарской революции с добивающимися своего освобождения женщинами. Этот съезд, огромнейшее значение которого со всей реши-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 186.

тельностью подчеркивал В. И. Ленин, ярко демонстрировал марксистский принцип, облеченный большевиками в плоть и кровь, — что полное освобождение и равноправие женщин ни в коем случае не может ограничиться предоставлением полной свободы деятельности только выдающимся женщинам»[1].

Советские законы о женском равноправии имели огромное политическое значение на Советском Востоке, где женщина на протяжении многих веков влачила жалкое существование рабыни. Но именно ввиду тяжелых форм векового порабощения женщин местных национальностей в Средней Азии, как и в ряде других национальных краев и областей, издавались специальные законы о раскрепощении женщины.

Первой Конституцией Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики, принятой VI Туркестанским съездом Советов в 1918 году, было узаконено равноправие женщины и мужчины. Глава VII, параграф 33, Конституции гласит: «Правом избирать и быть избранными пользуются независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п. следующие обоего пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, коим ко дню выборов исполнилось 18 лет»[2].

Тем самым впервые в истории народов Средней Азии женщине были предоставлены равные с мужчиной права в обществе, в управлении государством. Это явилось поистине величайшим революционным актом, возвестившим начало новой эры в жизни женщины-мусульманки, эры крушения её векового рабства, эры государственной гарантии охраны предоставленных отныне ей политических прав.

Основополагающим фактором в осуществлении советского законодательства о женском равноправии на Советском Востоке явились важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства, направленные на претворение в жизнь равноправия женщины в обществе и в семье.

Главным в раскрепощении женщины, как и во всей

[1] Клара Цеткин. Заветы Ленина женщинам всего мира. М., ГИПЛ, 1958, стр. 8—9.

[2] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 5, л. 8.

работе среди трудящихся масс, партия считала политическое просвещение, осуществление организаторской и воспитательной функцией Советского государства.

Работу среди тружениц партия рассматривала как важнейшее звено в цепи задач строительства социализма, что нашло свое выражение в программе партии, принятой VIII съездом РКП(б) в 1919 году. В работе среди женщин партия признала своей важнейшей задачей проведение преимущественно идейной и воспитательной работы, уничтожение всех следов прежнего неравенства женщин, а в практической деятельности — освобождение женщин от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства путём организации общественных столовых, прачечных, детских садов, яслей и т. д.

Эти программные требования Коммунистической партии легли в основу деятельности партийных, советских, общественных и хозяйственных организаций. Подчеркивая особо важное значение осуществления равноправия полов в обществе и в семье, партия рассматривала это как неотъемлемую часть общепартийной работы и выступила против создания обособленных от пролетариата женских организаций. Работа среди работниц и крестьянок велась авангардом рабочего класса — Коммунистической партией.

VIII Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в декабре 1920 года, обсудил вопрос о привлечении женщин к хозяйственному строительству. Проведение единого хозяйственного плана, восстановление промышленности, транспорта и сельского хозяйства, отмечалось в постановлении съезда, возможны лишь при целесообразном использовании женских трудовых сил, составляющих половину населения Советской республики. Съезд признал необходимым привлечение работниц и крестьянок во все экономические органы, разрабатывающие и осуществляющие общехозяйственный план, в заводоуправления, в фабрично-заводские комитеты и в правления профессиональных союзов.

Вопрос об усилении работы среди женщин и повышении их политической активности неоднократно обсуждался на съездах Коммунистической партии. Так, на VIII, IX, X, XI, XII и последующих съездах партии обсуждались задачи по работе среди женщин. Партия

повседневно и неуклонно направляла работу среди женщин, добиваясь повышения их политической активности, вовлечения их в строительство социализма.

Практическую работу среди женщин проводил специальный аппарат, созданный в партийных комитетах, — отдел по работе среди работниц и крестьянок (женотдел). В 1920 году Центральный Комитет партии разработал положение о женотделах, послужившее программой работы партийных организаций в области раскрепощения женщины.

На заводах, фабриках и других предприятиях работу среди женщин-работниц проводили женорганизаторы, а в деревнях — волостные организаторы, работавшие под руководством партийных ячеек. Такая структура способствовала значительному усилению влияния партии на тружениц и повышению их политической и производственной активности.

Отдел работниц и крестьянок Центрального Комитета партии проводил колоссальную организационную работу. Регулярно созывались совещания и съезды работниц и крестьянок для обсуждения вопросов о повышении политической и производственной активности трудящихся женщин, об осуществлении советского законодательства о равноправии женщины с мужчиной в обществе и в семье, об улучшении быта работниц и крестьянок, об охране материнства и младенчества, женского и детского труда, об улучшении работы делегатских собраний, об организации культурно-просветительных учреждений и т. д. Проводились специальные совещания по работе среди женщин Востока.

Отделы работниц и крестьянок явились проводниками в жизнь организационных и политических мероприятий Коммунистической партии в области осуществления равноправия полов в обществе и в семье.

В повышении политической и производственной активности трудящихся женщин огромную роль сыграли женские журналы «Работница», «Коммунистка», «Крестьянка», «Советская женщина». Ежемесячный массово-политический иллюстрированный журнал «Работница» издается с 1923 года. Однако еще в 1914 году по инициативе В. И. Ленина был организован легальный большевистский журнал «Работница» — орган ЦК РСДРП(б); позже, в мае 1917 года, было возобновлено

издание этого журнала, который выходил вплоть до января 1918 года. Журнал «Коммунистка» — орган отдела ЦК РКП(б) по работе среди работниц и крестьянок — издавался с 1920 по 1930 год. С июня 1922 года издается журнал «Крестьянка». Ежемесячный иллюстрированный общественно-политический и литературно-художественный журнал «Советская женщина» издается Комитетом советских женщин и Всесоюзным Центральным Советом Профессиональных Союзов с декабря 1945 года и выходит на русском, английском, французском, немецком, испанском, китайском и корейском языках.

Наиболее действенной и гибкой формой приобщения трудящихся женщин к политической и экономической жизни в первые годы Советской власти были делегатские собрания, которые созывались партийными организациями. Делегатки избирались на общем собрании женщин цеха, фабрики, завода, квартала или села сроком на один год. Группа делегаток в 30—40 или даже 100—120 человек составляла делегатское собрание, которое собиралось раз в месяц. Отделом работниц и крестьянок Центрального Комитета была разработана программа делегатских собраний. В ней были определены их цели и задачи. «Обязанности делегатки, — говорилось в программе, — выполнять и проводить в массы заветы Ленина, величайшего вождя рабочего класса». Далее указывались темы для бесед на собраниях: революционная деятельность В. И. Ленина; местные Советы и их задачи; Советская власть и диктатура пролетариата; национальная политика СССР; советские суды и законодательство в области семейно-брачного права и охраны материнства и младенчества, охраны женского и детского труда; вопросы истории Коммунистической партии; участие женщин в хозяйственном строительстве и др.[1].

Для практической работы делегатки прикреплялись к Советам, к школьным и детским учреждениям, к кооперативным организациям и т. д. Делегатские собрания объединяли вокруг партии, Советов и профсоюзов все слои трудящихся женщин, втягивали их в круг

[1] См. Программа делегатских собраний. «Коммунистка», 1925, № 7, стр. 42—46.

общественных, производственных и государственных интересов, приучали женщин к производственным навыкам, способствовали повышению активности женщин, играли роль подлинной школы просвещения и воспитания трудящихся женщин, подготовки женских кадров-активисток.

В циркулярном письме ЦК РКП(б), направленном 24 августа 1922 года за подписью В. Куйбышева в местные комитеты партии, говорится, что делегатские собрания призваны сыграть активную роль в усилении влияния партии на широкие слои женского пролетариата и в преодолении опасности роста мелкобуржуазного влияния на них в условиях новой экономической политики. «Институт делегатских собраний, — отмечается в письме, — дает возможность партии осуществить свое влияние не только на женский пролетариат, но и на те слои трудящихся, которые по целому ряду причин находятся вне нашей агитации и пропаганды»[1].

Эти мероприятия ЦК РКП(б) в области осуществления равноправия женщин явились ценным опытом для партийной организации Туркестана. Хотя работа среди женщин в Средней Азии имела ряд специфических особенностей, основополагающим и руководящим началом в этой чрезвычайно сложной и трудной сфере деятельности Коммунистической партии Туркестана явилось ленинское руководство ЦК РКП(б). Систематически направляя партийную организацию Туркестана на неуклонное осуществление советских законов по раскрепощению женщины Востока, ЦК РКП(б) своевременно исправлял ошибки, допускавшиеся по тем или иным причинам местными комитетами партии.

Под руководством отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б) с 1919—1920 годов стали организовываться женотделы в партийных комитетах Средней Азии.

28 августа 1919 года Краевой Комитет Коммунистической партии Туркестана направил телеграмму всем партийным комитетам, в которой сообщал об организации отдела по работе среди женщин в Крайкоме и о задачах в области работы среди тружениц. В те-

[1] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 2472, л. 17.

леграмме говорилось: «В силу исторических условий работница до сих пор осталась в стороне от великих мировых событий и никакого участия в революции, за малым исключением, не принимает. Дать понять женщине вообще, что она такой же равноправный гражданин, как и мужчина, ибо программа наша признает деление общества только на классы, но не на полы, выяснить работнице важность момента, привлечь её к работе — неотложная задача нашей партии»[1].

Женотдел Туркестанского крайкома партии был создан в конце августа 1919 года[2]. Первой его заведующей была Ида Исааковна Финкельштейн.

Женотделы в местных комитетах партии были созданы в 1919—1920 годах. В Закаспийской области, например, женотделы были созданы весной и летом 1920 года. Так, в Красноводске — 6 марта, в Теджене — 6 июля, в Мерве и Байрам-Али — 10 июля 1920 года.

Женотделы созывали женские собрания, на которых в основном обсуждались вопросы об организации яслей, детских садов, интернатов, о детском питании, об общественных прачечных, столовых, о создании школ ликбеза и т. д. Они проводили культурно-просветительную работу — организовывали концерты, митинги, спектакли, лекции и т. д. Некоторыми женотделами издавались брошюры о женском движении. Практическая работа по организации работниц в Ферганской области, например, началась с вовлечения домохозяек в общественно-полезную работу, в частности на предприятия кустарной промышленности и текстильного производства. Уже с 1920 года в кустарное производство вовлекались женщины-мусульманки.

21 декабря 1919 года состоялось общее собрание работниц Полторацка, присутствовало 67 женщин.

---

[1] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 305, лл. 3, 4, 5.

[2] В архивных источниках имеется разнобой в определении даты создания женотдела Туркестанского крайкома партии. Так, в материалах партархива Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС (см., в частности, ф. 60, оп. 1, д. 897, лл. 1, 4) датой создания женотдела указывается сентябрь 1919 года, а в документах партархива Туркменского филиала ИМЛ при ЦК КПСС (ф. 4, оп. 1, д. 96, лл. 42, 43, 44, 45, 47) — 12 ноября 1919 года; последняя дата приводилась нами в ранее изданных трудах.

На повестке дня собрания были поставлены вопросы: текущий момент, задача отдела в работе среди женщин-пролетарок, общественное воспитание детей, о движении суфражисток[1] и социалисток. На собрании было избрано бюро работниц из пяти коммунисток (Виноградова, Васильева, Феоктистова, Кукаева, Рыжкова). С 22 ноября 1919 года по 17 апреля 1920 года было проведено 14 заседаний бюро работниц, на которых обсуждалась работа детских учреждений, больниц, приютов и т. д.

В 1919—1920 годах проводились собрания женщин-мусульманок в Мерве, Полторацке, Чарджуе и др.

Женотдел Туркестанского краевого комитета партии 19 декабря 1919 года созвал второе заседание объединенного собрания женского подотдела при агитационно-организационном отделе краевого бюро мусульманских организаций РКП(б). Заседание вела заведующая женотделом крайкома партии И. И. Финкельштейн. Ещё на первом заседании было поручено И. И. Финкельштейн определить формы и методы работы среди мусульманок в соответствии с местными условиями. А второе заседание в своей резолюции уже записало, что оно полагает возможным организацию мусульманок только путём материальной и юридической помощи, а именно: объединить всех кустарей-работниц в профессиональные союзы и открыть на местах мастерские, а также ходатайствовать перед Комиссариатом Просвещения об открытии школы труда и вечерних общеобразовательных курсов для мусульманок; открыть при женском отделе справочное бюро, на которое возлагается защита беднейших женских масс как материально, так и юридически.

В мае 1920 и в марте 1921 годов были проведены краевые съезды работниц Туркестана, в работе которых участвовали и женщины местных национальностей.

На заседаниях коллегии женотдела ставились и решались насущные вопросы работы среди женщин — о формах и методах работы среди них, о вовлечении трудениц в хозяйственное и советское строительство,

[1] *Суфражистки* — участницы буржуазного женского движения — суфражизма, выступавшего за предоставление женщинам избирательных прав. Суфражизм не опирался на трудящихся женщин и не приобрел массового характера.

об охране женского труда, о ликвидации женской безработицы, об охране материнства и младенчества, о подготовке женских кадров, об участии женотделов в работе органов печати, о созыве конференций, совещаний, о ликвидации безграмотности, о работе среди железнодорожниц и т. д. В краевой и местных газетах были предусмотрены «Странички женщины-работницы», которые в основном содержали материалы самих работниц.

Женотдел крайкома партии много внимания уделял вовлечению работниц в хозяйственное и советское строительство, оказывал активное влияние на Народный Комиссариат Труда и другие государственные и хозяйственные организации по внедрению и охране женского труда, улучшению социально-бытовых условий работниц и т. д.

Насколько чутко женотдел крайкома партии относился к запросам трудящихся женщин и воспитательной работе среди них явствует тематика лекций, разработанная с учетом аудитории: «Всегда ли женщина была рабыней?», «Как победить голод?» и другие. Для рабочей аудитории рекомендовались темы: «Как охранять здоровье фабрично-заводских работниц?», «Что сделала Советская власть для раскрепощения женщины?», «Как работницы жили раньше и как они могут строить новую жизнь теперь?» и другие.

Ежегодно к празднованию Международного женского дня местными партийными организациями рассылались циркуляры ЦК РКП(б) и ЦК КПТ об организации концертов-лекций, спектаклей, бесед и других мероприятий с освещением вопросов о значении дня работницы, о положении женщины в прошлом, настоящем и будущем, материалов по истории движения работниц в России и др. Посылались многочисленные циркуляры, инструкции о работе в РКП, об участии отдела работниц в ликвидации безграмотности, о взаимоотношении отдела работниц с другими отделами партийных комитетов, о задачах отдела работниц в области агитации и пропаганды, о «Страничке женщины-работницы» и по другим вопросам.

Отдел по работе среди женщин ЦК КП Туркестана в те трудные годы принимал активное участие во всех проводившихся важнейших мероприятиях. Представи-

тели женотделов в центре и на местах участвовали в комиссиях по проведению различных мероприятий помощи фронту.

В 1922 году женотделом было проведено 14 общественных мероприятий, в том числе — «Неделя помощи фронту», «Неделя помощи голодающим», «Неделя помощи школьникам», «Неделя профдвижения» и др. К участию в этих кампаниях привлекалось большое число женщин. В апреле 1922 года был проведен «Месячник Красной Армии». В этой связи женотдел ЦК КПТ направил женотделам местных комитетов партии письмо о необходимости принятия активного участия в месячнике.

Женотдел выпускал различные плакаты, посвященные раскрепощению женщины. Так, например, в 1920 году к Октябрьской годовщине было выпущено отдельным изданием обращение к женщинам мусульманкам Туркестана на узбекском языке.

В 1921—1922 годах женотдел ЦК КПТ организовал издание «Странички работницы», брошюр на узбекском языке «Почему я стала коммунисткой?», «Живое художественное слово труженицы Туркестана»; в печати публиковались статьи о вовлечении женщин в кооперацию, о Международном женском дне и т. д. В 1921 году делегатские собрания в Туркестане не существовали и лишь на основе указаний ЦК РКП(б) были восстановлены как среди европейских женщин-работниц, так и среди женщин местных национальностей.

Ликвидация неграмотности женского населения занимает значительное место в борьбе за политическое пробуждение женщин Туркестана. Уже в 1921 году 160 женщин местных национальностей обучались в школах ликбеза. В 1921 году ЦК КСМ Туркестана организовал секцию по работе среди девушек восточных национальностей.

В эти годы велась некоторая работа и по подготовке кадров из числа женщин местных национальностей. В 1921 году в Университете тюркских народов обучались 20 мусульманок, в Университете им. Я. М. Свердлова — семь работниц женских отделов и в Коммунистическом университете народов Востока — четыре женщины.

25 января 1921 года состоялось краевое совещание завженотделами и мусульманскими секциями. На повестке дня — 14 вопросов: очередные задачи женотделов, особенности работы среди мусульманок, домохозяек, работа женотделов в профсоюзах, трудовая повинность и женотделы, кустарная промышленность Туркестана и женотделы, участие женотделов в работе рабоче-крестьянской инспекции, участие женотделов в постановке детского бесплатного питания в Туркестане, охрана материнства и женотделы, народное образование и женотделы, всеобуч и женотделы, правовое положение женщин в Туркестане, шариат и Советская юстиция, агитационно-пропагандистская работа среди женщин.

Участники совещания направили телеграмму В. И. Ленину: «Первое краевое совещание заведующих женотделами и муссекциями, приветствуя вождя мировой революции тов. Ленина, выражает твердую уверенность, что делу раскрепощения женщины, в частности женщины-мусульманки, заложен прочный фундамент, и в этот момент, когда все силы страны обращены на хозяйственное строительство, пробуждающиеся от вековой спячки труженицы Туркестана не останутся в стороне от общего дела и оправдают возложенные на них надежды — участвуя в организации и строительстве новой жизни на коммунистических началах»[1].

После создания женотделов партия потребовала усиления работы среди женщин. В сентябре 1920 года состоялся V съезд КПТ. В тезисах о партийном строительстве имеются «Тезисы по работе среди женщин», где в пункте 12 говорится: «V съезд КПТ считает работу среди женщин трудящихся одной из неотложных очередных задач партии. Учитывая, что наблюдаемый кризис общественных работников может быть ликвидирован использованием и втягиванием в работу советского и партийного строительства новых свежих сил — женщин-работниц, и почему небрежное отношение к работе среди женщин и проводникам этой работы женотделам должно быть изжито путём распропа-

[1] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 1769, л. 21.

гандирования идей этой работы среди членов КПТ. Вовлечение же работниц в строительство новых форм жизни — есть дело государственной важности и лишь ускоряет победу к коммунизму»[1].

Большую помощь в работе женотделов Туркестана оказывал отдел работниц и крестьянок ЦК РКП(б) и Международный женский секретариат (МЖС) Исполнительного Комитета III, Коммунистического Интернационала. В 1921 году при отделе работниц и крестьянок ЦК РКП(б) было организовано бюро по работе среди женщин народов Востока. Оно состояло из трех человек и объединяло работу местных отделов по работе среди женщин Востока[2].

ЦК РКП(б) постоянно направлял и контролировал работу по повышению политической и производственной активности женщин. В письме от 17 января 1921 года ЦК РКП(б) запрашивались сведения об участии женщин в партийном, советском и хозяйственном строительстве за 1917—1920 годы. В письме за подписью секретаря ЦК РКП(б) В. В. Куйбышева и заведующей отделом работниц и крестьянок В. А. Мойровой от 24 августа 1922 года ЦК РКП(б) указал на необходимость проведения перевыборов делегатских собраний и укрепления их, усиления влияния партии на женские массы.

Поступали также указания о необходимости вовлечения женщин в работу уездных съездов Советов и исполкомов, о выборах их на Всероссийский съезд Советов, о вовлечении работниц и крестьянок в промысловую кооперацию, об участии женотделов в работе профсоюзов с выделением в профсоюзах ответственного работника для работы среди работниц, о вхождении представителя женотделов в биржи труда, об охране материнства и младенчества и т. д.

В соответствии с этими указаниями ЦК КПТ рассылал аналогичные циркуляры на места.

20 января 1922 года при МЖС ИККИ было проведено совещание по вопросу о работе среди женщин Советского Востока. Совещание заслушало доклад

---

[1] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 503, лл. 9, 14.

[2] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, д. 162, л. 4.

С. Т. Любимовой о первых шагах в работе среди женщин на Востоке и выделило ответственного работника в отделе работниц и крестьянок ЦК РКП(б) для руководства работой женотделов партийных организаций среди восточниц. На совещании было принято постановление о создании постоянно-действующей комиссии при отделе работниц и крестьянок ЦК РКП(б) в составе активных деятельниц женского движения на Востоке В. Цейтлин, С. Любимовой, Каспаровой. Совещание также решило созвать во второй половине марта 1922 года Всероссийское совещание заведующих женотделами восточных республик, на котором обсудить вопросы: о международном и внутреннем положении РСФСР, о женском движении на Востоке, о задачах партии в работе среди женщин народов Востока, о формах и методах работы и содоклад о печати, доклады наркомнаца и наркомюста о правовом положении женщины в восточных республиках, об охране материнства и младенчества на Востоке.

ИККИ за подписью члена Международного женского секретариата Каспаровой 29 сентября 1922 года препроводил в Ташкент тезисы «Задачи РКП в области работы среди женщин народов Советского Востока». В них говорилось о задачах партии, о формах и методах работы среди женщин-мусульманок.

Восточный сектор МЖС ИККИ выпускал бюллетень, в котором рассказывалось о достижениях коммунистических организаций восточных республик страны в вовлечении женщин в общественную и производственную жизнь. Так, например, в бюллетенях за февраль, март, апрель 1923 года, в частности, сообщалось, что в Туркестане, несмотря на непомерные трудности, работа среди женщин продвигается вперед, что существует 20 артелей, 5 женских клубов, 8 школ грамоты для женщин; 14 женщин избраны членами сельских Советов в Туркменской области, 12 узбечек — в Советы в Фергане.

Трудно переоценить значение этих мероприятий восточного сектора МЖС ИККИ для того времени. Организуя совещания женщин работниц восточных республик и областей, выпуская бюллетени о состоянии работы партийных организаций республик Советского Востока, восточный сектор МЖС оказывал неоцени-

мую помощь местным парторганизациям в обмене опытом в области работы среди женщин Востока, в особенности в республиках с мусульманским неселением. Уже этот первый опыт партии по повышению политической и производственной активности мусульманок свидетельствовал о том, как, преодолевая колоссальные трудности, Коммунистическая партия упорно и настойчиво освобождает из-под влияния байства и духовенства веками угнетенную женщину Востока, добиваясь вовлечения её в ряды активных строителей социализма и коммунизма.

Как видим, в первые годы Советской власти в Туркестане политико-воспитательная работа среди женщин по сути только начиналась. Она велась в основном в трёх направлениях: агитационно-пропагандистском, организационно-инструкторском и путем вовлечения женщин в советское строительство.

Видную роль в борьбе за раскрепощение туркменки играли женотделы партийных комитетов Туркменистана. Правда, к моменту организации женотделов на партийной и советской работе ещё не было ни одной женщины из коренного населения. Например, в 1922 году по Туркестанскому краю лишь одна туркменка — Огульдурды была выдвинута на должность председателя аульного Совета Кульдже Тахта-Базарского района. В женотделах тогда в основном работали русские женщины, которые, как правило, знали туркменский язык. Первыми заведующими женотделов были: Е. С. Богачева — Полторацкого уездкома партии, К. И. Нарожная — Мервского уездкома партии, ныне пенсионерка. Работницы женотделов приходили к женщинам-туркменкам, используя в этих целях для общения с дайханками национальные праздники, свадьбы и т. д.; они неутомимо боролись за поднятие политической активности туркменок, за освобождение их из-под влияния баев, из оков векового рабства.

Историческую задачу раскрепощения женщины приходилось выполнять в очень сложных и трудных условиях, ибо речь шла о переделке психологии, нравов и обычаев туркменского населения, среди которого веками насаждался дух феодально-байского отношения к женщине-туркменке, произвола и дикости, не знавших предела.

Женотделы были окружены постоянным вниманием со стороны партийных комитетов, советских организаций, получали от них необходимую помощь.

16 ноября 1920 года состоялось I Закаспийское областное совещание заведующих уездными отделами по работе среди женщин. В работе совещания участвовали представительницы местных партийных организаций. Были обсуждены вопросы: доклады с мест, участие женщин в помощи Красной Армии, организационный вопрос, участие в работе Рабоче-Крестьянской инспекции, о «Неделе ребенка», текущие вопросы. Были заслушаны выступления заведующих отделами по работе среди женщин уездных комитетов партии, которые только начинали развертывать свою деятельность. Так, в Мервском уезде в течение месяца были проведены два общих, два делегатских собрания и четыре заседания женотдела. Проводились также общие собрания женщин в Полторацке, Теджене и других местах. Однако женотделы не имели еще достаточного опыта работы и необходимых кадров из числа женщин-туркменок.

Разумно отмечалось, что в работе среди дайханок ввиду специфических условий быта нельзя руководствоваться только инструкциями центра. Женотделам рекомендовалось применять в работе среди дайханок своеобразные формы и методы с учетом местных условий. В частности, указывалось на метод производственной программы, которая составляется отделом на каждый месяц. Для выполнения производственной программы в отделе организовывались ударные группы в составе 5—6 человек организаторов-агитаторов. Делегатские собрания были признаны важнейшим средством политического просвещения женщин.

Совещание приняло решение об оказании посильной помощи Красной Армии, в частности путем сбора теплых вещей для бойцов. По вопросу о «Неделе ребенка» было решено создать комиссии на местах, устраивать митинги, концерты и т. д.

В Полторацке уже в 1920 году были организованы два педагогических курса, на которых обучались 30 женщин и девушек. 14 марта 1920 года при женотделе Полторацкого уездкома партии была организована мусульманская секция, которая проводила собрания му-

сульманок. Эти собрания посещали в основном персиянки-мусульманки.

Но работа среди женщин Туркменистана, как и в целом Туркестана, пока что охватывала лишь работниц и жен рабочих городской местности, то есть главным образом женщин европейских национальностей. Работа же среди женщин местных национальностей, в частности среди туркменок, только еще начала развертываться.

С ликвидацией иностранной интервенции и окончанием гражданской войны перед страной встала задача восстановления народного хозяйства и дальнейшего его развития. Партия в 1921 году на X съезде РКП(б) приняла новую экономическую политику. На решение этой главной задачи надо было мобилизовать производительные силы страны, в том числе и женскую рабочую силу. Ещё Всероссийское совещание заведующих женотделами партийных комитетов признало, что теперь в связи с нэпом необходимо «...направить работу среди женщин в русло хозяйственных задач сельского хозяйства и всех видов кооперации»[1]. А женщины по своей численности представляли колоссальную производительную силу. Так, например, в 1920 году в Туркестанской республике из общего числа населения в 5221963 человека женщины составляли 2491766 человек, то есть 47,7 процента, из них в городской местности проживало 494857 женщин, в сельской — 1996909 женщин. Из общего числа женщин Туркестана 94,4 процента были неграмотными. Это были труженицы, силы и здоровье которых уходили на непроизводительный и изнурительный труд у домашнего очага.

Задача заключалась в том, чтобы направить эту силу в русло социалистического строительства, вырвать её из оков векового рабства и вывести на широкую дорогу коммунистического общества.

Осуществление советских законов о женском равноправии в Средней Азии потребовало от местных партийных, советских и общественных организаций, от государственных органов много усилий, ибо речь шла

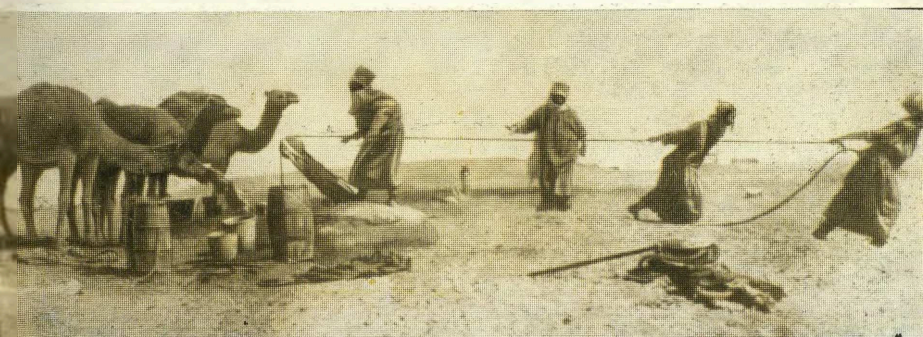
---

[1] Справочник партийного работника. Выпуск II. М., Издательство отделения ЦК РКП, 1922, стр. 205.

Безмолвная...

Непосильный труд

Татьяна Михайловна Текинская

о коренной перестройке быта, обычаев и нравов, укоренившихся веками в сознании людей, их отношения к женщине как к рабыне.

«Равенство по закону,— учит В. И. Ленин,— не есть ещё равенство в жизни. Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником. Для этого надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством. Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин»[1].

Практическое осуществление советских законов о раскрепощении женщины на Советском Востоке — в Средней Азии — было сопряжено с чрезвычайно большими трудностями и имело свои особенности. Они были связаны с вековым закрепощением женщины, экономической и культурной отсталостью народов Средней Азии. Беспрекословное подчинение женщины мужчине — мужу, отцу, брату, затворничество женщины, рабство, в которое загнали её эксплуататорский строй и ислам,— всё это тяжелое наследие прошлого народов Средней Азии перешло к нам от феодализма и капитализма. Раскрепощение женщины требовало поэтому решительной ломки, преодоления этих пережитков. Иначе в Средней Азии нельзя было говорить всерьез об осуществлении законов о равноправии женщины с мужчиной в семье и в обществе. «В восточных республиках и автономных областях,— отмечала Клара Цеткин,— требование равноправия женщины вступает в особенно резкое столкновение с установившимися веками и даже тысячелетиями обычаями, с экономическим и общественным укладом, с писаными и неписаными религиозными и светскими законами»[2].

Представители эксплуататорского строя и служители культа ислама испокон веков прививали женщине смирение, непротивление своему рабскому положению. И то, что складывалось веками в отношении к женщине как к неравному, низшему существу, как к рабыне, трудно было искоренить, а тем более искоренить сразу, в короткие сроки. Свое рабское положение жен-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 157—158.
[2] Клара Цеткин. Указ. работа, стр. 28.

щины-мусульманки воспринимали как священное, как данное свыше. И не только фанатичностью женщины объясняется её покорность. Кораном и шариатом узаконено право мужчины на избиение женщины, на заточение её, на изгнание. Насилие, узаконенное эксплуататорским строем,— вот один из источников безропотной покорности женщины Востока.

Проведение в жизнь советских законов о равноправии полов требовало систематической и кропотливой воспитательной работы среди трудящихся масс, усиления карательных мер против злостных нарушителей этих законов.

Раскрепощение женщины-туркменки обострило классовую борьбу, вызвало со стороны свергнутых Октябрьской революцией эксплуататорских классов жестокое сопротивление политике Коммунистической партии и Советской власти, направленной на предоставление равноправия женщине. Освобождение женщины противоречило классовым интересам баев и мулл, которые стремились удержать женщину в цепях рабской покорности. А это означало держать половину населения в положении прежней забитости, оторванности от мира, в стороне от всенародной борьбы против социального и национального гнета. Байство и духовенство повели разнузданную пропаганду против политики раскрепощения женщин. При этом враги делали ставку на невежество и темноту масс.

Но какое бы сопротивление раскрепощению женщины ни оказывали баи и муллы, они уже не могли сломить волю женщины к свободе и свету. Они не в силах были сделать это, ибо советские законы о равноправии женщины с мужчиной в обществе и в семье отвечали коренным интересам трудящихся масс, интересам прогрессивного развития народов Средней Азии. Эти законы неуклонно проводились в жизнь. На советские законы о женском равноправии первыми откликнулись рабочие, батраки, беднейшее дайханство, которые все больше стали убеждаться в правильности этой политики, отвечавшей их классовым интересам.

Но трудящимся предстояло преодолеть большие трудности на пути освобождения женщины в первые годы Советской власти. Вот главные из них:

Во-первых, экономическая и культурная отсталость, слабое развитие советской государственности; наличие сильных феодально-буржуазных пережитков во взглядах на женщину, как на неравное с мужчиной существо. Эти взгляды укоренились в нравах людей, вошли в традиции семей и были исключительно цепким препятствием при проведении в жизнь равноправия женщины.

Во-вторых, слабость партийных организаций на местах, многие из которых, например, в аулах и кишлаках были созданы сравнительно недавно и еще не успели окрепнуть. Слабы и малочисленны были кадры партии и государства из людей местных национальностей, а руководящие кадры из числа женщин — узбечек, туркменок, таджичек, казашек насчитывались буквально единицами.

В-третьих, наличие в первые годы Советской власти басмачества — вооруженного сопротивления классовых врагов, контрреволюционной агитации о попрании якобы коммунистами национальных законов и обычаев коренных народов. Классовые враги оказывали ожесточенное сопротивление делу раскрепощения женщин. Все это осложняло работу по раскрепощению женщин местных национальностей.

И, наконец, значительный вред причиняли делу раскрепощения женщины провокационные слухи и вылазки, устраивавшиеся не без подстрекательства агентуры капиталистических стран баями, буржуазными националистами-панисламистами, пантюркистами и другими врагами Советского государства.

Таковы были трудности, которые предстояло преодолеть.

Несмотря на большие трудности, мероприятия партийных организаций Средней Азии по работе среди женщин уже в первые годы Советской власти имели огромное значение как в политическом пробуждении тружениц края, так и в накапливании опыта работы по осуществлению в жизнь советского законодательства о женском равноправии и подготовке кадров для женотделов партийных комитетов. Тем самым прокладывался путь к развертыванию в широких масштабах работы по раскрепощению женщин Востока.

В. И. Ленин и женщины Туркестана

Великий вождь трудящихся В. И. Ленин уделял много внимания раскрепощению женщин Востока. По его инициативе ЦК РКП(б) принял решение о созыве 20 июня 1920 года Первого Всероссийского съезда трудящихся женщин Востока, однако из-за иностранной военной интервенции и гражданской войны время созыва этого съезда было перенесено сначала на 1 марта, а затем на 20 июня 1921 года.

Для подготовки созыва съезда было создано оргбюро, куда вошли ответственные работники отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б) и женотделов местных партийных комитетов Туркестана, Закавказья, Крыма, Поволжья и других районов страны. Оргбюро провело большую работу по подготовке к съезду. В частности, оргбюро подготовило и созвало 5—7 апреля 1921 года в Москве первое совещание представительниц женотделов народов Востока советских областей и республик. На нем присутствовало 45 делегаток-коммунисток Туркестана, Азербайджана, Башкирии, Крыма, Кавказа, Татарии, Сибири и местностей с тюркским населением.

Совещание обсудило вопросы экономического и правового положения женщин Востока, формы и методы организации агитации и пропаганды среди них[1].

Совещание признало целесообразным использовать женские клубы, производственные артели и другие формы объединения женщин, где можно было получить не только культурно-просветительную подготовку, но и наглядно научиться строительству тех форм новой жизни и быта, которые действительно способствуют её всестороннему раскрепощению[2].

Делегатки совещания обратились к В. И. Ленину с письмом, приглашая его приехать на совещание. В ответ на приглашение В. И. Ленин послал следующую телеграмму:

«К глубокому сожалению, неотложная работа не позволяет мне присутствовать на вашем совещании.

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 446.

[2] «Коммунистка», 1925, № 3, стр. 7.

Горячо приветствую и шлю свои лучшие пожелания успеха в работе и особенно в работе по подготовке предстоящего первого Всероссийского беспартийного съезда женщин Востока, который, правильно подготовленный и проведенный, несомненно, сыграет громадную роль в деле пробуждения сознания и организационного объединения женщин Востока»[1].

Эта телеграмма В. И. Ленина вызвала бурю восторга и воодушевления у участниц совещания, мобилизовала их на нелегкую борьбу за раскрепощение женщины Советского Востока. Участники совещания послали приветствие вождю с заверением решительно бороться за «пробуждение сознания и организационного объединения женщин Востока».

Первое совещание представительниц женотделов восточных советских республик и областей явилось важным мероприятием по дальнейшему развертыванию борьбы за раскрепощение женщины Советского Востока, в том числе и Туркестана.

Первый Всероссийский съезд женщин Востока не состоялся из-за хозяйственной разрухи, продовольственного кризиса. Но мероприятия, проведенные в связи с подготовкой к съезду, внесли значительное оживление в работу среди женщин восточных республик и областей. В связи с подготовкой к съезду выпускались плакаты на местном и русском языках. Вот некоторые темы этих плакатов: «Женщина Востока в старое время была рабыней. Отныне женщина Востока — в рядах трудящихся в борьбе с капиталом», «Советская власть освободила женщину и призвала её в ряды строительниц коммунизма», «Перед женщиной открыта широкая дорога. Пусть она примет участие в создании культуры своего народа», «Порваны цепи рабства и насилия, гордо и крепко держи красное знамя свободы, иди вперед к свету и знанию!».

Местные партийные организации развернули массово-разъяснительную работу среди населения; женотделы решили подготовить женскую мусульманскую массу для созыва беспартийных конференций. Проводились собрания для выбора делегаток на беспартий-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 162.

ные конференции. Это оживление работы среди женщин местных национальностей вызвало яростное сопротивление со стороны байства и мусульманского духовенства. Последние провоцировали недовольство и волнения местного населения, прибегали к террору, всячески стремясь сорвать женские конференции и съезд, запугать веками угнетенных тружениц актами насилия.

Однако ничто не могло помешать начавшемуся политическому пробуждению трудящихся женщин Востока. Зверства басмачей и баев лишь усиливали ненависть к ним у широких слоев трудящихся и порождали еще большую симпатию к Советской власти.

Ярким подтверждением этому является то, что на территории Туркестана в 1921 году были проведены одна краевая, 6 областных, 12 городских и 18 уездных беспартийных конференций, в которых участвовало свыше одной тысячи женщин местных национальностей. На этих конференциях заслушивались доклады руководящих партийных и советских работников, отделов народного образования, юстиции и других советских органов о раскрепощении женщин, о советском строительстве, о политических задачах и т. д.; на них избирались делегатки на Первый Всероссийский съезд женщин Востока.

Таким образом, эти конференции сыграли важную роль в осуществлении задачи политического пробуждения женщин восточных национальностей, поставленной В. И. Лениным.

В те годы еще не полностью была налажена телеграфная связь. Поэтому ЦК КП Туркестана не успел оповестить местные партийные комитеты об отмене Первого Всероссийского съезда женщин Востока, и в Ташкент съехались 78 делегаток, избранных на съезд в Москву, в том числе делегатки из Туркменской области — Амандурсун Чиль кызи из Тохтамышского района, и другие.

ЦК КП Туркестана принял решение об отправлении съехавшихся делегаток в Москву. Это было совершенно правильным решением. Ибо, во-первых, нельзя было огорчать женщин-делегаток, которым отъезд из родных мест стоил больших моральных и физиче-

ских усилий, во-вторых, впервые за многовековую историю женщины Туркестана вырвались из цепей шариата и предрассудков и направились в далекий для них путь. Делегатки восторженно встретили весть о приглашении их отделом работниц и крестьянок ЦК РКП(б) посетить Москву.

13 июня 1921 года — памятная историческая дата.

В этот день полномочные представители многомиллионных масс женщин Советской Средней Азии прибыли в Москву. Они покинули просторы необъятных степей, жаркие каракумские барханы, душистую прохладу цветущих оазисов и с суеверным ужасом доверили свою жизнь «огнедышащему дракону», каким им представлялся поезд. Они проехали тысячи километров по зыбким железным путям, чтобы увидеть Ленина, сказать ему, что женщины Советского Востока пробуждаются, все решительнее встают под знамя Коммунистической партии.

Поезда ходили без расписания. Уже несколько дней работники Центрального женотдела по очереди неусыпно дежурили на Казанском вокзале в ожидании дорогих гостей. 13 июня 1921 года они с особым нетерпением и горячим волнением вышли навстречу «ташкентскому поезду».

Старый, зашарпанный паровоз, исходя остатками пара, бессильно уткнулся в тупик. Из расшатанных, запыленных вагонов, давно потерявших цвет и вид, высыпали многочисленные пассажиры. Утомленные долгой дорогой, в мятой грязной одежде, неся на себе корзины, мешки и узлы, люди спешили поскорее покинуть вокзал. Перрон опустел, и только тогда встречающие увидели своих желанных гостей. Чинно, без суеты, сошли друг за другом на дощатый перрон делегатки Туркестана. Прибыло 78 женщин, из них несколько пожилых, четверо с детьми.

Многонациональный Туркестан прислал узбечек и туркменок, киргизок и таджичек, казашек и каракалпачек и по одной делегатке от других национальностей. Большинство делегаток было избрано от работниц кустарных артелей, представлявших тогда наиболее организованную часть женщин.

Московские работницы горячо приветствовали своих сестер — женщин Востока. В ответ делегатки пылко

выражали свою радость по поводу прибытия в Москву, благодарили Советскую власть и русских работниц.

«Теперь мы уже не прежние рабыни, запертые на всю жизнь в ичкари или обреченные путешествовать только с летней кочевки на зимнюю. Революция освободила нас. Мы благодарим за это русских рабочих и работниц и вождя—нашего Ленина. Мы хотим повидать Ленина, без этого мы не уедем»,— заявили гости.

Делегаток Туркестана пригласили на Международное совещание коммунисток. Это второе Международное совещание коммунисток собралось накануне III конгресса Коминтерна для обмена опытом работы компартий среди женского пролетариата. Первое такое совещание состоялось перед II конгрессом в конце июля 1920 года под руководством известной деятельницы международного женского рабочего движения Инессы Арманд. По решению этого совещания и был организован Международный женский секретариат (МЖС) для руководства работой компартий среди работниц и жен рабочих. МЖС начал свою работу с октября 1920 года. Вторая конференция коммунисток, представлявшая делегаток от 28 зарубежных стран, заслушала отчет секретариата, обменялась опытом работы компартий среди женщин и наметила очередные задачи. Его работой руководила славный ветеран международного социалистического женского движения, пламенный трибун революции Клара Цеткин в тесном дружеском сотрудничестве с А. М. Коллонтай, С. Н. Смидович, К. И. Николаевой, Л. Н. Сталь и другими видными русскими коммунистками.

В день прибытия делегаток Туркестана II Международная конференция коммунисток заканчивала свою работу. В этот день было несколько знаменательных событий: участники совещания с глубокой радостью приветствовали Н. К. Крупскую, единодушно приняли манифест — обращение к работницам мира. Нельзя без глубокого волнения читать этот документ, полный революционного пафоса и энтузиазма, всепобеждающей веры в прекрасное будущее и глубокого преклонения перед революционным подвигом русского пролетариата. Вот несколько строк из этого документа:

«Товарищи работницы, трудящиеся женщины, сестры-пролетарки далеких стран Запада и Востока!

Это — не сказка и не вымысел: есть такая страна на земле, где трудящийся люд и города, и деревни не знает больше гнета богачей, где власть находится в руках самих работниц и рабочих, крестьянок и крестьян...

Это сказочная страна — Россия, первая в мире трудовая Советская республика!

...В одной руке меч для защиты от врагов, в другой—заступ для строительства,—так борются и преодолевают рабочие и крестьянские массы Советской России невероятные трудности».

Владимир Ильич был очень занят и не мог присутствовать на этой конференции. Делегатки решили обратиться к нему с приветственным письмом.

И вот в тот момент, когда Клара Цеткин оглашала текст письма вождю мирового пролетариата, двери зала заседания широко распахнулись и вошли делегатки Туркестана...

В серых длинных паранджах, с опущенными на лицо густыми черными чачванами медленно шли впереди узбечки. За ними шествовали туркменки — в ярко-красных, длинных с желтыми полосками платьях. Они величаво несли голову, увенчанную бориком. Пестрый яшмак закрывал наполовину их лица. На борик был накинут пуренджек. Далее следовали, звеня серебром нагрудных украшений, киргизки — огромные белоснежные чалмы возвышались на их головах, обрамляя смуглые миловидные лица. Шествие замыкала персиянка, с головы до ног укутанная мрачным, как самая черная ночь, покрывалом.

Впечатление было ошеломляющим. Все присутствующие в зале вскочили с мест, их охватило глубокое волнение. Раздались аплодисменты, громкие приветственные возгласы. Многие не могли удержаться от слез. Военный оркестр, охваченный общим настроением, грянул «Интернационал», все с энтузиазмом подхватили пролетарский гимн.

Александра Коллонтай и Клара Цеткин обратились с приветственными словами к делегаткам Советского Туркестана. А. М. Коллонтай сказала:

— Мы только что пережили торжественную минуту. Эта минута будет запечатлена в веках — перед нами раскрылась новая история женщин народов Востока. Нет больше гаремной женщины-восточницы, ро-

дился новый революционный боец, возникает новый отряд Коммунистической партии — не забудем этой великой минуты.

Испытанные в тяжелых классовых боях работницы Запада в лице Клары Цеткин открыли свои объятия женщинам Востока.

— Ваша страна,— провозгласила пламенная Клара,— далека нам, как сказка, но ваши сердца близки нам, так как бьются вместе с нами за освобождение от векового угнетения. Вы, кровь от крови, плоть от плоти нашей — привет Вам, сестры!

В этот день «красная Клара» навсегда стала самым близким другом женщин Советского Востока. На съездах, совещаниях, в поездке по республикам она обращалась с зажигательным словом к женщинам Востока, искренне восхищалась их скромными успехами, щедро делилась своим богатым жизненным и революционным опытом. В свою очередь, женщины всех национальностей республик Советского Союза отвечали ей горячей любовью и самым глубоким и искренним уважением.

Вслед за Кларой Цеткин и А. М. Коллонтай,— что было весьма символично,— взошла на трибуну делегатка Туркестана узбечка Шамсикамар Гаибджанова.

Откинулась черная сетка чиммата, и перед взволнованными зрителями предстало поразительно юное лицо, с глазами, полными света и слез, с белозубой смущенной улыбкой. От имени сестер — делегаток Туркестана выступила она, бывшая санитарка и будущий член правительства своей республики, коммунистка, первый организатор, пропагандист и агитатор среди женщин-восточниц.

Шамсикамар Гаибджанова говорила на узбекском языке, и, хотя никто, кроме её соплеменниц, не понимал её слов, бурные аплодисменты то и дело прерывали её речь. Слова Октябрь, коммунизм, Советская власть, часто повторявшееся имя «Ленин» понимал каждый, а остальное подсказывало сердце. О чем, как не о счастье быть освобожденной Октябрем, жить при Советской власти и под руководством Коммунистической партии строить новую жизнь без рабства и угнетения — о чем же другом могла говорить эта восточница? Перевод речи на русский, немецкий, французский, английский языки вызвал новую бурю оваций

и одобрительных возгласов. Германские работницы, вскочив с мест, провозглашали революционные лозунги, русские ткачихи с Трехгорки размахивали красными косынками, другие утирали слезы на лицах или обнимали гостей из Туркестана.

Делегатки Туркестана пробыли в Москве 10 дней. Они побывали на большой фабрике, где более полутора тысяч работниц шили обмундирование для Красной Армии. Гостям из Средней Азии показали выставку по охране материнства и младенчества, на которой они прослушали лекцию о правильном воспитании детей. Делегатки с изумлением осмотрели детский сад и ясли, участвовали в детском празднике, устроенном в их честь детским клубом.

В своих причудливых для европейцев нарядах делегатки Туркестана присутствовали на военном параде в честь III конгресса Коминтерна. С радостным волнением они оглядывали стройные колонны красноармейцев, вооруженных рабочих из коммунистических отрядов. Особенно сильное впечатление произвели на них отряды вооруженных работниц. В этом они увидели проявление равноправия, революционной сознательности женщин, их героизм. Шамсикамар Гаибджанова от имени делегаток Туркестана выступила с речью на Красной площади, высказав благодарность Красной Армии за освобождение Туркестана и раскрепощение женщин Востока.

Работники женотдела городского подрайона Москвы устроили в честь делегаток Туркестана торжественное собрание. Здесь известная революционерка, московская работница Е. И. Подчуфарова произнесла сердечную приветственную речь в адрес дорогих гостей. Вслед за ней старая большевичка Л. Менжинская выступила с докладом на тему: «Положение женщины на Востоке и у нас».

16 июня 1921 года — незабываемая дата для женщин Средней Азии. В этот день исполнилась самая заветная мечта наших делегаток: они встретились с Владимиром Ильичем Лениным.

Вот как это произошло. Туркестанские делегатки поместились в третьем доме Советов — ныне здание Совета Министров РСФСР. Через работников женотдела ЦК РКП(б) им стало известно, что сюда собирает-

ся прибыть В. И. Ленин, чтобы выступить на Всероссийском продовольственном совещании. Когда Ильич приехал, посланцы пробуждающегося Востока всей массой вышли во двор, выстроились в ряды и послали своих представительниц пригласить В. И. Ленина. Владимир Ильич тотчас же пришел и по-отечески побеседовал с ними. Он выразил сожаление по поводу отмены съезда женщин Востока и высказал уверенность, что съезд в недалеком будущем состоится и сыграет большую роль в деле пробуждения сознания и организационного объединения женщин Востока. В. И. Ленин высказал свою радость по поводу пребывания женщин Туркестана в революционной Москве.

«Это показывает, что революция охватывает все новые и новые пролетарские массы и дело революции победит во всем мире»,— заявил В. И. Ленин.

Простое, дружеское отношение Ленина глубоко тронуло женщин, взволновало их, многие плакали от счастья. Вспоминая об этой встрече, Надежда Константиновна Крупская на одном из женских совещаний в 1935 году говорила:

«Во время конгресса было также и женское совещание. Приехали женщины из Узбекистана, из Туркмении, из далеких краев. Они сняли паранджу, но, если в общежитие входил кто-нибудь из мужчин, они бросались на кровать, чтобы закрыть лицо,— старое еще было властно над ними.

...Они увидели Владимира Ильича и очень разволновались. Одна подошла сзади и обняла его. Они заговорили каждая на своем языке и заплакали. Владимир Ильич сам страшно был взволнован. Потом, когда мы пошли дальше, он сказал: «Поднялись самые низы, теперь победа социализма в нашей стране обеспечена». Это показывает, какое значение он придавал вовлечению женщин в общественную, партийную работу»[1].

Во дворе третьего Дома Советов после отъезда Владимира Ильича вспыхнул импровизированный митинг. Каждой захотелось словами, вырывавшимися из глубины сердца, выразить благодарность В. И. Ле-

---

[1] Н. К. Крупская. Женщина в стране социализма. М., ОГИЗ ГИПЛ, 1938, стр. 45.

нину, поклясться в верности его идеям, в готовности стоять за революцию до последнего дыхания. Потом возникла песня, новая песня о том, как прекрасная юная девушка, увидев отважного джигита, полюбила впервые и на всю жизнь. Но отец не понимает её чувств. Он препятствует счастью молодых — хочет продать дочь за деньги, за скот чужаку из далеких мест. Но приходит Советская власть, и девушка обретает свое счастье — по новым законам она соединяет свою жизнь с любимым.

А потом, в этот же день, делегатки Туркестана были приглашены на замечательный вечер в театре Пролеткульта. Присутствующим на вечере делегаткам Коминтерна и московским работницам была показана «Живая газета».

Вот как описывает это выступление очевидец А. Розанова:

«В первой части этой газеты была представлена восточная сказочница, поведавшая о грустной доле восточных женщин в эпоху Николая Второго и её счастье теперь, при Советской власти. Во второй части на сцене возникли горы, а у их подножья, на краю дороги, сидели калмычки и киргизки. Вдали виднелся город, куда шли вереницей многочисленные представительницы Востока: татарки, башкирки, туркменки, узбечки, осетинки и горянки. Калмычку и киргизку удивляет это многочисленное шествие восточных женщин. Они спрашивают их, куда же так спешат эти женщины? И от всех идущих они получают один ответ:

— На съезд женщин Востока в Москву!

Этот большой порыв захватывает и не ведавших о съезде калмычку и киргизку — они поднимаются и направляются в Москву вместе с остальными женщинами Востока. Живая газета закончилась восточной пляской»[1].

Настало время отъезда туркестанок из Москвы. Накануне, вечером, к ним пришла А. М. Коллонтай, заведующая женотделом Центрального Комитета партии. Непринужденно расположившись на койках, заправленных серыми солдатскими одеялами, или пря-

[1] «Коммунистка», 1921, № 14—15.

мо на полу по-восточному, они повели долгую, задушевную беседу, продолжавшуюся несколько часов. В первые же минуты между ними установилось полное понимание, хотя, казалось бы, что может быть общего между одной из образованнейших и культурнейших деятелей Советского государства А. М. Коллонтай и несколькими десятками неграмотных, скажем прямо,— не имеющих понятия о культуре, женщин далекого «варварского» Востока. Не было и общего языка — беседа велась через переводчиков.

И все же они понимали друг друга с полуслова. Они были дочерьми одной партии, гражданками одного Советского государства, которое с первого же дня своего существования уничтожило полностью классовые и национальные привилегии и перед всеми народами поставило одну цель — борьбу за общее счастье. Они говорили на разных языках, но жили одной думой, были объяты единым чаянием, одним стремлением.

Очень многое увидели делегатки Туркестана в Москве, многое поняли по-новому, многому научились у своих сестер — русских пролетарок и увезли с собой этот неоценимый опыт революции.

За 10 дней они прошли целую школу: неизмеримо расширился их кругозор, окрепло чувство собственного достоинства, выросло их политическое самосознание, углубилось понимание целей и задач Советской власти и Коммунистической партии. Перед ними открылся новый, доселе ими не изведанный мир, открылись широчайшие горизонты, огромное поле благородной деятельности во имя счастья всех трудящихся женщин и их детей.

Навсегда запечатлелся бессмертный образ великого Ленина. Имя его они понесли, как знамя, в своей нелегкой революционной борьбе за раскрепощение веками угнетенных женщин, его именем разили своих врагов, с именем В. И. Ленина они победили.

Участница встречи с вождем Амандурсун Чиль кызы работала заведующим женотдела Мервского уездного комитета партии. После возвращения из Москвы она стала активно проводить в жизнь заветы Ильича. Амандурсун являлась делегаткой VI Туркменской областной партийной конференции (апрель 1924 год) и

VIII съезда Компартии Туркестана (май 1924 год). На VIII съезде КП Туркестана она рассказала, что года четыре тому назад видела В. И. Ленина в Москве. И вот из уст Ильича она слышала, что женщина тоже равноправна, что она не должна быть рабыней. Далее Амандурсун сказала: «Съезд должен обратить серьезное внимание на то, чтобы избавить женщину от того рабского положения, в котором она находится. Нужно начать работу с низов. Надо усилить деятельность союза «Кошчи», вовлечь в него женщин. Партия должна сказать свое веское слово, чтобы привлечь женщин к работе, чтобы мужья приводили их на собрания»[1].

Вспоминая о первых годах работы партии среди женщин Средней Азии, бывшая заведующая женотделом ЦК КП Туркестана С. Т. Любимова пишет:

Вся работа по раскрепощению женщин Средней Азии неразрывно связана с именем В. И. Ленина.

Это имя знала каждая делегатка двадцатых годов и несла его в среду неграмотных, забитых, покрытых паранджой женщин. Приезжая на съезды, женщины кишлаков и аулов стремились приобрести портреты В. И. Ленина и хранили их, как самую дорогую реликвию.

Однажды ко мне явилась узбечка, спасавшаяся от преследования со стороны баев своего кишлака. Паранджа её носила следы крови, лицо вспухло от багрово-синих кровоподтеков. Её избили и пригрозили убийством, если она не прекратит свою агитацию среди женщин. Дрожавшими от волнения руками женщина достала далеко спрятанный на груди платочек, развязала туго затянутый узелок и вынула портрет Ленина. «Я рассказывала женщинам о Ленине,— говорила она,— о том, что он знал о тяжелом положении узбечки и издал новые законы: запретил продавать и покупать женщин за калым, выдавать замуж малолетних, велел открыть школы для всех — для мальчиков и девочек».

Эта женщина побывала на II краевом съезде дехканок, и все, что там слышала о новой жизни, передавала, как рассказ о Ленине. Портрет Ленина в её

---

[1] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 4877, л. 49.

руках был неопровержимым свидетельством правоты её слов, и женщины верили ей, а муллы и баи негодовали.

О Ленине говорили при достижениях и неудачах. В кишлаке, например, не открывают школы для женщин, делегатки едут в город и говорят:

— Наш Совет не проводит заветов Ленина.

Родители не отпускают девочек в школу, их убеждают:

— Ленин велел учить детей.

Не дают женщинам земли — и земельную комиссию справедливо упрекают в нарушении ленинских заветов.

В отдаленнейшие глухие уголки, расположенные у границ Китая, Афганистана, Ирана, доходили вести о новых законах, и когда женщины спрашивали, кто это так много сделал для них, им отвечали:

— Ленин и Советская власть[1].

Руководствуясь учением марксизма-ленинизма, великими заветами В. И. Ленина о раскрепощении женщин, партийные организации развернули огромную работу по политическому воспитанию женских трудящихся масс, по подъёму их культуры и широкому вовлечению их в строительство первого в мире социалистического государства.

В туркменском народе возникла и бытует легенда о женщине, видевшей В. И. Ленина. Эта легенда нашла свое поэтическое воплощение в поэме туркменской поэтессы Тоушан Эсеновой,— «Легенда о Ленине и дочери чабана»[2].

В черной рваной юрте чабана Хидыра появляется дочь, осиротевшая в час своего рождения. Её назвали Нурсолтан. Положив за пазуху рваного халата, отец носит голодного ребенка из дома в дом, где есть кормящие матери.

Она росла, как заяц иль джейран,
Как саксаул в пустыне, как бурьян.

---

[1] См.: С. Любимова. В первые годы. М., ГИПЛ, 1958, стр. 77—78.

[2] Тоушан Эсенова. Легенда о Ленине и дочери чабана. Перевод Н. Вольпин и Г. Веселкова. Ашхабад, Туркменгосиздат, 1959.

Просвещение — путь к фактическому равноправию

Делегатка Нуры Караджаева на трибуне

Н. К. Крупская среди туркменок

Первые активистки (крайняя слева — Эне Кулиева)

Ее зимою вьюга одевала,
В босых ножонках стужа ночевала;
Баюкали её чужие люди,
Семь матерей её кормили грудью...

Так и выросла она — единственная надежда и отрада чабана — сильная, смелая, работящая, любое дело горит у неё в руках.

Народ избирает дочь пастуха Хидыра в Москву на съезд. И вот она в Кремле.

Спросите: где все помышленья мира?
И скажет вам дочь старого Хидыра:
Есть Кремль в Москве
и в том Кремле — квартира...
Без яшмака, немного смущена,
У Ленина в гостях сидит она.
И Ленин гостью слушает с участьем
И спрашивает сам её с пристрастьем, —
Что говорят в степи о новой власти.
...Она глядит горящими глазами
На Ильича, а речи льются сами —
Простые речи о земле родной,
Что всем богата, да бедна — водой.
...И отвечал ей Ленин:
Все так, все верно, гостья дорогая;
Но доля к Вам придет теперь другая.
«Кто не работает — не ест!» — такой
Закон у нас первейший, основной.
Не будут больше издеваться баи,
А вы — служить им, спин не разгибая.
Земля, колодцы, пастбища степные
Не им, а вам принадлежат отныне!
А там и воды зашумят в пустыне
И лебеди, красуясь, прилетят!»

Но вот вернулась Нурсолтан в родной аул и

— От сердца к сердцу ленинское слово
Ты донесла, дочь чабана простого!

Любовь женщин-туркменок к В. И. Ленину жизненно воспроизведена поэтессой Тоушан Эсеновой.

Вернувшись на места, делегатки Туркестана, посетившие Москву в июне 1921 года, стали страстными пропагандистками исторических заветов В. И. Ленина о раскрепощении трудящихся женщин Востока.

I съезд работниц Туркестана

Женотделы партийных комитетов Туркестана развернули большую работу, направленную на повышение политической активности трудящихся женщин, и прежде всего работниц — передовой части тружениц, особенно в период завершения гражданской войны и перехода к мирному социалистическому строительству.

Важнейшим мероприятием этого периода явился Первый съезд работниц Туркестана, состоявшийся в мае 1920 года в Ташкенте. Туркестанский краевой комитет партии обеспечил возможность участия в работе съезда большого числа работниц. Установлена была норма представительства на съезд — одна делегатка на каждые 50 работниц для организаций, где число работниц не превышает 300 человек, и по 7 делегаток из тех мест, где имеется свыше 300 работниц. Крайком партии указал на желательность присылки на съезд активных мусульманок. Письмо крайкома партии местным комитетам о созыве съезда работниц было опубликовано в местной печати[1].

Вот что пишет о подготовке к съезду бывшая заведующая женотделом ЦК КП Туркестана Б. Э. Бендецкая:

В середине марта по докладу женотдела Краевой Комитет партии вынес решение о созыве в мае 1920 года Всетуркестанского съезда женщин и о выделении для этого необходимых средств.

Мы начали готовиться к съезду.

Весь апрель прошел в хлопотах.

Хотелось провести съезд не только в обстановке деловитости, но и торжественности. Ведь впервые

[1] См. Съезд женщин-работниц. «Каспийская волна», 1920, 21 апреля.

должны были встретиться женщины всех национальностей Туркестана, чтобы поговорить о делах своих и государственных.

Мы украшали один из небольших, но наиболее красивых в то время залов Ташкента[1]. Колоннада, плакаты, лозунги и портреты — все было обвито зеленью. В зале висели портреты В. И. Ленина, Р. Люксембург, К. Цеткин, А. Коллонтай.

На громадных, разрисованных панно лозунги: «Только совместная работа мусульманки и русской работницы поможет устроить жизнь на новых, лучших началах»; «Только с участием работницы пролетариат построит новое коммунистическое общество». Нарядным было и подготовленное общежитие: на стенах, полу и помостах — ковры.

Выработали мы и меню. В трудных условиях твердо решили кормить наших делегаток сытно. Хоть состав делегаток должен был быть многонациональным, но еда для всех готовилась по-узбекски: плов и шурпа.

Если по законам гостеприимства гостям обычно предлагают «чувствовать себя как дома», то мы всем сердцем желали, чтобы наши делегатки, особенно из ичкари, чувствовали себя намного лучше, чем дома, хотели, чтобы каждой из них врезалась в память новая обстановка, новые люди, новое слово[2].

На первый съезд работниц Туркестана съехалось 118 делегаток из пяти областей республики. Среди них было 16 женщин местных национальностей, часть из них была под чадрой. В числе делегаток было 76 коммунисток.

Делегатками на съезд были избраны отважные поборницы за дело раскрепощения женщин Средней Азии. В числе их узбечка Туфа-ай Джурабаева — ткачиха из Самарканда, киргизка Фатиха Арпабаева — прядильщица, азербайджанка Хирда Гаджиева — портниха из Полторацка, член партии с 1919 года и другие. Активное участие в работе съезда приняли

[1] Дом имени А. В. Луначарского, ныне Окружной Дом офицеров.

[2] См. Б. Э. Бендецкая. Первые годы. В кн.: Пробужденные Великим Октябрем. Сборник очерков и воспоминаний. Ташкент, Госиздат УзССР, 1961, стр. 15—16.

замечательные представительницы женского движения в Средней Азии Е. Богачева — учительница из Самарканда, член партии с 1919 года, Л. И. Попова — женработница Пишпекского комитета партии, член партии с 1919 года, А. Левина — работница женотдела Полторацка, член партии с 1918 года, и другие. Некоторые делегатки съезда являлись участницами Великой Октябрьской социалистической революции.

Трудящиеся женщины давали наказы своим делегаткам. В частности, в «Наказе делегатам на I Краевой съезд женщин-работниц и хозяек» от секции женщин Мерва (ныне Мары) говорилось:

«1) Приветствовать от секции женщин города Мерва первый делегатский съезд женщин-работниц, хозяек.

2) Выработать подробную инструкцию для дальнейшей работы секции женщин»[1].

Далее в «Наказе...» отмечалась необходимость расширения прав и полномочий секции женщин для ревизионной работы, командирования женщин-мусульманок и армянок для агитации среди туземок в целях раскрепощения их, проведения в жизнь дела социального воспитания детей, поднятия школьного дела на должную высоту, пополнения кадров учителей специалистами, взаимной информации в работе секций женщин; особо отмечалось, что «в виду того, что по техническим условиям не везде имеются ясли, необходимо женщин с детьми до 5 лет признать нетрудоспособными и выплачивать им социальное обеспечение»[2]. В «Наказе...» выражалось пожелание всем секциям более широкой самодеятельности, дабы своей работой, организованностью оправдать полученные равные с мужчинами права.

Первый съезд работниц Туркестана утвердил следующую повестку дня: 1) Текущий момент. 2) Доклад о Всероссийском совещании организаторов по работе среди женщин. 3) Доклад женотдела крайкома партии о своей деятельности. 4) Доклады с мест. 5) Коммунистическая партия и работница. 6) Работница и народное хозяйство. 7) Социальное обеспечение и работница. 8) Охрана материнства и младенчества. 9) Отде-

[1] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 861, л. 31.

[2] Там же.

ление церкви от государства. 10) Социальное воспитание детей. 11) Организационный вопрос.

Делегатки съезда с огромным воодушевлением приняли и направили приветственную телеграмму основателю и вождю партии и государства В. И. Ленину. В телеграмме говорилось: «Москва, товарищу Ленину! Первый Туркестанский Краевой Съезд европейских и мусульманских работниц, сознающий цели и задачи в деле своего освобождения, шлет свое горячее приветствие вождям всемирного пролетариата. Съезд выражает уверенность, что женщина Красного Востока примет активное участие в устройстве новых форм жизни на коммунистических началах и недалек тот момент, когда работницы всего мира вольются потоком сознательных борцов в общие пролетарские ряды и пойдут по пути, предначертанному Третьим, Коммунистическим Интернационалом. Президиум съезда»[1].

Приветственные телеграммы посланы были также Исполкому Коминтерна, отделу работниц и крестьянок ЦК РКП(б) и выдающимся деятельницам международного коммунистического и женского движения.

На Первом съезде работниц Туркестана с большой речью выступил М. В. Фрунзе. Охарактеризовав положение на фронтах гражданской войны, М. В. Фрунзе указал на задачи, поставленные IX съездом РКП(б) в борьбе с хозяйственной разрухой, и выразил уверенность в том, что съезд работниц сыграет большую роль в направлении работы в Туркестане по восстановлению народного хозяйства, а женская половина пролетариата примет самое деятельное участие в борьбе с хозяйственной разрухой. «Вам известно,— говорил М. В. Фрунзе, обращаясь к делегаткам съезда,— что в Туркестане рабочий вопрос за недостатком как квалифицированных, так и неквалифицированных сил имеет особенно острое значение вследствие невозможности прибытия рабочей силы из центра. Поэтому перед женщиной-пролетаркой стоит в высшей степени благодарная, хотя в то же время трудная задача со-

[1] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 863, л. 1.

здания рабочего фронта, приведения в движение всех наших производительных сил»[1].

В своей речи М. В. Фрунзе приводит факт о том, как один из главарей басмачества Мадамин-бек, увидев в Ташкенте женщину-сартянку без покрывала, сказал: «Если бы я видел ее где-нибудь в Фергане, в Скобелеве, я бы тут же убил ее» (эти места тогда были охвачены басмачеством). В этой связи М. В. Фрунзе указал на роль женщин в оказании помощи Красной Армии, в особенности на ферганском участке, являвшемся главным в то время на Туркестанском фронте.

Далее М. В. Фрунзе остановился на задачах в области культурно-просветительной работы. «В области культурно-просветительной работы нам нужно приложить все усилия для ее углубления. До сих пор мы работали вширь, мы не могли работать вглубь, мы привлекли и заинтересовали вопросами общественной жизни широкие круги городского и деревенского пролетариата, мы глубоко разрыхлили почву, нужно ее теперь засеять. Это мыслимо при самом близком участии женщины»[2].

В докладе отдела работниц и крестьянок ЦК КП Туркестана было охарактеризовано состояние работы среди женщин в республике.

Работа партийных организаций среди женщин, говорилось в докладе, началась с организации женотдела ЦК КП Туркестана. В первый период работа среди женщин была поставлена слабо. Причиной этому была оторванность женотдела ЦК КПТ от местных организаций, отсутствие связи между ними, неукомплектованность женотделов и т. д. Поэтому деятельность женотдела ЦК КПТ первое время ограничивалась работой среди работниц и домохозяек в Ташкенте, где в то время еще не был создан горженотдел.

Крайженотделом устраивались собеседования работниц, концерты, митинги, лекции, спектакли и т. д. Велась страничка «Женщины-работницы» в краевом печатном органе «Известия», было переиздано несколь-

---

[1] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 861, л. 7.

[2] Там же, л. 8.

ко брошюр. Очень важной работой явился подбор кадров инструкторов для посылки на места. Хорошо понимая, что для подхода к угнетенным широким массам мусульманок нужна особая чуткость и осторожность, женотделом были выработаны инструкции для работы среди мусульманок. Для этой работы привлекались преимущественно татарки, азербайджанки и женщины некоторых других тюрко-язычных национальностей.

Систематическое руководство работой женотделов местных комитетов партии началось с 1920 года. Поездкой инструктора женотдела ЦК КПТ Л. И. Шумиловой было положено начало деятельности крайженотдела за пределами Ташкента. Основополагающим началом в деятельности женотделов явились циркулярные указания, инструкции отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б). Но работа среди женщин в Средней Азии имела много своих особенностей. Поэтому женотдел ЦК КПТ выработал инструкции для местных женотделов с учетом специфических условий работы среди женщин восточных национальностей. С учетом местных условий разрабатывалась и программа работ делегатских собраний. Вот, например, какие вопросы включались в план бесед и лекций для делегатских собраний: семейно-бытовые особенности местной мусульманской семьи, угнетенность мусульманки в семье в связи с хозяйственно-бытовыми условиями, советский суд и суд шариата и адата, союз «Кошчи», комсомол и участие в них женщин и т. д. Большую помощь в работе женотделов оказывали делегаты партийных съездов и конференций Туркестана, доставляя на места соответствующие директивы и другие руководящие указания женотдела ЦК КПТ по вовлечению тружениц в русло общественной работы.

В связи с подготовкой к съезду (и после его окончания) проводились многочисленные общие собрания женщин, митинги, совещания, субботники, воскресники. Эти мероприятия сопровождались организацией новых детских учреждений, женских производственных артелей, клубов, культурно-просветительных учреждений, столовых и т. д. Все это приводило к оживлению работы среди женщин. Так, например, в Самарканде вместо «Коллектива коммунисток» был создан отдел работниц уездного комитета партии. Делегатки

этого отдела участвовали в работе Советов депутатов. Такие же мероприятия проводились отделами работниц в Чарджуе, Перовске и др.

Одним из главных недостатков, тормозивших налаживание работы среди женщин, было отсутствие кадров женработниц из местных национальностей. Поэтому подготовке кадров активисток партия придавала первостепенное значение. Вначале женотдел ЦК КПТ намеревался организовать специальную краевую школу для работниц. Однако эта попытка оказалась безуспешной. Нехватало кадров преподавателей, лекторов. Тогда женотдел ЦК КПТ добился создания секции по работе среди женщин при краевой партийной школе. Для слушателей секции читались лекции, проводились собеседования по вопросам женского движения, работы среди женщин и т. д. При этом особенное внимание обращалось на уже накопленный в этой области опыт. В этой секции готовились в основном инструкторы женотделов, которые в последующем явились опорой партийных организаций на ответственном и сложном участке их деятельности — в области борьбы за раскрепощение женщины Востока.

Не менее важным мероприятием партийной организации края явилась организация и ведение «Странички работницы» в краевой газете «Известия», а в последующем — и в местных газетах.

В докладах краевого и местных женотделов отмечалось, что работа ведется не только среди европеек — а это является характерным для начального периода работы среди женщин,— но, что особенно важно, она стала вестись и среди мусульманок — основной массы женщин коренного населения Туркестана. Отдел мусульманок при краевом мусульманском бюро был объединен с краевым отделом работниц. В отделе были созданы две секции: европейская и мусульманская. Первая проводила работу среди женщин-европеек, а вторая — среди узбечек, таджичек, киргизок, казашек, туркменок, каракалпачек и т. д. Но из-за отсутствия кадров активисток мусульманская секция слилась с Ташкентским отделом работниц. Это благотворно повлияло на улучшение руководства отделом и усиление работы среди женщин восточных национальностей.

На первом съезде работниц делегатки обменялись опытом работы, накопленным со времени организации женотделов.

Делегатка А. Левина рассказала о деятельности отдела работниц Полторацка, который был организован 21 декабря 1919 года.

За три месяца после образования женотдела было проведено два общих собрания, заседание президиума отдела, на котором обсуждали ряд вопросов. Привлечены в отдел представительницы мусульманской и армянской секций. Большое внимание уделялось оказанию материальной помощи женщинам, поскольку с продовольствием было плохо. Приняты меры по организации детских учреждений. Зарегистрировано 510 детей. Для них в Полторацке было открыто 7 детских садов, из них три — для детей местного населения. Таким образом, женотделом были приняты энергичные меры для спасения детей. Женотдел в середине марта 1920 года проверил работу детских учреждений, интерната, приюта для престарелых, больниц, молочных ферм. В целях обеспечения этих учреждений продовольствием отдел вошел с ходатайством в облревком и реввоенсовет 1-ой Армии об отпуске мяса, молока и других продуктов, что и было сделано. Кроме того, в честь Международного женского дня 8 марта в Полторацке была выпущена специальная газета «Красный клич работницы» на русском и туркменском языках. За отчетный период устроено четыре воскресника: для армии сшито 620 мешков, для детей интерната мусульман — 93 костюма, 107 матрацев и т. д. 5 марта 1920 года открыты педагогические курсы для мусульманок на 23 места.

Но не дремала и контрреволюция, распространяя провокационные слухи о том, что, если женщины пойдут на собрания в театр, на них бросят бомбу, что якобы Советы сорвут с них насильно чадры, что вскоре придут англичане и посещающих собрания расстреляют. Это в известной степени помешало работе среди женщин, но женотдел значительно активизировал свою деятельность и усилил свое влияние среди женщин.

На первом съезде работниц выступали и другие делегатки из Туркменской области; в частности, с освещением деятельности местных женотделов высту-

пили делегатки из Кизыл-Арвата, Байрам-Али, Мерва, Иолотани, Чарджуя и других мест.

Взволнованную речь произнесла на съезде учительница К. Бекбулатова из Перовска: «Я, делегатка, приехавшая из Перовска. В былое проклятое время Николая я неустанно занималась с детьми любимого моего народа 13 лет. Невзирая ни на какие трудности того времени, я продолжала заниматься с ними в моей собственной квартире в одной малой темной комнате... Дети буржуазии учились и находились в очень хороших условиях..., тогда как дети бедного народа все почти учились у меня и находились в очень скверных условиях. И еще в это время я, учительница-народница, должна была страдать от разных сплетен и оскорблений со стороны... Вот, наконец, настал 1917 год, и переворот, совершившийся в этом году, своим ярким и светлым солнцем новой жизни осветил нас, загнанных, темных, и указал нам новую светлую дорогу...»[1].

К моменту созыва съезда в некоторых районах еще существовали обособленные женские организации, например, в Верном был «Союз вдовушек». От имени этого союза выступила Рабига Атабаева. Она рассказала, что работа среди женщин, особенно среди мусульманок, поставлена слабо из-за недостатка кадров, что нужно прислать в Верный кадры энергичных женработниц. «Союз вдовушек»,— говорила она,— работает вместе со всеми женскими союзами, не разбирая ни русских, ни мусульман. Наши русские товарищи, если мы что не знаем, то они помогают, и мы стараемся не отставать от русских товарищей и идти с ними рука об руку вместе»[2].

Делегатка Волкова из Самарканда рассказала, что отдел по работе среди женщин создан 14 февраля 1920 года. На предприятиях организовано 6 ячеек женщин, в них 150 человек: 14 сентября 1919 года в Самарканде впервые организовался коллектив, в который вошло 20 коммунистов из 30 имевшихся. Избрали президиум и, несмотря на косые взгляды и на-

---

[1] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 862, л. 33.

[2] Там же, л. 43.

смешки, принялись с рвением за работу. Организован «Дом ребенка». Работа велась в основном в Самарканде.

На съезде выступали делегатки почти из всех уездов и областей Туркестана.

Первый съезд работниц Туркестана имел большое практическое значение. На съезде делегатки обогатились опытом работы. Так, например, при обсуждении докладов по организационному вопросу создавались секции, где каждая работница-делегатка съезда могла детально уяснить себе постановку работы среди женщин. Кроме того, выступления делегаток на съезде фактически явились обменом опыта по уже проделанной работе среди тружениц Туркестана. В ходе подготовки к съезду была собрана в большом количестве литература по работе среди женщин и издана газета «Работница».

Делегатки съезда ознакомились с практической работой женотдела ЦК КПТ в Ташкенте, где работа среди женщин в то время была налажена лучше, чем в других местах республики. Делегатки съезда получили всесторонний инструктаж о постановке работы среди женщин, были снабжены необходимыми пособиями, литературой и другими материалами.

Первый съезд работниц способствовал тесному сплочению женского пролетариата Туркестана, ознакомлению женского актива с положением дел на местах и выработке правильного направления работы в краевом масштабе.

Он вызвал значительное оживление в работе партийных органов среди женского населения. Женотделы усилили свою деятельность по организации и проведению коммунистического влияния на работниц, а также по обмену опытом работы, проделанной среди трудящихся женщин Туркестана.

В результате уже в течение 1920 года были созданы отделы работниц и дайханок в 40 местных комитетах КП Туркестана. Женотделы местных партийных комитетов развертывали работу среди женщин; к 15 августа 1920 года 9 тысяч работниц, из них 3,6 тысячи мусульманок, были охвачены женотделами.

На пути раскрепощения

Встреча женщин Туркестана с В. И. Лениным сыграла исключительно важную роль в дальнейшем развертывании борьбы за их раскрепощение. Эта встреча наглядно показала, что партия и правительство придают первостепенное значение политическому пробуждению женщин Советского Востока. В. И. Ленин был чрезвычайно занят вопросами внутренней и внешней политики молодой Советской республики, вопросами государственного масштаба, но он нашел время и встретился с делегатками Туркестана!

Уже ко времени этой встречи ЦИК Советов Туркестана 14 июня 1921 года принимает декрет № 67 об отмене калыма и о повышении брачного возраста. В декрете говорится:

«Озабочиваясь ограждением женщин киргизки и туркменки, честь и человеческое достоинство которых грубо попираются существованием пережитка старины «калыма» (особого выкупа, уплачиваемого женихом родителям или родственникам невесты), низводящего киргизок и туркменок до положения товара, продаваемого за деньги и, ставя брак в зависимость от материального положения, способствующего закреплению власти богатеев, с одной стороны, с другой, обрекающего бедноту на вечное безбрачие, Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

1. Со дня опубликования настоящего декрета воспрещается родителям невесты, родственникам, или лицам, их заменяющим, уплачивать в какой бы то ни было форме и под каким бы то ни было видом (подарка, займа и проч.) «калым», устанавливающий обязательность выхода невесты замуж за заплатившего «калым» жениха»[1].

Ввиду того, что в первые годы Советской власти продажа и перепродажа девочек и женщин с целью наживы были массовым явлением, в декрете были предусмотрены статьи, защищающие интересы трудовых масс. Например, пункт 4-й гласит, что «в тех случаях, когда в целом или в части «калым» уплачен, а брак не состоялся, «калым» возвращается по требо-

[1] ЦГА ТССР, ф. 8. оп. 3, д. 11, л. 12.

ванию в течение 6 месяцев лицам, уплатившим его, со дня опубликования настоящего декрета при установлении принадлежности истца к классу трудящихся»[1]. Если «калым» был уплачен до опубликования данного декрета и брак уже состоялся, то он возврату не подлежал. Во всех остальных случаях сделки, договоры и соглашения о «калыме» признаны недействительными и лишены права судебной защиты (пункты 2, 3, 4).

По Декрету брак был признан добровольным соглашением сторон, установлен брачный возраст для женщины — 16 лет, для мужчины — 18 лет (пункт 5-й). Тем самым отменялся 9-летний брачный возраст для женщины и 12-летний — для мужчин, узаконенный кораном еще в VII веке. ЦИК Туркестанской республики вменил в обязанность местных органов власти строго следить за проведением в жизнь декрета об отмене калыма и о повышении брачного возраста (пункт 7), нарушение которого приравнивалось к уголовному преступлению (пункт 6).

На основе Декрета ЦИК Советов Туркестанской республики от 14 июня 1921 года Закаспийский областной исполнительный комитет 2 августа 1921 года принял постановление об отмене калыма, в котором воспроизводилось содержание декрета ТуркЦИК.

Отмена калыма и установление зрелого брачного возраста для лиц обоего пола, признание брака добровольным соглашением сторон наносили решительный удар по вековечным устоям феодально-патриархальных семейных отношений в Средней Азии. Принятие декрета об отмене калыма и о повышении брачного возраста является величайшим революционным актом Советской власти в Средней Азии, проникнутым духом нового, гуманного отношения к человеку, признанием женщины Востока за человека, равного с мужчиной.

Законодательными актами органов Советской власти было предусмотрено строгое наказание лиц за совершение преступления против правопорядка в области равноправия женщины с мужчиной в обществе и в семье. Отныне к уголовной ответственности привлека-

---

[1] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 3754, л. 51.

лись также и должностные лица, регистрирующие в отделах ЗАГСа браки мужчины с несколькими женами, и лица, потворствующие многоженству. Дела по многоженству подлежали рассмотрению народными судьями с участием двух заседателей. Велико было значение этих мер в Средней Азии, в особенности в те первые годы Советской власти, когда из-за недостатка национальных кадров из трудового народа государственные органы, признанные стоять на страже прав трудящихся, подчас были засорены классово-чуждыми элементами.

Первая Конституция Туркестанской АССР, декрет об отмене калыма и о повышении брачного возраста, решения о запрещении многоженства, о принуждении женщин к супружеству и другие акты, принятые Советской властью, узаконили равное право женщин Средней Азии с мужчиной в обществе и в семье. Впервые за многовековую историю женщина Востока получила права, равные с мужчиной во всех областях жизни; навсегда было покончено с законами корана, шариата и адата, низводивших женщин до положения рабынь.

В законодательствах о женском равноправии сказалась классовая природа Советского государства, как государства рабочих и крестьян. Декреты о женском равноправии и установлении уголовной ответственности за их нарушение были направлены на уничтожение феодально-байского насилия над женщиной Востока.

Эти декреты, впредь решительно пресекавшие всякое насилие над женщинами местной национальности, по своему значению можно поставить в один ряд с важнейшими документами Советской власти, направленными на уничтожение социального и национального гнета, ибо они также сыграли выдающуюся революционную роль в исторических судьбах народов Средней Азии, в политическом пробуждении широких слоев трудящихся масс.

В создании советских законов о женском равноправии и в их осуществлении руководящая и направляющая роль принадлежит Коммунистической партии.

Партийная организация Туркестана — неразрывная и составная часть, боевой отряд Коммунистиче-

ской партии — и правительство Туркестанской республики уже с начала 1920-х годов развернули активную борьбу за быстрейшее раскрепощение женщины-мусульманки, за высвобождение её из-под влияния реакционного духовенства, превращения её в активную строительницу нового, социалистического общества, создательницу новой, социалистической семьи, основанной на любви и уважении полов, на равных и гуманных их взаимоотношениях.

Декретом Центрального Исполнительного Комитета Советов Туркестанской республики от 4 января 1923 года был подтвержден декрет ТуркЦИК об отмене калыма от 14 июня 1921 года и признано необходимым внести соответствующее дополнение в главу IX Уголовного Кодекса РСФСР.

«Уплата женихом или его родственниками родителям или родственникам невесты калыма как выкупа за невесту, вносимого по обычаям киргизского населения Туркреспублики—скотом, деньгами и всяким другим имуществом и устанавливающего обязательство выхода невесты за этого жениха, и принятие такового родителями или родственниками невесты карается лишением свободы для обоих сторон до одного года с конфискацией калыма у лиц, его получивших, в двойном размере.

Лица, как частные, так и должностные, содействующие уплате калыма, подлежат наказанию как участники вышеуказанного преступления в порядке статьи 15 и 16 Уголовного кодекса РСФСР».

Далее в декрете указывалось, что «выдача замуж из корыстных или иных каких-либо видов женщины, вопреки её согласия, карается лишением свободы на срок до пяти лет»[1].

Этот декрет ЦИК Советов Туркестанской АССР, как и декрет от 14 июня 1921 года об отмене калыма, был несколько неполным. Он касался лишь женщин-киргизок и туркменок, тогда как калым существовал и у узбеков, и у таджиков, и у каракалпаков, то есть у всех народов Средней Азии. Поэтому была необходимость издания нового, более полного декрета об от-

[1] Партархив Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 60, оп. 1, д. 3754, л. 1.

мене калыма, обязательного для всех национальностей, живущих на территории Туркестанской республики. В результате уже проведенных мероприятий по раскрепощению женщин была подготовлена благоприятная почва для принятия такого закона о запрещении купли-продажи женщин и девушек всех коренных национальностей Средней Азии.

Инициатором издания такого декрета выступил женотдел ЦК КП Туркестана. 30 октября 1923 года женотдел писал в адрес бюро коммунистической фракции ЦИК Советов Туркреспублики, что калым должен быть отменен для всех национальностей республики, у которых он существует.

Для согласования Кодекса законов об актах гражданского состояния с обычным мусульманским правом была создана еще в ноябре 1922 года комиссия при Народном Комиссариате Внутренних дел Туркреспублики. Комиссия состояла из представителей Наркомата Внутренних дел, Юстиции, Ученого Совета Наркомпроса и женотдела ЦК КП Туркестана, из представителей киргизской, узбекской и туркменской национальностей.

Женотдел ЦК КП Туркестана принимал активное участие в работе этой комиссии; он добивался разработки наиболее полного законодательства о защите прав женщин. В докладной записке в исполбюро ЦК Компартии Туркестана от 7 августа 1923 года женотдел сообщал, что вышеуказанная комиссия

1) настаивает на установлении брачного возраста для девушек в 15 лет,

2) признает допустимость регистрации брака в ЗАГСе в отсутствие невесты,

3) признает допустимость двоеженства.

По всем этим вопросам женотдел выразил свое особое мнение, принципиально и решительно поставил перед исполбюро ЦК КП Туркестана вопрос об отмене этого неправильного решения комиссии. Кстати, заметим, что в составе этой комиссии был лишь один коммунист — представитель женотдела; остальные же члены комиссии были беспартийными.

Женотдел ЦК Компартии Туркестана в своей докладной записке отмечал, что ранний брак разрушает здоровье женщины и будущего поколения, что при

наличии 99 процентов неграмотных среди женщин местных национальностей, а также насильственной выдаче замуж так называемое «письменное» согласие невесты на регистрацию в браке будет в большинстве случаев вынужденным или фиктивным. Женотдел указывал, что «личная явка явится одной из мер борьбы», что двоеженство есть многоженство. Женотдел ЦК настаивал на принципиальном решении этих вопросов.

Исполбюро ЦК КП Туркестана исключительно чутко отнесся к письму женотдела и принял соответствующие меры. Так, например, 16 августа 1923 года в женотделе ЦК было проведено совещание с участием представителей ЦК комсомола, Сыр-Дарьинского обкома КПТ, союза «Кошчи», отдела агитации и пропаганды ЦК КПТ, женотдела Ташкентского уездного комитета партии. На совещании была заслушана информация заведующей женотделом ЦК КПТ С. Кроль о согласовании Кодекса законов об актах гражданского состояния с правом по шариату и адату. Участники совещания пришли к решению поставить данный вопрос для обсуждения на более компетентном совещании и высказались за установление обязательного брачного возраста — 16 лет для женщин и 18 лет для мужчин, за запрещение многоженства и за установление обязательной явки невесты на регистрацию брака.

Вслед за этим, 27 августа 1923 года, в ЦК КП Туркестана состоялось совещание ответственных краевых работников Туркестана по вопросу о согласовании Кодекса законов об актах гражданского состояния с обычным мусульманским правом по шариату и адату.

На совещании было решено установить брачный возраст для лиц коренного населения: для женщин — 16 лет, для мужчин — 18 лет. Признана была обязательность явки жениха и невесты в отдел регистрации браков в тех местах, где имеются ЗАГСы, а для кочевников — по возвращении из кочевки к месту постоянного жительства.

Совещание решило также поручить Наркомату юстиции выработать законоположение об отмене калыма повсеместно в Туркестане.

Вместе с тем совещание признало допустимость регистрации браков при наличии письменного согласия невесты и при нежелании её по бытовым условиям

явиться в ЗАГС. Совещание признало также возможным многоженство для мужчин коренного населения и поручило женотделу ЦК КП Туркестана совместно с ЦК комсомола и с Наркоматом юстиции разработать положение об исключительных случаях, допускающих многоженство.

Решения совещания о допустимости регистрации браков при наличии лишь письменного согласия невесты и о допустимости многоженства, хотя и в исключительных случаях, как об этом было оговорено, противоречили советским законам о равноправии полов в семье и в обществе. Эти решения свидетельствовали о том, что даже среди ответственных работников мусульман было еще немало товарищей, проявлявших нерешительность в борьбе за полное раскрепощение женщины Востока.

После широкого обсуждения ЦИК Туркестанской республики 8 сентября 1923 года принял постановление «Об изменениях некоторых статей Кодекса законов об актах гражданского состояния в области брачного и семейного права».

Исполнительное бюро ЦК КП Туркестана 3 сентября 1923 года одобрило это постановление ЦИК Туркестанской республики. Вместе с тем ЦК КПТ признал необходимым и рекомендовал ТуркЦИК внести некоторые изменения в указанное постановление. Так, например, по § 6 — установить брачный возраст для лиц коренного населения — для женщин 16 лет, для мужчин — 18 лет. ЦК КПТ рекомендовал также отменить § 7 о допустимости многоженства. По § 8 — установить обязательность регистрации браков для лиц коренного населения и явки жениха и невесты в отдел регистрации гражданских актов за редким исключением допуска регистрации в отсутствии невесты при обязательности наличия письменного согласия невесты на брак и нежелания её по бытовым условиям явиться в отдел регистрации. Письменное согласие невесты должно быть заверено казием, бием, махаллинской комиссией или председателем сельского Совета.

Эти замечания исполбюро ЦК КП Туркестана были учтены ЦИК Туркестанской республики. В Кодекс законов об актах гражданского состояния в области

брачного и семейного права постановлением ЦИК Туркреспублики от 8 сентября 1923 года (протокол № 38) были внесены соответствующие изменения.

И все же в условиях существования цепких пережитков старины в отношении к женщине разрешение регистрации брака в отсутствие невесты было неправильным. Эта оговорка могла стать лазейкой для враждебных и отсталых элементов, злоупотреблявших доверием Советской власти.

Женотдел ЦК КП Туркестана не согласился с этим пунктом постановления ЦК КПТ от 3 сентября 1923 года и правильно поступил, написав об этом в отдел работниц и крестьянок ЦК РКП(б).

«Учитывая малограмотность женщин-мусульманок, а также практикующиеся на Востоке принудительные меры к супружеству,— писал женотдел ЦК КПТ в ЦК РКП(б),— отдел работниц просит пересмотреть постановление ЦК КПТ по данному вопросу и считать обязательным присутствие невесты при регистрации и в дальнейшем при наличии только письменного согласия браки не регистрировать»[1].

Женотдел ЦК КПТ систематически контролировал проведение в жизнь декретов ЦИК Туркреспублики о раскрепощении женщин местных национальностей. Так, например, 8 октября 1923 года женотдел ЦК КПТ сообщил в отдел работниц ЦК РКП(б), что декреты ТуркЦИК от 14 июня 1921 года и от 4 января 1923 года об уголовной наказуемости за куплю и продажу женщины в Уголовном Кодексе РСФСР до сих пор не отражены в соответствующих статьях. Поэтому эти декреты фактически не были осуществлены в жизнь. 4 января 1923 года ЦИК Туркреспублики своим декретом номер два утвердил разработанные Наркоматом юстиции проекты постановлений о наказуемости за куплю и продажу женщин. В первые же месяцы 1923 года весь материал был направлен на утверждение ВЦИК, однако ответа не последовало. Женотдел ЦК КПТ просил отдел работниц ЦК РКП(б) содействовать быстрейшему рассмотрению ВЦИК декретов ЦИК Туркреспублики о раскрепощении женщин восточных национальностей.

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, д. 531, л. 7.

Уже 8 марта 1924 года постановлением ВЦИК и СНК РСФСР были внесены соответствующие дополнения в главу IX — о местных бытовых преступлениях— Уголовного Кодекса РСФСР ст. 228, 229, 230, 231 во исполнение УК для Туркестанской АССР.

Местные партийные организации Туркестана осуществляли систематическое руководство и контроль за проведением в жизнь декретов ЦИК Туркестанской республики о раскрепощении женщин Востока и постановления ЦИК «Об изменениях некоторых статей Кодекса законов об актах гражданского состояния в области брачного и семейного права», принятого в сентябре 1923 года.

18 апреля 1923 года ЦК КП Туркестана направил письмо всем областным комитетам партии «О проведении в жизнь законоположения ТуркЦИК по семейному праву для коренного населения».

ЦК КПТ признал необходимым обсудить постановление ЦИК на собраниях партийных и комсомольских ячеек, союза «Кошчи» и профсоюзов и наметить конкретные мероприятия по претворению его в жизнь. При этом ЦК КП Туркестана указал, что члены партии — первые исполнители и проводники в жизнь декрета ЦИК Туркреспублики об отмене калыма,— и нарушение ими этого декрета должно рассматриваться как нарушение партийной этики. Общеизвестно, что личный положительный пример коммуниста-ленинца является мобилизующей силой в повышении коммунистической сознательности трудящихся масс. Местные коммунисты своим личным примером в борьбе за раскрепощение женщины Востока еще более укрепляли авторитет Коммунистической партии — испытанной поборницы ликвидации социального и национального гнета, искоренения векового рабства женщины Востока.

ЦК КП Туркестана потребовал от обкомов партии укрепления аппарата практикантов-правозаступниц из числа женщин местных национальностей или хотя бы знающих местные языки, выдвижения делегаток-националок в махаллинские комиссии и т. д.

Таким образом, осуществление советского законодательства о правах женщин и мероприятий по борьбе с бытовыми и религиозными пережитками в области

семейных, брачных и имущественных отношений, а также законов о наследственном праве, явилось важнейшей мерой на пути раскрепощения женщин восточных национальностей.

Местные партийные, советские и общественные организации широко популяризировали среди местного населения советское законодательство о правах женщин в обществе и в семье. Была развернута сеть бюро юридической помощи и консультаций при женских клубах. Бюро юридической помощи служили не только для консультаций, приема заявлений и жалоб, но и являлись опорными пунктами пропаганды идей нового быта, борьбы против пережитков феодально-байских отношений к женщине.

Партийные комитеты, и прежде всего женотделы, следили за своевременным рассмотрением судебных дел и жалоб, связанных с семейно-брачными и бытовыми отношениями. В эту работу вовлекались женщины коренных национальностей в качестве народных заседателей, правозаступниц и прокуроров, членов бюро юридической помощи, практиканток в отделах загсов. К этой работе широко привлекались также женщины и других национальностей, знающие язык и быт местного населения. Особенно большую помощь оказывали татарки и азербайджанки.

Но женотделы партийных комитетов еще не были тесно связаны с деятельностью местных судебных органов. Они не добивались организации выездных сессий судебных органов по наиболее важным делам в области раскрепощения женщины. Еще не решенными оставались задачи организации правовых и бытовых секций при Советах и делегатских собраниях, практикантства делегаток и членов Советов при судебных органах, создания института общественных обвинителей и защитников из числа женщин местных национальностей и т. д.

Как известно, в тот период наряду с советскими судами сохранялись еще духовные судьи (казии), что затрудняло проведение советского закона о семейно-брачном и опекунском праве, препятствовало и создавало весьма сложную обстановку для осуществления правового раскрепощения женщины.

Перед борцами за раскрепощение женщин Востока

стояли большие задачи. Решение этих задач потребовало много усилий в поисках различных форм и методов работы на местах в борьбе за высвобождение тружениц Востока из-под влияния байства и духовенства и вовлечения их в ряды активных строителей социализма.

В 1923 году был введен институт практиканток в государственных учреждениях и хозяйственных организациях, соприкасающихся с вопросами борьбы за раскрепощение женщин и вовлечение их в сферу государственного управления, материального производства и культуры. Так, например, должность практиканткн была введена в отделах ЗАГСа, в коллегии защитников, в системе Народного Комиссариата юстиции, в системе промысловой и потребительской кооперации.

Постановлением ЦК РКП(б) от 25 мая 1923 года был учрежден институт практиканток из местных работниц при центральных и областных женотделах комитетов партии в восточных республиках и областях. Цель института практиканток заключалась в том, чтобы подготовить ответственных работниц из женщин коренного населения для работы среди женщин.

Следует сказать, что институт практиканток явился исключительно важным мероприятием Коммунистической партии в области раскрепощения женщины. Было установлено обязательное укомплектование должности практиканткн из числа тружениц восточных национальностей. Во-первых, это способствовало подготовке женских кадров из местных национальностей, во-вторых, женщина Востока сама становилась поборницей за равноправие полов в обществе и в семье и, наконец,— и это главное,— через практиканток, которым хорошо были понятны чаяния и думы женщин, облегчалось общение с широкими женскими массами. В данном случае огромное значение имело то, что в государственных учреждениях восточные женщины могли обратиться на родном языке к женщине, самой испытавшей на себе все невзгоды порабощенной жизни.

Введение института практиканток свидетельствовало о мудром подходе Коммунистической партии к ре-

шению задачи раскрепощения женщин Востока. Этот замечательный опыт полностью оправдал себя.

В 1924 году только в центральных государственных учреждениях Туркестанской республики работало 52 практикантки.

Они работали в основном в народных комиссариатах и других государственных учреждениях. Не только женотделы, но и все партийные и государственные органы придавали важное значение укомплектованию государственных учреждений и общественных организаций практикантками; этим вопросом занималась также и комиссия по укомплектованию учреждений местными работниками и переводу делопроизводства на местные языки, созданная ЦИК Туркестанской республики (Коммесдел).

В связи с широким развертыванием работы среди женщин ЦК КП Туркестана потребовал от местных партийных комитетов укрепления женотделов, призванных быть боевым штабом борьбы за раскрепощение женщин восточных национальностей. Укрепление женотделов, повышение их боеспособности стало в этот период важным звеном в цепи задач по раскрепощению женщин Востока.

10 января 1923 года ЦК КП Туркестана направил письмо всем обкомам партии «Об усилении аппаратов отделов работниц, упорядочении работы среди женщин». В письме указывалось на неудовлетворительное выполнение постановления XI съезда РКП(б) по вопросу работы среди женщин. 1 декабря 1923 года ЦК КПТ направил еще одно письмо «Об укреплении аппаратов отделов работниц».

Некоторые партийные комитеты неудовлетворительно руководили женотделом, зачастую не вникали в сущность работы среди женщин. Например, Полторацкий уездком партии организовал особую женотдельскую секцию, носящую характер какого-то обособленного органа.

ЦК КПТ предложил всем парткомам уделить максимум внимания непосредственному руководству работой женотделов, усилению аппарата женотделов кадрами и т. д.

Женотделы партийных комитетов выдвинули замечательных поборниц раскрепощения женщин Вос-

тока. На 5 апреля 1923 года в партийных комитетах Туркестана работало 39 работниц. Славные страницы в историю борьбы за раскрепощение женщин Средней Азии вписали С. Кроль, член КПСС с 1917 года, Е. Росс, член КПСС с 1919 года, работавшие в женотделе ЦК КП Туркестана, Ю. Кислова, член КПСС с 1920 года, К. Нарожная, член КПСС с 1918 года, работавшие в женотделе Туркменского обкома КПТ, и многие другие.

Туркменки — Фатьма Овезова-Шукурова, член КПСС с 1921 года, ныне пенсионерка, Амандурсун Чиль кызы, Аннаджемал Хидыр кызы, Аксолтан Ата кызы, Шасолтан Караджаева, Эне Кулиева были первыми коммунистками и поборницами раскрепощения женщин-туркменок.

В деле раскрепощения женщин восточных национальностей в Средней Азии поистине героическую работу вела замечательная русская коммунистка, ныне персональная пенсионерка Серафима Тимофеевна Любимова. Член КПСС с 1919 года, она с 1920 года находилась на руководящей работе среди женщин в Саратове, а затем в отделе работниц и крестьянок ЦК РКП(б). Летом 1923 года, когда в Средней Азии развернулась активная борьба за раскрепощение женщины, ЦК РКП(б) направил С. Т. Любимову на работу в качестве заведующей женотделом ЦК КП Туркестана, а затем — Средазбюро ЦК ВКП(б).

На этой должности С. Т. Любимова работала с 1923 по 1927 годы, то есть в самые трудные годы борьбы за раскрепощение женщин Востока. Женотдел ЦК КП Туркестана, руководимый отважной большевичкой, широко развернул работу по пропаганде и агитации советских законов о женском равноправии, добиваясь неуклонного проведения в жизнь этих законов, и начал активное наступление на старый феодальный быт, дикий произвол, царившие в семье по отношению к женщине.

Вот что пишет С. Т. Любимова об этом периоде борьбы за раскрепощение женщин Средней Азии: «...Проклятое наследие рабского прошлого продолжало существовать не один год и при Советской власти. Покончить с ним было нелегко. Это наследие застали еще и мы — группа коммунисток, командированная ЦК

РКП(б) в 1923 году на работу среди женщин Средней Азии.

С первых же дней нашей работы к нам начали обращаться женщины.

Киргизка Казыбек Хаджиева пришла в женотдел искать защиты: её продали за большой калым человеку, которого она не любит.

Амангыз Мирзагильдиева прибежала из аула Уя Джетысуйской волости. Показывает свои обожженные руки. Муж бросил её в огонь, а потом выгнал...

Разве можно было не реагировать,— продолжает С. Т. Любимова,— на эти человеческие документы? И мы, работники женотделов, принимали меры, изыскивали всевозможные способы для разрешения этих и подобных им многочисленных просьб и заявлений: ехали, писали, убеждали, обращались к милиции, в судебные органы, сами выступали на судах в качестве защитников и общественных обвинителей, широко пропагандировали советские законы о правах женщины»[1].

Раскрепощение женщин восточных национальностей вносило существенные изменения в семейно-бытовые отношения полов, ломало веками устоявшееся неравенство и вызвало распад семьи у некоторой части населения, в связи с чем участились разводы.

И это вполне понятно. Основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» указывали, что современная буржуазная семья основана на капитале, на наживе, что семья в совершенно развитом виде существует только для буржуазии, что она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и публичной проституции. «Буржуазная семья, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— естественно отпадает вместе с отпадением этого её дополнения, и обе вместе исчезнут с исчезновением капитала»[2].

Как известно, частная собственность на средства производства была уничтожена с победой Великой Октябрьской социалистической революции. В переходный период шел дальнейший процесс вытеснения частного капитала социалистическим сектором из сфер на-

---

[1] «Женщины в революции». М., ГИПЛ, 1959, стр. 338—339.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4. изд. 2-ое, стр. 443.

родного хозяйства. Происходила ожесточенная классовая борьба в городе и деревне.

Осуществление советских законов о женском равноправии вызвало еще большее обострение классовой борьбы, классовое сопротивление еще не разбитых в то время эксплуататорских классов и мусульманского духовенства. Шла ожесточенная борьба между старым бытом — семьей, основанной на полном порабощении женщины, на купле и продаже её, — и новым — социалистической семьей, основанной на равноправии полов, на уважении и любви между ними.

Систематическая пропаганда советских законов о женском равноправии, привлечение к уголовной ответственности злостных нарушителей этих законов и, наконец, повышение активности самих женщин местных национальностей путем вовлечения их в социалистическое строительство, приобщения к культуре, создание для них льготных условий и т. п.— неизмеримо способствовали политическому пробуждению сознания тружениц Востока. Запрещение калыма, купли и продажи женщин, многоженства, применения насилия и т. д.— всё это не могло не пошатнуть устои прежней буржуазной феодальной семьи, которая зиждилась на купле и продаже, на применении насилия к женщине, на полном порабощении, на эксплуатации труда женщины.

В эти трудные годы борьбы за раскрепощение женщин Востока ЦК РКП(б) постоянно направлял деятельность местных партийных организаций. Большой практической помощью в этой сложнейшей области работы явилось письмо ЦК РКП(б) от 11 мая 1923 года «Об усилении партийной работы среди трудящихся женщин Востока».

XII съезд партии отметил особое значение работы партии среди трудящихся женщин восточных народностей и указал на необходимость закрепления уже достигнутых в этой работе результатов.

ЦК РКП(б) потребовал от местных партийных комитетов осуществления непосредственного руководства работой женотделов, укрепления их аппаратов, выделения особых секций по работе среди женщин при партшколах и комуниверситетах, введения женщин-правозаступниц в местные коллегии защит-

ников, как одного из методов подхода к работницам Востока и т. д.[1].

16 июля 1923 года Оргбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад инструктора отдела работниц и крестьянок ЦК РКП(б) С. Т. Любимовой «О работе среди женщин в Туркестане». По докладу было принято развернутое постановление, в котором определены основные моменты работы партийной организации среди женщин в Туркестане[2]:

1) проведение борьбы с бытовыми предрассудками среди населения, в первую очередь в партийной среде, среди членов КСМ и союза «Кошчи»;

2) подготовку работников из числа местных тружениц.

Большое внимание в постановлении было уделено формам и методам работы среди женщин. Для обобщения первого опыта работы среди дайханок ЦК РКП(б) решил включить в штаты Сыр-Дарьинского обкома двух инструкторов укомов по работе среди женщин.

ЦК РКП(б) указал на огромные перспективы работы среди женской молодежи и предложил отделу работниц и крестьянок ЦК партии и ЦК РКСМ разработать конкретный план проведения этой работы в Туркестане, было указано также на необходимость выделения штата работников по работе среди девушек в аппарате КСМ Туркестана.

ЦК РКП(б) предложил включить женские школы взрослых в общую государственную сеть школ в Туркестане, а там, где возможно проведение совместного обучения в общих школах, было предложено выделить определенное количество мест для девушек.

ЦК РКП(б) систематически направлял в местные партийные организации письма и циркулярные указания по различным вопросам работы среди женщин, в частности о введении представителей женотделов в пленумы комитетов крестьянских обществ взаимопомощи (16 марта 1923 г.), о сборе материалов по исто-

---

[1] См. Справочник партийного работника. Выпуск IV. М., 1924, стр. 180.

[2] Вскоре после принятия этого постановления С. Т. Любимова была назначена заведующей женотделом ЦК КП Туркестана.

рии участия работниц в революционном движении (18 июня 1923 г.), о делегатском собрании работниц и крестьянок (27 июля 1923 г.), о привлечении работниц в школы фабзавуча и на профтехнические курсы (31 августа 1923 г.) и другие.

В своих письмах и циркулярных указаниях ЦК РКП(б) разъяснял задачи Коммунистической партии в области повышения политической и производственной активности женщин, борьбы за социалистическую переделку быта тружениц города и села, вовлечения их на учебу и т. д., указывал на необходимость проведения этих задач в жизнь, рассматривая их как общеполитическое дело всех партийных организаций[1].

Осуществление указаний ЦК РКП(б) по усилению работы среди женщин требовало правильно поставленной и широко развернутой массово-политической и организационной работы.

21 июня 1923 года Исполбюро ЦК КП Туркестана приняло по докладу инструктора женотдела ЦК РКП(б) С. Т. Любимовой развернутое постановление о работе женотдела. В постановлении отмечается, что работе женотделов уделяется недостаточное внимание, что аппараты женотделов слабы. Исполнительное бюро ЦК КПТ признало необходимым укомплектовать женотделы опытными кадрами, предложило агитпропу провести кампанию по разъяснению задач, поставленных в свете решений XII съезда РКП(б), и приступить к проведению постановления VII съезда КПТ в области борьбы с бытовыми предрассудками.

Основной задачей в работе среди женщин была признана подготовка работников из трудящихся женщин местного населения. Исполбюро указало, что недопустимы уклоны в сторону создания особых бюро, обществ мусульманок, как это имело, например, место в Туркменской области, а также использование мечетей, мулл, вхождение представителей женотделов в суды казиев и т. д.

Исполбюро ЦК КПТ признало основными формами работы: культурно-просветительную, обучение профессиональным навыкам, организацию женских ар-

---

[1] Справочник партийного работника. Выпуск IV, стр. 177—181.

телей и мастерских, вовлечение работниц в школы профтехобразования и фабзавуча, создание мастерских для подготовки прядильщиц из женщин коренного населения, создание органов женской печати, в частности издание журнала «Дехканка», проведение съездов женщин и т. д.

8 августа 1923 года ЦК КП Туркестана направил областным и уездно-городским комитетам КПТ циркулярное письмо «Об углублении работы партии среди женщин». В нем ЦК КПТ разъяснял, что XII съезд РКП(б) отметил значительную оторванность работы среди работниц и дайханок от общепартийной работы, подчеркнул особое значение работы партии среди трудящихся женщин Востока, начавшегося их пробуждения и необходимости закрепления достигнутых успехов в работе среди женщин.

ЦК КП Туркестана предложил провести следующие мероприятия в области общепартийной работы:

1. Обратить особое внимание и усилить руководство парткомами работой среди женщин, придав ей значение и темп наравне с первоочередными задачами партии.

2. Пересмотреть рабочие аппараты женотделов, укрепив их достаточно опытными, квалифицированными партийными работниками, не останавливаясь перед переводом их с ответственной советской работы.

3. В целях привлечения к работе среди женщин широких партийных масс, агитпропам парткомов провести кампанию по разъяснению задач, а также форм и методов работы среди женщин, на основе постановления XII партсъезда «О работе РКП среди работниц и крестьянок» и циркулярных указаний ЦК РКП(б).

4. Прикрепить всех коммунисток из коренного населения к женотделам для использования их исключительно на работе среди женщин.

5. Основной задачей в работе женотделов по всей республике считать подготовку работников из трудящихся женщин местного населения.

6. В работе среди коренного населения не допускать уклонов в сторону создания особых бюро обществ мусульманок, использования мечетей и мулл, а также вхождения представительниц женотделов в суды казиев.

7. Основным направлением в работе женотделов среди коренного населения считать культурно-просветительную работу, приобщение тружениц Востока к практической работе в правовой области, обучение их профессиональным навыкам через организацию артелей и мастерских.

Далее ЦК КП Туркестана определил главные задачи работы партии среди женщин в кишлаке и ауле. Они сводились к следующему: распространить опыт работы женотделов в городах на кишлаки и аулы; в каждом уезде выделить определенные ударные пункты, вся работа которых должна вестись под руководством коммунистических ячеек.

Практическими задачами ударных пунктов были признаны: популяризация среди женщин законов и задач Советской власти; привлечение женщин к активному участию в советской, общественной жизни кишлака и аула; широкое использование опыта работы в городе; вовлечение женщин в кишлачные и аульные Советы, правления кооперативов, союза «Кошчи», в коммунистические ячейки, в школы при союзе «Кошчи» и т. д., защита правовых интересов женщины (борьба с калымом, охрана женщины как жены и матери, охрана женского труда и т. д.).

Уже к этому времени по Туркестанской республике было создано 60 ударных пунктов в сельской местности, в том числе девять пунктов в Туркменской области.

18 августа 1923 года ЦК КПТ поручил женотделу разработать мероприятия по усилению агитационной работы среди мусульманок.

Важнейшим звеном в работе среди женщин были делегатские собрания. Как известно, делегатские аппараты в Туркестане начали создаваться лишь с 1922 года. ЦК КП Туркестана потребовал, чтобы максимум внимания парткомов было обращено на организационно-воспитательную работу среди делегаток, рекомендуя широко практиковать экскурсии делегаток в летнее время на фабрики, образцовые совхозы, детские дома, дома матери и ребенка, сельскохозяйственную выставку, музеи, театры и т. д. с обязательными беседами на соответствующую тему, привлекая для этого нужных специалистов.

Делегатские собрания были школой подготовки женских кадров. Поэтому в процессе работы делегатских собраний парткомы должны были выявлять активных и способных работниц и дайханок для вовлечения их в практическую работу партийных, советских, профессиональных и кооперативных организаций.

Работницы женотдела ЦК КПТ чаще стали выезжать в области и уезды республики для оказания практической помощи местным партийным организациям в области работы среди женщин.

Осуществляя непосредственное руководство женотделами местных комитетов партии, женотдел ЦК КПТ постепенно становился всё ближе к жизни низовых организаций. На заседаниях коллегии женотдела в 1923—1924 годах обсуждались вопросы об усилении массовой и организационой работы среди женщин на местах, о состоянии работы среди женщин в Ташкенте, о поездке работниц женотдела в Полторацк, Бухару, Самарканд, о состоянии работы по охране материнства и младенчества, о работе комиссии по улучшению быта детей, о работе Ташкентского уездного женотдела в связи с организацией ударных пунктов по работе среди женщин в кишлаке, о возможных методах работы среди женщин в Туркмении.

В решениях, принятых по этим вопросам, женотдел определял конкретные формы и методы работы среди женщин, указывал на необходимость развертывания агитационно-массовой работы в кишлаке и ауле, усиления работы ударных пунктов, выдвижения женщин коренного населения на советскую работу, принятия карательных мер в отношении злостных нарушителей советских законов о женском равноправии и т. д.

Большое место в борьбе за раскрепощение женщин в эти годы занимали вопросы улучшения быта работниц и дайханок. Женотдел проводил обследования детских домов и приёмников, контролировал деятельность учреждений охраны материнства и младенчества, содействовал организации прачечных, принимал меры по преодолению женской безработицы, по вовлечению дайханок в кооперативные организации, в союз «Кошчи», работниц — в профсоюзы и т. д.

Вопросы организации женского образования со-

ставляли неотъемлемую часть общей работы по раскрепощению женщин Востока. Женотделы руководили всей учебно-воспитательной работой Узбекского женского института просвещения (инпроса), курсами волостных организаторов, оказывая практическую помощь женским учебным заведениям в укреплении кадрами, в наборе учащихся из числа узбечек, туркменок, таджичек и женщин других местных национальностей, живущих в Средней Азии. Женотделы занимались также распределением кадров, окончивших эти учебные заведения.

Работа партийных и комсомольских организаций среди девушек, о выполнении разверстки в учебные заведения, о работе школ-интернатов, об издании сборников и брошюр по работе среди женщин, о женских периодических изданиях и другие вопросы не сходили с повестки дня женотделов партийных комитетов.

Активное участие в борьбе за раскрепощение женщин принимал комсомол. В условиях Туркестана комсомол решал исключительно важные и ответственные задачи.

Боевыми лозунгами комсомольских организаций Туркестана были:

грамотность для девушек наряду с юношами;

борьба с затворничеством;

борьба с куплей и продажей девушек (калымом);

борьба за повышение брачного возраста, против выдачи замуж малолетних.

Создавались комсомольские ячейки в женских учебных заведениях — женских инпросах, рабфаках и секциях молодежи, в женских клубах. Была учреждена также должность инструктора в ЦК и обкомах комсомола по работе среди девушек, работавших в тесной связи с женотделами соответствующих партийных комитетов.

Велика была роль и союза «Кошчи» в раскрепощении женщин. Как известно, в Средней Азии крестьяне составляли основную массу населения. В составе женского населения также были главным образом дайханки. А союз «Кошчи» был массовой организацией бедняков и батраков, всего трудового дайханства. Поэтому вовлечение женщин в союз «Кошчи» являлось задачей первостепенной важности.

Принимая во внимание особое значение вопроса о вовлечении женщин в союз «Кошчи», для женщин — членов союза «Кошчи» устанавливались льготные условия, как и для батраков, то есть допущение персонального освобождения от внесения членских взносов по решению низовых организаций при наличии фактической несостоятельности. Так, например, Туркменский обком союза «Кошчи» 16 октября 1923 года освободил от уплаты вступительных взносов женщин — членов союза «Кошчи».

Активно включились в борьбу за вовлечение женщин в общественное производство профессиональные союзы. 3 июня 1923 года Туркбюро ВЦСПС обсудило вопрос «О работе среди женщин», а V съезд профсоюзов Туркестана принял важное решение о работе среди женщин.

Ведение работы среди женщин Туркбюро ВЦСПС возложило на женорганизаторов, а в правлениях союзов, где не было в штате такой должности, — на заведующих организационными отделами и инструкторов.

Исключительно важной мерой для усиления работы среди работниц была установка о включении в общую статистику профсоюзов вопросов о положении женщин на производстве, об охране женского труда и т. д. Это, безусловно, способствовало установлению систематического контроля за деятельностью местных профсоюзных организаций среди работниц.

Профсоюзы активно боролись за вовлечение женщин в школы профессионально-технического образования, фабрично-заводского обучения, за проведение в жизнь установленных льгот для работниц при сокращении штатов, за охрану труда работниц на частных предприятиях, труда домашних прислуг, улучшение быта работницы, широкое вовлечение работниц в школы, кружки, клубы и т. д.

В 1923 году женотдел ЦК КПТ разослал в местные партийные организации анкету по обследованию условий труда и быта женщин из коренного населения. В анкете содержалось 37 вопросов, касающихся положения женщин местных национальностей. В их числе были вопросы — об основном занятии населения данной местности и участии женщин в нем; о хозяйствах,

возглавляемых женщинами; о роли женщины в производстве, в домашнем хозяйстве, об отношении населения к уничтожению многоженства и фактах нарушения советского законодательства о женском равноправии; об отмене калыма, многоженства, о повышении брачного возраста и т. д.

Народный Комиссариат внутренних дел Туркестанской республики в 1923 году направил всем облисполкомам письмо «О введении практиканток в ЗАГСы», что явилось очень важной мерой в области правовой защиты женщин.

21 мая 1924 года на заседании секретариата ЦК КПТ было утверждено предложение женотдела об усилении работы среди женщин, об укреплении женаппарата, введении в тематику учебных занятий в партийных учебных заведениях тем о женском движении и т. д.

17 ноября 1924 года за подписью Наркома РКИ СССР, председателя ЦКК РКП(б) В. Куйбышева всем КК и РКИ было разослано циркулярное письмо о формах привлечения женщин-работниц к работе органов РКИ.

Все это говорило об усилении контроля за проведением в жизнь советского законодательства о равноправии полов, об усилении руководства партийных и советских органов работой по раскрепощению женщин Востока.

31 декабря 1923 года — 7 января 1924 года в Ташкенте проходило 5-ое Краевое совещание работниц женотделов обкомов КПТ. На совещании присутствовали пять инструкторов ЦК РКП(б). Были обсуждены доклады с мест, отчетно-перспективный доклад, организационный вопрос, правовая работа, работа в кишлаке и в ауле, план работы женотделов и т. д. В докладах с мест отмечались достижения и недостатки в работе среди женщин на местах. В частности, в докладах представительниц женотдела Туркменского обкома КПТ тов. Богачевой, Соколовой говорилось, что в области имеется 318 делегаток, из них туркменок — 25; членов Советов — 72, из них туркменок — 39.

На совещании отмечалось совершенно неудовлетворительное руководство ЦК Бухарской Коммунистической партии работой среди женщин. Редко проводи-

лись собрания, не были созданы женские школы и клубы, хотя и организован фонд из местных средств для работы среди женщин коренного населения. Отмечалось также, что отсутствует руководство из центра; необходим опытный работник среди женщин.

Вслед за этим, с 3 по 9 мая 1924 года, было проведено 6-ое Краевое совещание женотделов обкомов КП Туркестана. На совещании были обсуждены вопросы: доклад С. Т. Любимовой о работе отдела работниц ЦК КПТ, о подготовке кадров, о ходе проведения в жизнь декрета о калыме, о плане работы женотделов на летний период, о состоянии и задачах женского образования в Туркестане.

Совещание с большим удовлетворением отметило, что после 5-го Краевого совещания первый период работы среди женщин закончился. Он выразился в организационном оформлении аппарата женотделов, в преодолении оторванности работы среди женщин от общепартийной работы, в привлечении коммунистов к работе среди женщин, в постановке агитационно-массовой работы среди широких слоев женских масс.

Знаменательно, что в работе 6-го краевого совещания приняли участие и работницы женотделов из числа местных национальностей, такие, как Амандурсун Чиль кызы из Туркменской области.

6-ое Краевое совещание женотделов обкомов КПТ приняло решение о переходе к углубленной работе среди женщин местных национальностей, о практическом проведении декретов в области брачно-семейных отношений, о борьбе с бытовыми предрассудками, в первую очередь — в партийной и комсомольской среде.

Совещание призвало женотделы опираться в своей деятельности на партийные комитеты и ячейки, широко привлекать к работе комсомольские и профсоюзные организации, союз «Кошчи», добиваться вовлечения женщин в советское строительство, проводить и впредь принципы ударности, коренизацию аппарата женотделов, развернуть работу среди женской молодежи и т. д.

Пленум ЦК КПТ 30 июня 1924 года выдвинул лозунг: «Ни одного случая к концу года со стороны

членов партии и комсомола нарушения декретов о калыме и брачном возрасте!»[1]

Этот лозунг исходил из решения ЦК РКП(б) от 16 июля 1923 года «О работе среди женщин в Туркестане», в котором подчеркивалась необходимость решительной борьбы с бытовыми предрассудками среди населения, в первую очередь в партийной среде, среди членов КСМ и союза «Кошчи». Это решение сыграло решающую роль в усилении борьбы за раскрепощение женщин Востока в очень трудные и сложные годы строительства социализма в Средней Азии.

Эта борьба за преодоление предрассудков в отношении к женщине, в первую очередь — в партийной и комсомольской среде, способствовала вместе с тем укреплению рядов Коммунистической партии, улучшению её качественного состава. Этим решением партия проверяла политическую стойкость, идейную убежденность, моральные качества своих членов в таком важном социальном вопросе, как личное отношение коммуниста к семье, к женщине.

По состоянию на 1 мая 1923 года в Туркестане насчитывалось: членов и кандидатов в члены РКП(б) — 19071 человек, комсомольцев — 34436 человек, членов союза «Кошчи»,— а он был массовой организацией трудовых дайхан, то есть громадного большинства местного населения, — 113669 человек[2].

Таким образом, эта передовая часть населения Туркестана насчитывала в своих рядах свыше 167 тысяч человек. И если каждый из них добьется раскрепощения своей жены и матери, своих дочерей и сестер, то это значительно двинуло бы вперед дело раскрепощения женщины Востока.

Как видим, решение ЦК РКП(б) о преодолении затворничества и предрассудков в отношении к женщине, в первую очередь в партийной, комсомольской среде и членов союза «Кошчи», было дальновидным и мудрым.

В результате проведенных мероприятий в области раскрепощения женщин местных национальностей

[1] За пять лет. Сборник. М., Центральное издательство народов СССР, 1926, стр. 13—14.

[2] Работа среди женщин в Туркестане. Ташкент, Средазгосиздат, 1924, стр. 4—5.

уже в 1923—1924 годах была подготовлена благоприятная почва для перехода к более решительным мерам по преодолению векового затворничества женщины, по проведению в жизнь советских законов о равноправии полов.

В июле 1924 года сессия ЦИК Советов Туркестанской республики приняла постановление о проведении в жизнь декретов о калыме и брачном возрасте, как важнейших задач судебных органов.

Советское государство проявляло большую заботу об обеспечении необходимыми материальными средствами учреждений, создаваемых для работы по раскрепощению женщин Востока. 14 ноября 1923 года ЦИК Советов Туркестанской республики принял постановление «О создании фонда на поддержку учреждений, организуемых для женщин коренного населения». Этот фонд из местных средств создавался при ЦИК Туркреспублики и облисполкомах для поддержки уже существующих и организации новых учреждений охраны материнства и младенчества, артелей, показательных мастерских, женских школ, клубов и т. д. Этот фонд складывался из специальных и регулярных ассигнований ТуркЦИК и облисполкомов, а также добровольных отчислений советских, хозяйственных и кооперативных учреждений. Фонд пополнялся также средствами от проводимых женскими клубами платных спектаклей, лекций и специально организуемых женскими клубами и артелями различных кампаний для сбора средств. Организация фонда не снимала со смет соответсвующих учреждений средства на содержание культурно-просветительных и прочих учреждений, обслуживающих женщин коренного населения.

Женотделы партийных комитетов следили за правильным, целенаправленным расходованием этих средств.

Начиная с 1924 года борьба за раскрепощение женщин развернулась и в Бухарской и Хорезмской республиках.

Все эти мероприятия Коммунистической партии и Советской власти имели огромное значение для усиления борьбы за раскрепощение женщин местных национальностей. Партийные организации и органы Совет-

ской власти проводили всестороннюю работу по раскрепощению женщины. Обсуждались и принимались планы мероприятий по проведению Международного женского дня 8 марта, а также «Правового дня туземки», проводились собеседования с женщинами-дайханками и т. д. Например, работницами женотдела Полторацкого уездкома партии 22 и 23 декабря 1922 года была проведена беседа с туркменками в близлежащем к городу ауле Кеши. Участницы собеседования высказали пожелание организовать ковровую артель и встретиться с женщинами аула. Удобной формой встречи работниц женотдела с женщинами-туркменками аула были признаны свадьбы и национальные праздники, устраиваемые в ауле. Спустя несколько месяцев после этой встречи в ауле Кеши были организованы ковровая артель, школа ликбеза и красный уголок для женщин-туркменок.

В 1922 году Полторацкий уездгорком партии выступил с обращением ко всем гражданам города и уезда об организации женского просвещения. В обращении подчеркивалась исключительная важность политического просвещения туркменок. Партийный комитет призвал сознательных граждан активно содействовать организации просвещения женщин-туркменок.

В Средней Азии, в том числе и в Туркменистане, в те годы создавались специальные клубы для женщин. При клубах организовывались женские и детские консультации, комсомольские организации девушек, пионерские отряды для девочек. Клубы сыграли свою положительную роль в раскрепощении женщины, в её политическом просвещении. Клубы вскоре стали настоящими очагами пропаганды и распространения новой, социалистической по содержанию и национальной по форме культуры, способствовали росту влияния Коммунистической партии и Советской власти среди трудящихся женщин Востока.

Другой важнейшей формой работы партийных организаций и советских органов в области раскрепощения женщин явилась организация женских промысловых артелей: ковровых, прядильных, ткацких, шелководческих и других.

Усиление работы среди женщин становилось одной из важных задач местных партийных организаций.

V Туркменская областная партийная конференция, состоявшаяся в феврале 1923 года, в резолюции по организационно-партийному строительству обратила особое внимание на необходимость усиления работы среди женщин.

Вопрос о работе среди женщин специально обсуждался также и на VI Туркменской областной партийной конференции, состоявшейся в апреле 1924 года. В числе 141 делегата конференции было уже 15 женщин, среди которых туркменки — Амандурсун Чиль кызы, Аксолтан Ата кызы и другие.

VI Туркменская областная партийная конференция приняла резолюцию «О задачах парторганизации в работе среди женщин». Работу среди женщин конференция признала одной из первоочередных задач. Конференция обязала коммунистов решительно бороться с калымом, активно содействовать выдвижению женщин на общественно-политическую работу, показывать личный пример активной борьбы за равноправие женщин.

В своей работе по раскрепощению женщин партийные организации опирались на профсоюзы, союз «Кошчи», широко использовали промысловую и потребительскую кооперации для вовлечения женщин в производство в целях ликвидации женской безработицы. В первой половине 1923 года на бирже труда в Полторацке оставалось всего лишь 300 безработных женщин.

3 марта 1924 года Совет Народных Комиссаров Туркестанской республики принял постановление «Об улучшении условий труда женщин-работниц». Согласно этому постановлению было запрещено увольнение с работы беременных женщин, установлены преимущества женщине-работнице перед мужчиной в условиях их равной квалификации при сокращении штатов учреждений и предприятий.

Народным комиссариатом труда был установлен порядок, согласно которому при чистке биржи труда запрещалось снимать с учета безработных женщин местных национальностей, даже не имевших производственного стажа.

Вовлечение женщин в производство, в советское строительство, ликвидация неграмотности, борьба с на-

родной темнотой и невежеством, преодоление укоренившихся веками феодальных и буржуазных взглядов на женщину — все это составляло общую цепь задач, от решения которых зависело освобождение женщины из оков рабства.

Важнейшей формой повышения политической активности женщин, усиления коммунистического влияния среди них являлось и является празднование Международного женского дня 8 марта.

Впервые в туркменском ауле празднование Дня 8 марта было проведено как политическое мероприятие в 1924 году. В целях лучшей организации и проведения мероприятий, приуроченных к Дню 8 марта, на местах создавались комиссии из представителей исполкомов Советов, партийных ячеек, организаторов по работе среди женщин. Было проведено 22 волостных и 1 областная женские конференции, а также многочисленные собрания туркменок более чем в 100 аулах[1].

На аульных собраниях женщин широко освещались вопросы о правовом положении женщин в связи с изданием декрета ТуркЦИК об отмене калыма и о повышении брачного возраста, о Международном женском дне, о ликвидации неграмотности и т. д. На городских торжественных заседаниях, посвященных Международному женскому дню, присутствовали сотни дайханок из окрестных аулов.

День 8 марта 1924 года явился поистине днем важных политических мероприятий. К женскому празднику была проведена кампания помощи германским пролетаркам путем добровольных отчислений. Это мероприятие имело огромное значение, укрепляя чувство пролетарского интернационализма.

В День 8 марта 1924 года в Полторацком и Мервском уездах и в Кизыл-Арвате вступили в партию 42 женщины, из них шесть дайханок, было открыто несколько школ для туркменок и интернат для девочек в Полторацке.

В этот же день 1924 году был созван Туркестанский краевой съезд дайханок, на котором обсуждался вопрос о выполнении декретов Советской власти об

[1] «Туркменская искра», 1925, 6 февраля.

отмене калыма и о повышении брачного возраста для девушек.

Центральный Комитет Коммунистической партии повседневно направлял работу по повышению роли женщины в обществе и в семье. В 1924 году при Центральном Комитете партии было проведено V Всесоюзное совещание заведующих женотделами партийных комитетов. На совещании обсуждался вопрос о работе среди женщин. Еще раз было подчеркнуто, что фактическое раскрепощение отсталых народов в экономической, правовой и семейно-бытовой области неразрывно связано с фактическим раскрепощением женщины. В этой связи совещание указало, что работа партии среди женщин восточных народов становится делом общенародным, общенациональным, делом всех трудящихся национальных республик и автономных областей.

22 декабря 1924 года Оргбюро Центрального Комитета Коммунистической партии приняло развернутое постановление «Об очередных задачах в области работы среди работниц, крестьянок и трудящихся женщин Востока». Оргбюро ЦК партии наметило решительные меры по усилению работы партии в области подготовки и переподготовки женщин-работниц аппарата женотделов, проведению массовой работы, улучшению её форм и методов, привлечению женщин к производительному труду. Были разработаны меры по улучшению коммунистического воспитания и просвещения женщин, усилению работы по политическому воспитанию крестьянок, по оживлению деятельности комитетов взаимопомощи. Перед Народным Комиссариатом земледелия, судебно-административными учреждениями, кооперацией были поставлены конкретные задачи по выдвижению женщин на руководящую работу.

Январский пленум Центрального Комитета Коммунистической партии 1925 года вновь обсудил вопрос об очередных задачах работы партии среди работниц, крестьянок и тружениц Востока. Пленум подтвердил решение Оргбюро ЦК РКП(б) от 22 декабря 1924 года и признал необходимость дальнейшего расширения и закрепления уже достигнутых партией успехов в решении важнейшей задачи — вовлечения работниц и

крестьянок в партийное, советское и кооперативное строительство. Пленум ЦК указал на серьезное политическое значение работы партии по раскрепощению женщин и наметил конкретные пути усиления этой работы. В постановлении ЦК партии подчеркивалось:

«Добившись по возможности п о г о л о в н о й организации работниц, партия сделает громадный шаг вперед.

Завоевав крестьянок всех национальностей Советского Союза для Советской власти и партии, мы нанесем самый решительный удар косности и отсталости, используемых кулацкими элементами деревни против диктатуры пролетариата»[1].

Худжум

Худжум — это знаменитое в истории женского движения Средней Азии наступление на отсталый, патриархально-феодальный быт.

Это движение началось с крупнейшего события в жизни народов Средней Азии — национально-государственного размежевания среднеазиатских республик — Туркестанской, Бухарской и Хорезмской — и образования единонациональных советских республик и автономных областей. Как известно, в результате размежевания на территории Средней Азии образовались Туркменская ССР, Узбекская ССР с Автономной Таджикской ССР (с 1929 года — Таджикская ССР), Кара-Киргизская (Киргизская) автономная область в составе РСФСР (с 1937 года — Киргизская ССР), которые добровольно и на основе полного равноправия вступили в Союз ССР. В связи с образованием национальных советских республик были созданы коммунистические партии Туркменистана, Узбекистана, а позднее — Таджикистана и Киргизии.

Это создало наиболее благоприятные предпосылки для строительства социализма в Средней Азии и сыграло огромную роль в победоносном завершении борьбы за раскрепощение женщины.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II, изд. 7-ое. М., 1954, стр. 115.

Партийные и советские организации еще более приблизились к трудящимся массам, стали еще оперативнее решать насущные и назревшие вопросы государственного, хозяйственного и культурного строительства, а также исторические задачи раскрепощения женщин местных (коренных) национальностей.

Перед коммунистами Средней Азии стояла задача вовлечения широких трудящихся масс, в том числе и женщин, в социалистическое строительство, а для этого необходимо было, используя опыт первых лет работы женотделов, изыскать особые формы и методы работы партии среди женщин Востока.

Переходу к худжуму, как уже отмечалось, предшествовала огромная созидательная работа в области государственного строительства, экономической и общественно-политической жизни народов Средней Азии, благодаря чему были созданы объективные условия для решительного наступления на фронте раскрепощения женщин коренных национальностей.

Дальнейшее развитие производительных сил республик Средней Азии, развертывание социалистического строительства и классовой борьбы упирались в вековое затворничество женщин.

Отсталый феодально-байский быт и такие его институты, как калым, многоженство, затворничество, выдача замуж малолетних и т. п., сохранявшие рабское положение женщины, вступили в противоречие с социалистической экономикой и культурой и затрудняли фактическое осуществление женскими массами политической и экономической самостоятельности в обществе и равноправия в семье.

Поэтому уже учредительные съезды Советов и первые съезды партийных организаций республик Средней Азии, наряду с другими важнейшими насущными вопросами, обсудили также вопросы работы среди женщин. В своих решениях они торжественно заявили о незыблемости советских законов о равноправии женщин и призвали рабочих и дайхан бороться за осуществление этих законов.

Первый съезд КП(б) Туркменистана единодушно подчеркнул необходимость настойчивой борьбы с пережитками патриархально-родового и феодально-байского отношения к женщине и усиления партийного

влияния на массы тружениц в целях широкого приобщения их к строительству социализма. Съезд принял специальную резолюцию «О работе среди женщин», в которой отметил, что наличие в республике остатков патриархально-родового строя сохраняет рабское положение женщины. Эти пережитки старого являются тормозом на пути экономического развития молодой Туркменской республики. Поэтому одной из первоочередных задач партийной организации, коммунистов Туркменистана съезд признал борьбу с бытовыми предрассудками, не дающими женщине возможности включиться в общественную жизнь.

Первый Учредительный съезд Советов Туркменской ССР в своем обращении к трудящимся республики призвал рабочих и дайхан беспощадно бороться за раскрепощение женщин, ибо в свободной советской республике не может быть места тьме и невежеству прошлого. Всеобщая грамотность — вот залог приобщения к социалистической культуре и освобождения от всех пережитков старины. Просвещение должно захватить самые широкие массы дайханок. Государственные органы, общественные организации должны поставить своей задачей фактическое осуществление политических и имущественных прав женщин. Съезд торжественно заявил: «Там, где нет рабов, не может быть и рабынь»[1].

Вслед за партийными и советскими съездами в 1925 году состоялся съезд работниц и дайханок; он был приурочен к торжественному празднованию Международного женского Дня 8 марта. Женский съезд ставил своей задачей мобилизовать тружениц-работниц и дайханок на выполнение очередных задач в области советского и хозяйственного строительства.

Подготовка к съезду началась с широкого совещания работников среди женщин, состоявшегося 17—19 декабря 1924 года в Ашхабаде.

Совещание подытожило первые успехи и опыт работы женотделов, а также методы работы в кишлаках и аулах. Оно приняло план подготовки и проведения Дня 8 марта 1925 года. Совещанием был разработан проект предложений по работе среди женщин для

[1] «Туркменская искра», 1925, 22 февраля.

обсуждения на первых окружных партийных конференциях.

С отчетом о работе женотдела областного — городского комитета партии выступила Е. С. Богачева, одна из первых работниц среди туркменок, хорошо знавшая местные языки. Она рассказала, что в области открыто 7 школ, где учатся 88 девочек, и два интерната для 35 девочек. На курсы женорганизаторов в Ташкент направлено 18 туркменок и несколько русских работниц, знающих туркменский язык. Организованы красные уголки, проведено за год 40 митингов, 80 собраний мусульманок, 68 делегатских собраний. К декабрю насчитывалось 109 коммунисток, 388 делегаток, 2068 женщин — членов профсоюзов, 229 — членов союза «Кошчи», 500 женщин состояли в кооперации.

В совещании активно участвовали первые зачинатели работы среди туркменок: Эне Кулиева, Амандурсун Чиль кызы, Фатьма Овезова-Шукурова, Аксолтан Ата кызы и другие активистки-туркменки. Эне Кулиева и Амандурсун внесли предложение установить льготы для родителей, отдающих своих детей в школы, как временную меру поощрения. Когда население само убедится в пользе школ, эту меру можно будет отменить. Правительство республики положительно отнеслось к предложению женотдела и установило льготы для трудящихся дайхан, которые отдают детей в школу и сами учатся в ликбезах (в получении семенной ссуды, сельскохозяйственной техники и т. д.).

Амандурсун в своем выступлении дала резкий отпор клеветническим наветам на женотделы, которые обвинялись в поощрении разводов. «Это скрытый саботаж советских законов со стороны некоторых местных работников», — заявила она. Партийные организации должны требовать от всех коммунистов уважения к женщине и беспрекословного выполнения декретов Советской власти.

«Главная трудность — отсутствие опытных, грамотных работников,— говорила Эне Кулиева в своем выступлении.— Надо просить руководящие партийные органы прислать в помощь русских работниц, чтобы они передали нам свое умение, нашли вместе с нами самые верные и короткие пути раскрепощения и просвещения туркменок».

Это совещание — первый деловой совет женотделов Туркмении с участием местного актива, явилось поворотным пунктом в работе среди женщин. Усилилось внимание к этому вопросу со стороны ЦК КП(б) Туркменистана. Средазбюро ЦК ВКП(б) прислало для работы в Туркмению Е. А. Росс, значительное время проработавшую в Узбекистане, и еще несколько коммунисток, которые помогли продвинуть вперед работу среди женщин.

Эне Кулиева, избранная на I Республиканском партийном съезде в члены ЦК КП(б) Туркменистана, была назначена заместителем заведующей женотделом. Славная дочь туркменского народа, участница революционного подполья, коммунистка ленинского призыва, она сыграла выдающуюся роль в раскрепощении женщин-туркменок.

Вот что рассказывала о себе Эне Кулиева незадолго до своей смерти:

«Родилась в ауле Кизыл-Арват в 1892 году. Отец мой то занимался батрачеством, то шел в пастухи. Семья была большая. Жили очень плохо, пока не подросли старшие братья, не стали самостоятельно зарабатывать кусок хлеба. Маленькой девочкой вместе с четырьмя соседскими девочками меня отдали к мулле учиться в старометодную школу. Шести лет я начала интересоваться тканьем ковров. Долгими часами просиживала я около ковровщиц, следя за их работой. Мать заметила мою страсть, и когда исполнилось восемь лет, мне сделали маленький детский станок. Я начала приучаться к ковровому делу, к шитью платьев на руках.

Четырнадцати лет меня выдали замуж за рабочего Кизыл-Арватских мастерских. Жили мы бедно, еле перебиваясь. Вспыхнула революция. Муж примкнул к большевикам, сердцем чувствуя свою рабочую партию. Внушал и мне сделать это.

Побывала я на съезде Советов в Кизыл-Арвате. Жадно прислушивалась ко всем словам, докладам; муж разъяснял непонятное. После этого съезда я твердо поняла, что Советская власть — рабочая и что только она несет свободу женщине.

С 1923 года я уже начала работать среди женщин. Но каково мне было сознавать свою темноту и негра-

мотность! Я очень хорошо понимала, что неграмотной работать трудно, учиться казалось невозможно. Долго боролась сама с собой, наконец взялась за учебу. По мере приобретения знаний начала чувствовать себя все больше и больше человеком, нужным для общества.

В 1924 году меня избрали членом Туркменского облисполкома, и я уже работала заместителем заведующей областным Туркменженотделом.

Самым страшным в этой работе мне казалось выступать на больших собраниях, когда тысяча глаз на тебя смотрит, сердце замирает и забываешь слова. Долго я не решалась, но работницы каждый раз меня уговаривали, и страх мой начал исчезать.

Когда муж приехал в Полторацк, сказал: детей надо отдать в интернат, в пионеры. Я согласилась. Теперь вижу, как мои дети развиваются. С каким удовольствием говорят о школе, о пионерах. Взять из школы — для них самое тяжелое наказание.

Душа моя до сих пор болит, что я темная, неученая. Я хочу, чтобы дети мои не видели темноты и невежества»[1].

Человек большого ума, отзывчивого сердца, живая и деятельная Эне Кулиева стала видной деятельницей партийной организации республики, энергичным, инициативным организатором женских масс Туркмении. Её заботами был создан ряд культурно-просветительных и учебных заведений для женщин в Ашхабаде. При ней вырос многочисленный актив туркменок. С её участием были разработаны важнейшие законодательства, касающиеся семьи и быта коренного населения...

К I съезду женщин Туркменской ССР было приурочено открытие Дома дайханки в Ашхабаде. Он был одной из форм знаменитых женских клубов на Советском Востоке, сыгравших чрезвычайно большую роль в деле раскрепощения женщин-мусульманок.

В доме дайханки было 15—20 мест общежития для приезжих из аулов туркменок, ясли (детская комната), медицинская и юридическая консультации, школа грамоты, читальня, швейная мастерская и баня.

---

[1] «Туркменская искра», 1925, 8 марта.

Каждая женщина, приехавшая из аула, могла прожить в этом доме бесплатно и многому научиться, многим заинтересоваться. Здесь лечили, учили пеленать и мыть ребенка, стирать белье, соблюдать санитарную гигиену. Устраивались беседы, лекции, концерты, демонстрировались фильмы. Дом дайханки имел выездную бригаду, в которую входили работники женотдела, юрист и врач. Бригада регулярно бывала в аулах[1].

Организаторами и руководителями Дома дайханки были образованная татарка Заида Бурнашева и малограмотная, энергичная туркменка Кейкиль Бердыклычева. Они вложили много энергии и тепла своих сердец в эту, в то время нелегкую, работу.

«Кейкиль умела душевно побеседовать с приехавшими женщинами, утешить их в горе, дать добрый совет, вдохнуть мужество и смелость в оробевших»,— вспоминает о своих добрых помощниках первая заведующая женотделом ЦК КП Туркменистана, ныне персональная пенсионерка Е. А. Росс.

При Доме дайханки работала женская школа с интернатом, где обучался женский актив, приехавший из далеких аулов,— члены сельсоветов, молодые коммунистки. Часть окончивших школу направляли затем на специальные курсы — медицинских сестер, воспитательниц детских яслей, волостных женорганизаторов и т. д.

В Доме дайханок научились грамоте, усвоили начало политических знаний и навыки организаторской работы первые активистки-туркменки: Эне Кулиева, К. Кочумова, Ш. Караджаева, Т. Кувадова, К. Алиева и другие. Здесь они вступили в партию, отсюда поехали учиться, выдвинулись на руководящую работу. Ныне персональная пенсионерка Курбангозель Алиева вспоминает:

«Привел меня мой муж в женотдел ЦК (он впереди, я позади) и говорит: вот вам моя жена, учите её. Это было в 1926 году. Я, закрытая, совсем темная женщина, всего боюсь. Думаю — что теперь со мной бу-

---

[1] См. Женские клубы на Востоке. Сборник материалов I Всесоюзного совещания работников женских клубов. М., 1927, стр. 41—44.

дет? В женотделе приняли меня приветливо, как подругу, повели в Дом дайханки, познакомили с другими туркменками. Потом муж водил меня туда ежедневно, как ребенка в детский сад: утром отведет, вечером за мной придет. Я училась грамоте, а он вечерами уроки мои проверял. Однажды отвел меня и два месяца совсем не показывался, сказал, что в командировку поехал. Уж и поплакала я тут, потосковала. В Ашхабаде никого из родных нет — один муж да женотдел. Остаться первый раз одной — это не шутка: как ребенка от груди отняли, как плавать в море бросили. Прожила я незначительный срок в Доме дайханки, научилась читать и писать, в газетах разбираться стала... Вскоре женотдел послал нас учиться на курсы женорганизаторов в Ташкент. Отсюда и началась моя общественная работа и новая жизнь. Дома дайханки никогда не забуду».

Первый съезд женщин Туркменской ССР проходил с 8 по 11 марта 1925 года. На съезде присутствовало 167 делегаток, в том числе 137 туркменок. Характерен социальный состав участниц съезда: дайханок было 146, работниц — 7, домохозяек — две, служащих — 12. В числе делегаток — 38 коммунисток и две комсомолки; возраст делегаток от 14 до 70 лет.

Съезд заслушал и обсудил четыре доклада: о международном положении, об истории женского движения, о положении работниц и дайханок и задачах по раскрепощению, о комсомоле и пионерах, а также была прочитана популярная лекция — «Почему нужно лечиться у врача, а не у знахарей и табибов?»

В течение пяти дней с трибуны съезда выступали ораторы. Отбросив прочь «яшмак», женщины раскрывали свое сердце, высказывали своё, наболевшее. Любовь и доверие к Коммунистической партии, благодарность Советской власти звучали в каждом слове ораторов.

С живейшим интересом была выслушана речь Хамры Хусеиновой. Необычайна судьба этой женщины-работницы. Вот её рассказ о себе:

— Маленькой девочкой жила я с отцом в Дейнау. Матери я не помню, а отец умер, когда мне было 8 лет,

и я осталась круглой сиротой. Не принял меня к себе ближайший родственник — двоюродный брат, а продал поскорее Умар-баю третьей женой.

Маленькая была, запуганная. Две жены стали бить и издеваться надо мной вместе с мужем. Не выдержала я такой жизни, переоделась мальчиком и убежала. Пешком добралась до Чарджоу, а путь туда —верст 78. И начались мои мытарства. Поступила работать на станцию Фараб, проработала у бая батраком-мальчиком три года, ушла в Чарджоу. Пять лет здесь таскала доски, бревна на лесном складе. Снова ушла на полевые работы. Года через три вернулась обратно на склад. После пекарем была три года. И никто не знал, что я женщина[1].

Интересна судьба и делегатки съезда, коммунистки Амандурсун Чиль кызы. В 1921 году она была участницей встречи с В. И. Лениным. По путевке женотдела её послали на курсы волостных женорганизаторов при Среднеазиатском комуниверситете. Окончила она их в 1924 году. Работая заместителем заведующей женотделом Мервского уездного комитета партии, была избрана делегаткой VI Туркменской областной партийной конференции, состоявшейся в апреле 1924 года. Впервые в истории туркменка была избрана в президиум партийной конференции. Выступая на партийных конференциях и съездах, она рассказывала о встрече с великим вождем в Москве, о наказе В. И. Ленина работать среди туркменок. Верная своему обещанию, Амандурсун отдала этому благородному делу всю свою жизнь.

Первый съезд женщин республики приветствовали пионерки первого женского интерната. К съезду было приурочено открытие Центрального Дома дайханки — весть о нём через делегаток достигла самых далеких районов республики.

Съезд твердо высказался за усиление борьбы с нарушителями прав женщин, призвал к дальнейшему развертыванию работы по их раскрепощению, высвобождению их из под влияния баев и духовенства. Съезд имел большое значение в повышении политической активности широких женских масс, их спло-

[1] «Туркменская искра», 1925, 11 марта.

чения вокруг Коммунистической партии и Советской власти.

Обсудив итоги съезда, ЦК КП(б) Туркменистана принял ряд решений, в том числе решение об организации шестимесячных курсов по подготовке районных и сельских женорганизаторов. Курсы открылись в июне 1925 года. К осени 1925 года были организованы также акушерские курсы для туркменок на 30 человек и при них двухгодичное подготовительное отделение — также на 30 человек. Позже в столице республики Ашхабаде возник целый учебный комбинат для женщин, включающий педагогический и медицинский учебные заведения и партийные курсы.

На съезде женщин присутствовала с группой делегаток из Геок-Тепе женорганизатор Аннаджамал Хыдыр кызы. Одна из первых пионерок женского движения, она в мае 1924 года вступила в Коммунистическую партию и оставила о себе добрую память. В архивах сохранилось заявление Аннаджамал Хыдыр кызы — «уполномоченной по работе среди женщин» в адрес областного женотдела: «Довожу до Вашего сведения, что в нашей волости декрет об отмене калыма и о повышении брачного возраста не проводится в жизнь. Например, по имеющимся сведениям, в ауле Нова туркмен Пазил Ишан продал дочь в аул Корсахар.

...За дочь взял 60 пудов пшеницы, 2 верблюда, 30 кусков мата[1], из них 15 шелковых и 15 простых, и еще должен получить вдобавок 15 баранов, которых еще не пригнали.

Девочка в возрасте 10 лет и жених в возрасте приблизительно 17—18 лет. Свидетель: Сары Куйкун оглы Абжа, житель Геок-Тепе. За неграмотностью прикладываю палец»[2].

Аннаджамал не только выявляла нарушения, но и добивалась осуждения виновных, поднимала женщин на борьбу за выполнение политических и хозяйственных задач, организовывала обучение их грамоте, водила лечиться к врачу и т. д.

---

[1] Ткань местного производства.

[2] За пять лет. Сборник, стр. 53—54.

Враги люто возненавидели коммунистку Аннаджамал. Вскоре после женского съезда, 6 апреля 1925 года, Аннаджамал была зверски убита группой фанатиков — ей нанесли 34 ножевых раны; была ранена малолетняя дочь, а муж — избит. Дочь получила тяжелое нервное потрясение, долго болела.

Убийц судили в Ашхабаде и расстреляли.

Известный советский писатель Николай Тихонов, посетивший Туркмению в эти годы, написал очерк «Смерть Анна Джамаль».

В очерке рассказывается о положении женщины-туркменки в первые годы Советской власти, о развертывании борьбы за их раскрепощение. Активно участвовала в этой борьбе первая заведующая женотделом Геок-Тепинского райкома партии Аннаджамал Хыдыр кызы.

Вот несколько строк из этого очерка.

« — ...Анна Джамаль была из первых. Она ездила по аулам и говорила с женщинами, только с женщинами, как друг и агитатор. Откуда она брала слова для агитации? Сами вещи агитировали за неё. Она только указывала на них. Нелепые одежды, ручные мельницы, грязные колыбели, рабские платки, тяжелые омачи — первобытные плуги — одним своим видом говорили больше слов. Аульные люди стали шипеть за спиной Джамаль. «Капыр» — называли её насмешливо и обидно. Она перед всеми изменяла вере, изменяла адату, она оскорбляла свой род, она ходила в городе в «джинотдел» (отдел дьявола), дьявол вошел в неё. Избегайте её, женщины!

Но женщины её не избегали. Они тайком приходили в юрту, где она сидела, и слушали. Джамаль говорила торопливо и сбивчиво, но все было ясно и так. Она говорила как раз те слова, каких давно ждали туркменки...

...Вернулась Джамаль в свою юрту, а в юрте ждал брат. Смотря тяжелыми глазами, он сказал:

— Уходи из джинотдела, уходи, или ты не будешь жить с нами. Вообще не будешь жить. Довольно позора!

...Боковой полог юрты был откинут...

Всадники убили Анну Джамаль кинжалами и ускакали. Дети лежали у трупа матери до утра. Утром

пришли соседи со всех сторон, и мужчины пошли искать следы...»[1].

Убийством Аннаджамал враги думали запугать женщин, заставить их отказаться от дальнейшей борьбы за свое раскрепощение. Но они просчитались! Похороны Аннаджамал вылились в открытую политическую демонстрацию женщин, потерявших своего вожака. Хоронили Аннаджамал как борца-революционера, как коммуниста. Так хоронили женщину впервые. Носилки с останками Аннаджамал покрыли красной материей, возложили два венка из живых цветов, обвитые красными лентами. Провожали её все коммунисты, комсомольцы, пионеры и дайхане Геок-Тепе. Нарушив запрет религии, пришли на кладбище четыре женщины — две делегатки, раненая дочь и с ней родственница.

Простая немногословная речь одной из делегаток звучала как клятва:

— Джамал убита, Джамал нет, но на её место вступят десять, двадцать, сто и тысячи Джамал. Мы будем также работать в женотделах, помогать Советской власти и Коммунистической партии. Нас не запугать, не остановить.

Большая толпа туркменок вышла на окраину Геок-Тепе. И когда похоронная процессия поровнялась с ними, в воздухе зареяло красное знамя. Бессмертное красное знамя, которое выпало из рук подруги, труженицы подняли и понесли дальше, вперед.

— Нет, они не сдались, они продолжали дело, начатое Аннаджамал!

Детей Аннаджамал воспитало Советское государство. Сын Дайхан Акмамедов, ныне ответственный секретарь правления Республиканского общества «Знание», вырос в детском доме, дочь Огульджамал — в интернате имени Эне Кулиевой, стала учительницей.

Партия расценивала убийство женщин-активисток как классовый террор, как контрреволюционную борьбу. Так, в связи с убийством активистки Дурсун Средазбюро ЦК ВКП(б) 9 апреля 1925 года направил Цент-

---

[1] См. Н. Тихонов. Собрание сочинений, т. 3. М., 1959, стр. 261—265.

ральному Комитету КП(б) Туркменистана телеграмму, в которой выражалось глубокое соболезнование и подчеркивалось:

«Женотдельская работа есть важнейшее революционное дело борьбы за раскрепощение всего человечества от эксплуатации, угнетения и рабства. Товарищ Дурсун погибла на славном посту. Пробудившееся революционное сознание, которое получает поддержку в нашем государственном строе, в Советской власти, не потушить никаким подлым убийцам из-за угла... Карающая рука пролетарского правосудия должна разыскать подлых убийц. Мы уверены, что на место убитой товарища Дурсун туркменская беднота, туркменская освобождающаяся женщина выдвинет сотни новых революционеров»[1].

Партийные организации Средней Азии потребовали от судебных органов усиления карательных мер по отношению к убийцам женщин-активисток, строгого соблюдения революционной законности о равноправии женщин. Партия стала требовательнее к коммунистам и комсомольцам, обязанным собственным примером показывать высокий образец сознательности в осуществлении законов о равноправии женщин, быть в первых рядах борцов за их раскрепощение.

В конце марта 1925 года в ЦК РКП(б) было проведено совещание с работниками женотделов партийных комитетов республик Средней Азии. В апреле того же года ЦК партии провел специальное совещание с работницами женотделов по вопросу о работе среди женщин на Советском Востоке. Это совещание отметило, что партия в своей работе среди женщин Советского Востока исходила из общих задач ленинской национальной политики, направленной на укрепление союза рабочего класса с многочисленным крестьянством. Подчеркивалось, что вопрос о раскрепощении трудящихся женщин является одним из основных вопросов советизации Востока. Совещание наметило пути дальнейшего улучшения и усиления работы партийных организаций по раскрепощению женщин-восточниц.

Вслед за этим, 15 июня 1925 года, Оргбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад заместителя заведующей

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 2, д. 429, л. 86.

отделом ЦК по работе среди женщин Советского Востока Каспаровой и приняло развернутое постановление «Задачи партии в области работы среди женщин Советского Востока».

Оргбюро ЦК партии отметило, что после VIII съезда КП Туркестана, состоявшегося в мае 1924 года, имеются некоторые достижения в деятельности местных парторганизаций по усилению руководства работой и расширению сферы влияния партии среди трудящихся женских масс Востока.

Для дальнейшего усиления, углубления и охвата развивающейся активности женских масс Оргбюро ЦК РКП(б) предусмотрело проведение ряда конкретных мероприятий в области партийной работы, а именно: укрепление аппарата отдела работниц и крестьянок и подготовка работников среди женщин, усиление руководства и инструктирование низовых парторганизаций в области работы среди женщин, практикуя систематическую постановку докладов о работе среди женщин на конференциях, совещаниях секретарей ячеек и комитетов, пленумах парткомов и т. д.; было предложено также обратить внимание парткомов на случаи преследования женщин-активисток, делегаток, членов Советов, членов партии и комсомола, а парткомам принять меры к изживанию этого явления.

Для развертывания и углубления работы в кишлаках и аулах ЦК партии признал необходимым с нового бюджетного года увеличить штат организаторов-крестьянок на Востоке страны на 200 человек. Кроме того, в отделах работниц и крестьянок ЦК РКП(б), а также краевых комитетов партии в Закавказье, Северном Кавказе, Киргизии, Узбекистане, Туркменистане было решено ввести должность заместителя заведующей по работе среди женщин восточных национальностей и укомплектовать эту должность работницами из числа женщин Востока. Организационно-распределительному отделу ЦК партии поручалось совместно с отделом работниц и крестьянок ЦК произвести учет наличных партийных сил и обеспечить подбор кандидатур, которые могли быть переведены на эту работу.

Оргбюро ЦК поручило агитпропу совместно с отделом работниц и крестьянок разработать ряд мероприя-

тий по усилению подготовки работников среди женщин Востока путем поддержки существующих специальных курсов женработников и организации новых, а также путем подготовки их в партшколах, комвузах, как в центре, так и в национальных республиках и областях. ЦК партии обратил внимание парткомов на необходимость выдвижения на соответствующую работу тружениц Востока, на создание им в работе атмосферы доверия и товарищеской обстановки.

Хозяйственным и финансовым органам, Всекопромсоюзу, ВСНХ и другим организациям предлагалось включить в свои производственные планы работы по укреплению, финансированию и обслуживанию существующих женских артелей производственного и сельскохозяйственного значения, в том числе и артелей при женских клубах, а также по созданию новых женских артелей, в первую очередь за счет средств, отпускаемых на развитие и расширение кустарной национальной промышленности, и за счет специальных целевых отчислений.

Отделам работниц партийных комитетов на местах было предоставлено право контроля за расходованием специальных ассигнований и фондов по работе среди женщин, отпускаемых ЦИК и исполкомами национальных республик и областей. Женотделы принимали участие в составлении бюджетов, годовых смет и т. д. Это решение было вызвано тем, что специальные ассигнования на работу среди женщин для организации отдельных учреждений по раскрепощению женщин Востока — женских клубов, яслей, юридических консультаций и т. д. местами подчас расходовались не по назначению. Поэтому женотделы должны были осуществлять контроль за правильным расходованием этих средств.

От местных партийных комитетов и хозяйственных органов ЦК потребовал принять меры к большему вовлечению женщин из коренного населения в существующие фабрично-заводские предприятия и во вновь организуемые очаги промышленности и сельского хозяйства. Предлагалось усилить прием во все школы фабзавуча и профессионально-технического образования женщин и девушек-восточниц, в первую очередь имеющих уже кустарно-производственные навыки.

Группа женработниц ЦК КП Туркестана

Аксолтан Ата кызы — одна из первых коммунисток-туркменок

Группа активисток-туркменок

Беседа с выдающимися поборницами за раскрепощение женщин Советского Востока. Справо налево: Е. А. Росс, А. И. Попова, М. Ф. Муратова, А. В. Артюхина, Н. В. Попова, С. Т. Любимова, автор

Бывшие практикантки подмосковных фабрик. Слева направо: О. Сейиткулиева, Х. Муррикова, А. Агаджанова, А. Какаджикова, Д. Сапармухаммедова, А. Мамедова, А. Курбанова

Очень важным было указание об обеспечении прав женщин-крестьянок при проведении земельной реформы в национальных республиках и областях.

На основе этого постановления отдел работниц и крестьянок ЦК РКП(б) направил соответствующие письма в ЦИК СССР, ВСНХ, ВЦСПС, Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомзем, Наркомфин, Всекопромсоюз.

В письме председателю ВСНХ Ф. Э. Дзержинскому обращалось внимание на то, что женский труд на Востоке занимает большое место в производстве. Так, например, в кустарных промыслах по обработке шерсти в основном заняты женщины. Однако отсутствие квалификации и примитивная техника производства делают женский труд менее производительным, а продукция не выдерживает конкуренции на рынке. Поэтому в восточных республиках имеется безработица, главным образом среди женщин. Отдел работниц ЦК просил ВСНХ принять срочные практические меры по выполнению постановления Оргбюро ЦК РКП(б), СНХ национальных республик и областей дать директивы о вовлечении женщин в производство и повышении квалификации их труда сообразно местным возможностям и т. д.

В письме ЦИК СССР от 14 июля 1925 года отдел работниц и крестьянок ЦК РКП(б) указывал, что, благодаря своевременно принятым Советским правительством мерам, достигнуты большие успехи в вовлечении женщин восточных республик в Советы. Но большинство членов Советов не втянуты в практическую работу советских органов, и права их подчас игнорируют. Слабо работают, да и не везде организованы секции Советов по охране материнства и младенчества, правовые и бытовые секции, необходимость которых вызвана особенностями экономических и бытовых условий на Востоке.

Отдел ЦК указал на необходимость усиления работы по вовлечению женщин местных национальностей — членов Советов в активную советскую работу как путём укрепления и оживления работы правовых, бытовых и других секций, так и большим вниманием к вопросам труда и быта труженицы Востока.

Вслед за этим было направлено письмо в ВЦСПС.

Женотдел писал: «Оргбюро ЦК РКП(б) от 15 июня 1925 года приняло ряд постановлений по работе среди женщин Советского Востока по линии отдельных наркоматов и общественных организаций, в том числе и по линии ВЦСПС о необходимости принять меры к большему вовлечению женщин коренного населения в существующие фабрично-заводские предприятия и во вновь организуемые очаги промышленности»[1].

Низкая квалификация труда женщин являлась основной причиной почти полного отсутствия работниц из коренного населения в производстве, что создавало, с одной стороны, безработицу, а с другой — препятствовало созданию организованного пролетарского ядра, а это делало работу среди женщин Востока трудной и малорезультативной. Поэтому особенно необходимо своевременное принятие мер со стороны соответствующих профессиональных органов, в первую очередь в деле поднятия квалификации труда путём еще большего вовлечения женщин Востока во все имеющиеся школы фабзавуча и профтехнического образования и по возможности организации ученических групп из женщин коренного населения. Другой мерой должно быть своевременное бронирование совместно с ВСНХ определенного процента мест за женщинами коренного населения во всех существующих и на вновь организуемых предприятиях в национальных республиках и областях.

В письме народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому отдел работниц и крестьянок ЦК РКП(б) писал о необходимости развертывания сети специальных женских культурно-просветительных учреждений на Востоке как в городе, так и в деревне и субсидировании их.

Указывалось на особо важную роль, которую играют в деле поднятия политического и культурного уровня женских масс в восточных республиках женские клубы и уголки, являясь организаторами женских масс.

Обращая внимание Наркомпроса на укрепление и расширение сети женских клубов и уголков на Вос-

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 170, д. 2, л. 75.

токе, отдел работниц просил возможно скорее изучить состояние женских клубов на местах и создать новые клубы и уголки. Особые бытовые условия вынуждали партия прибегать в работе среди женщин коренных национальностей к специальным формам и методам работы, как, например, к организации женских школ ликбеза, школ для девушек, отдельных изб-читален («сакли» горянок и красные кибитки) и другим формам политико-просветительной работы. А между тем эти очень нужные учреждения из-за отсутствия должного внимания со стороны органов просвещения на местах создавались только усилиями женотделов партийных комитетов и на их средства.

Наркомпросу предлагалось включить в бюджет просвещения уже созданные женские школы, а также другие культурно-просветительные учреждения, и создавать новые школы ликбеза, обратив при этом особое внимание на вовлечение девушек коренного населения и в профессионально-технические, в общие средние и высшие школы.

В письме народному комиссару здравоохранения Н. К. Семашко отдел работниц и крестьянок ЦК просил дать на места указание об увеличении ассигнований на организацию детских яслей, садов, передвижных медицинских пунктов для кочевниц, медицинских консультаций, акушерских пунктов, подготовки кадров медработниц из женщин местных национальностей, главным образом для обслуживания сельской местности, усиления деятельности секций по охране материнства и младенчества при женских клубах и при Советах.

Работа по вовлечению дайханок в русло общественной и производственной деятельности была важнейшим вопросом в цепи задач раскрепощения женщин Востока.

Поэтому отдел работниц и крестьянок ЦК писал Народному комиссариату земледелия СССР, что «поднятие сельского хозяйства в национальных республиках и областях, полное уравнение женщины в правах с мужчиной и намечающийся в связи с этим распад феодально-патриархальных форм хозяйства и семьи высвободят постепенно женщину из прежней крепостной зависимости, принуждая её искать самостоятель-

ный заработок, тем самым способствуя постепенному изменению её экономического положения».

Но на пути раскрепощения дайханки большим препятствием являлось отсутствие прав женщины на землю и воду. Отдел работниц обращал внимание Наркомзема на то, что следует более оперативно выполнять постановление Оргбюро ЦК о необходимости при проведении земельной реформы и при рассмотрении и разрешении земельных вопросов иметь в виду охрану интересов крестьянки. В этих целях указывалось на обязательность как в центре, так и на местах приглашения представителей отделов работниц и крестьянок партийных комитетов для участия в работе различных комиссий по земельным вопросам и привлечения женщин — членов Советов к работе земельных органов.

В письме Народному Комиссариату финансов подчеркивалось особенно важное значение институтов по раскрепощению тружениц Востока — женских клубов, артелей, медицинских и юридических консультаций, детских учреждений, через которые партия вела политико-воспитательную работу среди женщин восточных национальностей. Однако эти женские институты организовывались на средства женотделов на местах, что было совершенно недостаточно. Советские органы на местах часто не придавали должного значения организации этих учреждений. Поэтому отдел работниц и крестьянок ЦК просил Наркомат финансов дать соответствующим наркоматам указание об увеличении смет на содержание имеющихся и организацию новых учреждений, способствующих раскрепощению женщин Востока, и о вовлечении представительниц отделов работниц местных партийных комитетов в бюджетные и финансовые сметные комиссии.

В письме Всекопромсоюзу говорилось об исключительно важном значении женских производственных артелей. Но эти артели располагали примитивными средствами производства, а отсутствие квалификации у работниц делало их труд менее производительным, и продукция их не выдерживала конкуренции на рынке. «Между тем,— говорится в письме,— кустарно-промысловые артели на Востоке, объединяющие женщин, имеют большое значение для работы партии среди женщин Советского Востока, являясь школой для

прививания женщине производственных навыков, средством для её экономического освобождения и одной из наиболее удачных форм работы, представляющей возможность вести политико-просветительную работу среди наиболее отсталых масс женщин коренного населения восточных республик и областей»[1]. Отдел работниц просил принять ряд практических мер по проведению в жизнь постановления Оргбюро ЦК РКП(б).

Как видим, ЦК РКП(б) систематически осуществлял руководство борьбой за раскрепощение женщин Советского Востока. ЦК партии требовал от местных партийных организаций не ослаблять борьбу за раскрепощение женщины, искать пути и методы проведения намеченных в этой области мероприятий, предупреждая местных коммунистов о вреде увлечения администрированием и от его возможных отрицательных последствий.

О пристальном внимании ЦК ВКП(б) к вопросу раскрепощения женщин Советского Востока свидетельствует тот факт, что уже в июле 1926 года на заседании секретариата ЦК вновь было заслушано сообщение «О работе среди работниц и дайханок в парторганизациях Средней Азии».

В своем постановлении по докладу С. Т. Любимовой секретариат ЦК ВКП(б) отметил, что в работе среди работниц и дайханок взята правильная линия и достигнуты значительные успехи. Секретариат ЦК предложил в дальнейшем усилить борьбу с бытовыми пережитками среди членов партии, усилить со стороны всех партийных организаций руководство работой среди женщин. Требовалось обратить внимание на рост партии за счет женщин коренного населения и подготовку из них партийных работников; шире привлекать женщин в судебные органы, расширять сеть юридических консультаций при женских клубах и комиссиях по улучшению труда и быта при исполкомах.

ЦК партии предложил охватить партийным влиянием в первую очередь работниц, женщин-кустарей, объединенных в артели, и дайханок, получивших землю после земельно-водной реформы, уделить больше внимания расширению сети делегатских собраний по

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 170, д. 2, л. 91.

кишлакам и аулам и практической работе делегаток в Советах, судебных органах и т. д. Важной задачей была признана организация пионерских отрядов для девочек. ЦК предложил в целях правильного воспитания молодежи включить в программу и учебники школ материалы по раскрепощению женщины.

Усиливалась роль низовых партийных организаций и их ответственность за работу среди женщин. Отныне не один женорганизатор, а вся партийная организация в целом должна проводить политико-воспитательную работу среди женских масс и отвечать за неё.

Дело раскрепощения женщин Востока будет тогда иметь решающий успех, когда это станет общим делом партии — таков был главный смысл решения секретариата ЦК ВКП(б).

Все советские органы и общественные организации обязывались повседневно и настойчиво проводить мероприятия, раскрепощающие женщину, а не перекладывать всю эту работу на женотделы. Проведением в жизнь советских законов о женском равноправии ранее в основном занимались женотделы. Теперь же эта обязанность передавалась целиком судебным органам, отделам юстиции, прокуратуре, загсам, милиции — учреждениям, призванным соблюдать революционную законность, бдительно охранять права советских тружениц. Женотделы должны были обеспечивать лишь контроль за осуществлением соответствующих законов.

Внимание, проявляемое Центральным Комитетом партии к вопросам фактического раскрепощения женщины, подбодряло и вдохновляло активисток Средней Азии в их нелегкой борьбе за раскрепощение женщин. Среднеазиатское бюро на основе этого постановления обязало партийные организации среднеазиатских республик осуществить комплекс мероприятий культурно-воспитательного и хозяйственно-экономического характеров. Так, например, в народных судах и загсах были введены штатные должности для выдвижения женщин. При народных комиссариатах юстиции республик были организованы курсы для подготовки судебных работников из числа женщин коренных национальностей. Коллегии защитников выделили юридическую консультацию для женщин. Устанавливался

строгий контроль за своевременным разбором дел, касающихся прав женщин.

При ЦИК союзных и автономных республик были организованы Комиссии по улучшению быта тружениц (КУБТ). Эти Комиссии участвовали в подготовке женского законодательства, помогали в трудоустройстве, в улучшении условий труда и быта женщин, создавали фонды для организации детских учреждений, помощи женским артелям и т. д.

Руководство работой клубов, юрт, красных уголков, Домов дайханок, интернатов, школ грамоты, курсов для женщин было возложено на народные комиссариаты просвещения республик и их органы на местах. Это обеспечивало более квалифицированное руководство их деятельностью, укрепляло их материальную базу.

Расширялась сеть женских школ, классов и групп для девочек в общих школах. Театрам было предложено ввести в репертуары пьесы на бытовые темы. Стали впервые практиковаться массовые посещения женщинами театров, просмотр кинофильмов, организация экскурсий. Был создан фильм «Мусульманка», организован кинофонд.

Выполняя указания Средазбюро, исполкомы местных Советов усилили контроль за проведением в жизнь равных прав дайханок на воду и землю в тех случаях, когда женщина самостоятельно вела хозяйство. Организации союза «Кошчи» на местах расширили материальную помощь вдовам и беднячкам.

Организованней и шире стала вестись подготовка женской квалифицированной рабочей силы путем создания женских школ, ФЗУ, профтехобразования, направления женщин коренного населения для обучения на фабрики Москвы и других промышленных центров.

Развивающаяся промышленность требовала все новых кадров обученных работниц. Организовывались производственные артели для безработных женщин, новые кустарно-промысловые артели. Дополнительно открывались женские лавки, оживились женские базары, где мастерицы могли свободно сбывать продукцию своего труда. Практиковалась раздача на дом работы по пошиву, починке и т. п.

Уже в 1925 году в Туркменской ССР работало 27

ковровых артелей, объединявших 924 женщины. Сотни мастериц изъявили желание вступить в промысловую кооперацию. Настойчиво ставился вопрос об облегчении труда ковровщиц: об усовершенствовании станка, использовании механических прялок для подготовки шерстяных нитей и т. п. Все шире практиковалась так называемая «контрактация» ковровщиц — авансирование ковровщиц по договорам через кооперацию. Это обеспечивало работнице определенный заработок, облегчало снабжение сырьем.

Женотделы добивались, чтобы договоры с кооперацией заключал не муж от лица жены, как было раньше, а сама мастерица, и деньги выдавались ей лично, а не мужу, чтобы распорядителем своего заработка стала сама работница. Это создавало независимость женщины в семье, поднимало ее авторитет в решении семейных дел.

Важные политические и экономические последствия для трудящихся дайханок имела земельно-водная реформа, осуществленная в республиках Средней Азии в 1925—1927 годах.

Земельно-водная реформа явилась большим политическим событием в жизни народов Средней Азии и имела огромное значение для всех трудящихся дайхан.

Как известно, в Средней Азии национализация земли в ходе социалистической революции не сопровождалась немедленным переделом земли. Здесь сохранялись старые патриархально-феодальные формы землеводопользования; значительная часть земли находилась в руках феодально-байской верхушки. К началу земельно-водной реформы бедняцкие хозяйства имели меньше земли, чем байские, составлявшие всего 8,5 процента хозяйств.

Закон о земельно-водной реформе уничтожал старые порядки в землеводопользовании; безземельные и малоземельные дайхане наделялись землей за счет ликвидации нетрудового и ограничения байского землевладения. Предусматривалось, что каждое трудовое хозяйство получит по 3—4 гектара земли.

Распределение воды также переходило в руки государства.

Теперь у баев отбиралось это важное средство экс-

плуатации и угнетения бедноты. Брачное право на воду — «ника-су» уничтожалось, тем самым ликвидировалась экономическая основа, стимулирующая ранние браки, многоженство, калым у мусульман. Это был новый удар по феодально-байским элементам в кишлаках и аулах.

Таким образом, земельно-водная реформа уничтожала экономические корни неравенства и угнетения женщины-дайханки. Она полностью уравняла права женщин на воду и землю. До реформы во многих областях вдовы после смерти мужа лишались его надела земли. По новому декрету хозяйства, возглавляемые женщинами, имели такие же права на землю, как и другие хозяйства. Уравнение женщины в правах на землю и воду произвело переворот в психологии трудового дайханства, которое не на словах, а на деле увидело равенство женщины с мужчиной.

Местные парторганизации и органы Советской власти провели большую подготовительную работу к реформе как идеологическую, так и организационно-хозяйственную. Самое горячее участие в подготовке и проведении земельно-водной реформы принимали женотделы партийных комитетов, заботясь об интересах дайханок. Представители женотделов входили в состав центральной и местных комиссий по проведению реформы. Женорганизаторы и делегатки работали в земельных комиссиях, распределявших землю.

Вопрос о земельно-водной реформе обсуждался на съездах, конференциях, делегатских собраниях женщин, в женских клубах и красных уголках и т. д. Тысячи женщин участвовали в общих собраниях и конференциях дайхан, обсуждавших вопросы земельно-водной реформы. На собрания, обсуждавшие порядок наделения землей женщин, малоземельные дайхане и батраки приходили всей семьей — с женой и детьми.

Известно немало случаев, когда женщины сообщали районным комиссиям об утаенных баями землях и скрытом скоте. Тем самым они оказывали местным властям, земельным комиссиям помощь в правильном проведении земельно-водной реформы, в точном соблюдении решений партии и правительства.

Выпускались специальные плакаты, лозунги, призывавшие женщин участвовать в земельно-водной ре-

форме. Все работники женотделов, все грамотные коммунистки были мобилизованы на проведение земельно-водной реформы.

Женщины — члены ЦИК республики, члены областных, районных исполкомов и сельских Советов — постоянно находились в гуще народа, рассказывали своим избирателям о новом законе, помогали женщинам осуществлять свое право на получение земли.

В результате земельно-водной реформы в Туркменистане получили надел земли и воды 3009 хозяйств туркменок. При этом 731 женское хозяйство, как малоимущее, получило кредит из фонда помощи бедноте[1]. Женщина, наделенная землей, становилась фактически и юридически главой семьи, получала право голоса в сельском обществе при решении всех вопросов, связанных с поливом, использованием отгонных пастбищ, выгонов и т. п.

Вокруг земельно-водной реформы завязалась острая классовая борьба. Баи и духовенство шли на любую подлость и хитрость, использовали всяческие средства — клевету, подстрекательство, запугивание бедноты,— чтобы помешать проведению земельно-водной реформы. Они скрывали действительные размеры принадлежащей им земли, фиктивно раздавали ее ближайшим родственникам или зависящим от них должникам.

Были допущены отдельные ошибки и искривления при наделении женщин землей. Некоторые земельные комиссии, пользуясь неграмотностью и забитостью женщин, скрывали от них их право на землю. Кое-где по старой традиции земельный надел записывался на малолетнего сына вдовы. В других случаях женщин отговаривали брать землю:

— Вам, мол ее не обработать, пахать вы не можете, вола у вас нет...

Но на выручку бедняцким женским хозяйствам приходили батрацкие артели, а позднее на среднеазиатской земле появились и женщины-трактористки.

В ряде мест на первых порах были организова-

---

[1] Т. П. Перимова, Я. Белова. 10 лет на фронте борьбы за раскрепощение женщин. Ашхабад, Туркменгосиздат, 1929, стр. 13.

ны артели по совместной обработке земли, объединявшие женские хозяйства. Женским артелям ряд работ на основе взаимопомощи выполняли бедняцкие артели, а потом, естественно, произошло объединение этих артелей.

Женотделы вели неустанную борьбу за наделение женщин землей и водой, еще и еще раз разъясняли закон о реформе, добивались отмены неправильных решений земельных комиссий. Наконец, сами женщины, хорошо поняв дух и смысл закона, активно взялись за это дело. С красным знаменем в руках активистки ходили из одного аула и кишлака в другой и поднимали самих женщин на защиту своих прав.

Советская власть оказывала большую поддержку женским хозяйствам кредитами, семенами, инвентарем. Советское законодательство взяло их под свою защиту. Так, статья 16 земельно-водного кодекса Туркменской ССР указывала: «Уменьшение доли земли и воды для женщин по сравнению с мужчинами запрещается».

Земельно-водная реформа имела не только огромный экономический, но и политический смысл. Она укрепила в женщине веру в силу и справедливость Советской власти и Коммунистической партии, стоявших на страже интересов трудящихся, неизмеримо поднялась их активность. Об этом свидетельствует их активное участие в выборах в Советы в 1927 году и массовое снятие паранджи.

Земельно-водная реформа создала условия для успешного проведения коллективизации сельского хозяйства.

Таковы были мероприятия, проведенные для перехода в «худжум» — в активное наступление по раскрепощению женщин.

С 1927 года Коммунистическая партия перешла в решительное наступление против феодально-байских и патриархально-родовых пережитков, тормозивших дальнейшее развитие социалистического строительства, развертывание борьбы за раскрепощение женщины. Нельзя было создавать социалистическую промышленность и интенсивное сельское хозяйство, двигаться вперед по социалистическому пути, если миллионы женских рук были связаны оковами затворничества, старым бытом. Нельзя было добиться развития куль-

туры, социалистической по содержанию и национальной по форме, если подавляющее большинство женщин находилось во власти вредных пережитков и диких суеверий. Нельзя было воспитать нового человека—строителя социалистического общества, не освободив его сознание от предрассудков прошлого. Отсталый быт, сохранивший в полной мере полурабское существование женщины с изоляцией ее от общества, вступил в прямое противоречие с социалистической экономикой и культурой, стал препятствием на пути политической активности и экономической самостоятельности женщин.

Старый закостенелый быт с продажей женщин в замужество, с многоженством, губительной системой малолетних браков стал препятствием на пути к физическому возрождению народов, мешал расцвету социалистических наций. Культурная отсталость, фанатичность, инертность женщин тормозили делу коммунистического воспитания молодого поколения. Дальнейшее попустительство сохранению в быту старых феодально-байских отношений, засилию шариата и адата становились преступлением против народа.

Вся предыдущая деятельность партии обеспечивала успех «худжума»— наступления. За десятилетие Советской власти в Средней Азии произошли огромные социально-экономические сдвиги. В основном было ликвидировано басмачество, выросли и закалились партийные организации, укрепились Советы, возмужал комсомол, появился рабочий класс из коренного населения, создалась мощная опора в деревне в лице союза «Кошчи», объединявшего трудовое дайханство, в первую очередь бедноту. Наступление было подготовлено также огромной работой партии по организации женских масс, их просвещения, правовой защите, вовлечению их в производство, приобщению к общественной деятельности.

Лозунг «Худжум!» — «В наступление!» был дан сентябрьским совещанием работников среди женщин партийных комитетов Средней Азии 1926 года. Вслед за этим Средазбюро ЦК ВКП(б) направило в центральные, областные, районные партийные комитеты республик Средней Азии письмо о проведении лозунга «В наступление». В письме были определены очередные

задачи партии, которые заключались в разработке, популяризации и проведении в жизнь законов Советской власти о раскрепощении женщин.

По темпам проведения мероприятий по раскрепощению женщин местных национальностей территория Средней Азии была разбита на четыре района:

1) кочевые районы Туркмении и Киргизии;

2) районы бывшей Бухарской и Хорезмской республик;

3) наиболее подготовленные к развертыванию работы по раскрепощению женщин области и округа — Мервский и Полторацкий — в Туркменской ССР, Каракольский и Пишпекский — в Киргизской АССР, Ташкентская, Ферганская и Самаркандская — в Узбекской ССР;

4) старые города — Ташкент, Бухара и др.

Общим принципом в определении форм и методов работы среди женщин местных национальностей был принцип оказания практической помощи местным организациям.

Женотдел Средазбюро ЦК ВКП(б) провел ряд мероприятий в поисках лучших форм и методов перехода к активной борьбе за раскрепощение женщин Средней Азии. Созывались различного рода совещания, организовывались дискуссии и т. д. Характерен следующий документ: «Извещение: 5 декабря 1926 г., в 8 часов вечера, в здании Средазбюро (зал заседаний, комн. № 19) отдел работниц и дехканок Средазбюро ЦК ВКП(б) организует обмен мнениями между работниками Средазбюро по вопросу «О переходе к наступлению в работе по раскрепощению женщины Востока». Выдвинуто 17 вопросов о том, как осуществить «наступление» (Шимко)»[1].

28 января 1927 года Средазбюро обсудило вопрос о ходе проведения кампании по осуществлению лозунга «В наступление» и поручило группе ответственных работников в составе И. А. Зеленского, А. Икрамова, Шимко, Х. Сахатмурадова составить обращение ко всем партийным организациям края по вопросу об осуществлении этого лозунга.

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 62, оп. 1, д. 353, лл. 190—191.

30 января 1927 года Средазбюро ЦК приняло постановление о созыве краевого совещания заведующих центральными отделами работниц и дайханок по вопросу о подготовке кампании по раскрепощению и разработке ближайших директив. Это совещание носило узкий характер. В нём участвовали заведующие женотделами ЦК КП(б) Узбекистана — З. А. Прищепчик, Туркменистана — Е. А. Росс, Киргизского обкома партии — Выболдина.

На этом заседании была создана также комиссия по вопросам раскрепощения женщин в составе: Шимко — заведующая женотделом Средазбюро (председатель), Нодель, Манжара, Знаменский, Тер, Нудьга — секретари и заведующие отделами Средазбюро ЦК, Турсунходжаев, Таш-Мухамедов, Алимов, Алимбеков, Диванов, Атабаев, Хансуваров — руководители партии и правительства республик, Дьяков — редактор газеты «Правда Востока» и активистка Насырова.

В 1927 году Международный женский день 8-ое марта был проведен под лозунгом «В наступление!». Была создана комиссия по празднованию Дня 8-ое марта под руководством заведующей отделом работниц и дайханок Средазбюро Шимко. Для издания плакатов ко Дню 8 марта было отпущено 1620 рублей.

Постановлением Средазбюро ЦК 10 февраля 1927 года для проведения празднования Дня 8-ое марта и в этой связи для объезда республик Средней Азии были приглашены в гости замечательная деятельница международного коммунистического движения Клара Цеткин, выдающиеся поборницы за раскрепощение женщин — А. В. Артюхина, С. Т. Любимова, которая с 1923 по 1926 год была заведующей женотделом Средазбюро ЦК ВКП(б).

17 февраля 1927 года на заседании Средазбюро ЦК был заслушан доклад заведующей женотделом Средазбюро Шимко о работе по раскрепощению женщин в Туркменской ССР по результатам поездки в ТССР. На этом же заседании было решено подготовить директиву Киргизскому обкому партии по вопросу проведения кампании «наступления». Было утверждено также инструктивное письмо партийным комитетам об итогах краевого совещания по вопросам осуществления лозунга «В наступление!».

Первые зримые признаки наступления проявились в дни Международного праздника 8-ое марта 1927 года.

Алексей Максимович Горький писал Ромену Роллану:

«Человечество утомилось и потеряло свою власть над жизнью, им же самим созданной... И невольно вспоминаешь об активной роли, которую теперь играет женщина у восточных народов. Это особенно резко бросается в глаза у нас, в России, среди женщин мусульманок Поволжья, Кавказа, Малой Азии. Дело тут не только в том, что они сбросили паранджу, что они ведут упорную борьбу против многоженства, гаремов, а в их стремлении расширить свои знания, учиться, завоевать духовную независимость от ислама, шариата»[1].

Письмо великого русского писателя к своему другу — выдающемуся писателю Франции, гуманисту, помеченное: Сорento, 28 марта 1927 года, Алексей Максимович писал под свежим впечатлением от тех знаменательных событий, которые происходили в это время в Средней Азии, в связи с худжумом. За много тысяч километров, через два континента, долетели до Максима Горького необычайные вести о женщинах Советского Востока, и он отозвался на них всем сердцем.

В День 8 марта 1927 года на площади городов Средней Азии вышли тысячи женщин. В этот день они жгли на кострах паранджи и чачваны, пуренджеки и борики — символы вековой покорности женщин своей рабской судьбе; они освобождались от духовного гнета ислама и шариата, рвали ржавые цепи старого быта. Свидетелями этих событий являются ныне персональные пенсионерки Аксолтан Ата кызы, Фатьма Овезова-Шукурова, Евсталия Александровна Росс, Серафима Тимофеевна Любимова, Антонина Ивановна Нухрат, Джамине Полтаева и другие активные поборницы за раскрепощение женщин, организаторы худжума.

Напрасно ишаны и муллы грозили женщинам карой всевышнего, проклинали их мужей и обещали обрушить минареты мечетей и стены медресе на головы вероотступниц. Стояли, как и прежде, минареты и медресе, воздвигнутые много веков назад хромым Тимуром и великим ученым Улугбеком... А вековые устои

---

[1] М. Горький. Собрание сочинений, том 30, стр. 16.

старых, отживших законов шариата и адата рушились, трещала стена предрассудков, рассыпались в прах крепости затворничества.

Многогранной были формы и методы деятельности партии в осуществлении лозунга «В наступление!» Для практической работы по проведению в жизнь этого лозунга привлекались представители трудовой интеллигенции. В частности, практиковались совещания интеллигенции, создавались пропагандистские группы.

В целях создания новых и расширения имеющихся экономических предпосылок в развертывании работы по практическому раскрепощению женщин, 27 апреля 1927 года Средазбюро приняло исключительной важности постановление «О сохранении специальных фондов работы среди женщин на 1927—1928 годы» при отделах работниц и дайханок партийных комитетов.

С 12 по 15 мая 1927 года на расширенном заседании коллегии агитпропотдела Средазбюро ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос «О ходе работ по раскрепощению женщин». С докладом по этому вопросу выступила завотделом работниц и дайханок Средазбюро Шимко. Расширенная коллегия агитпропа отметила, что наряду с успехами в деле ликвидации затворничества и бесправия женщин имеются и серьезные недостатки. В частности, в ряде районов допускалось извращение партийных директив по раскрепощению. Недостаточно настойчиво проводилась работа в организованных слоях населения, то есть профсоюзах, союзе «Кошчи» и других массовых организациях. Одним из серьезных недостатков являлось то, что вся работа по раскрепощению велась отделами работниц и дайханок, что же касается других отделов, то они пассивно участвовали в этой работе, вернее, как отметила коллегия, не принимали участия в проведении лозунга «В наступление!»

В результате широкого обсуждения была принята развернутая резолюция, в которой с тревогой отмечалось, что выявившиеся недостатки в осуществлении лозунга могут привести к опасным последствиям, что духовенство, байство и другие враждебные элементы в последний период усилили работу по сохранению своего влияния на массы трудящихся, провоцируя отдельные группы населения на выступления против ди-

ректив партии и законов Советской власти, способствующих скорейшему раскрепощению женщин и борьбе за новый быт. В резолюции определялись основные задачи по усилению разъяснительной работы по раскрепощению трудящихся женщин.

И вот начался знаменитый «худжум» — наступление на старый, феодально-байский быт, непримиримая и последовательная борьба против затворничества, против паранджи и других пережитков прошлого, мешающих фактическому раскрепощению женщин. Худжум — это борьба за новую женщину, свободную, независимую, за активного строителя социализма. Наступление — это борьба за новую семью, с новым, равноправным отношением к женщине. Это борьба за формирование нового человека социалистического общества, свободного от вредных пережитков крепостничества, религиозного фанатизма, суеверий.

Это наступление в самых широких масштабах начали коммунистические партии республик Средней Азии. Широко развернувшись к женскому празднику 8-ое марта, борьба с затворничеством приобрела массовый характер в 1927—1928 годах и продолжалась вплоть до полной победы социализма в нашей стране.

В наступление были введены огромные силы — коммунисты и комсомольцы, рабочие и передовая интеллигенция, актив союза «Кошчи», а главное — сами женщины.

Был тщательно разработан план наступления, организован «оперативный штаб» для руководства, определены районы действия и «коммуникации», стратегия и тактика.

Наступлением руководили специальные партийно-правительственные комиссии при Средазбюро ЦК ВКП(б) и Центральных Комитетах компартий республик Средней Азии. Комиссии были созданы и при областных, окружных и районных партийных комитетах. В комиссии послали своих лучших представителей комсомол, профсоюзы, союз «Кошчи», наркоматы Просвещения, Юстиции, Труда и другие органы. Для оперативной работы был выделен президиум комиссии в ответственном составе — оперативный штаб наступления.

Все планы, мероприятия, разработанные комиссией,

подвергались серьезному обсуждению в Средазбюро ЦК, в Центральных Комитетах компартий республик, выносились на рассмотрение широкого партийного актива.

Вопросы, связанные с худжумом, не сходили с повестки дня как Средазбюро ЦК, так и бюро ЦК КП(б) Туркменистана и других нацкомпартий Средней Азии, бдительно следивших за ходом наступления, требовавших сводок, информаций, шаг за шагом проверявших деятельность комиссий, постоянно бывших в курсе всех событий.

Наступление первоначально началось в наиболее подготовленных областях и районах, а затем развернулось повсеместно на всей территории Средней Азии.

Партия повела непримиримую борьбу с пережитками старого быта среди коммунистов. Средазбюро ЦК, Центральные Комитеты компартий республик Средней Азии выступили с обращением ко всем коммунистам и комсомольцам начать решительную борьбу с затворничеством женщин и прочими пережитками феодально-патриархального быта в своей среде, в своих семьях, в первую очередь — снять паранджу со своих жен, сестер, дочерей, послать их учиться, приобщить к общественной жизни. Коммунистам рекомендовалось приводить своих жен на открытые партийные собрания. Партия имела в виду, что пример коммунистов, передовых и авторитетных людей вызовет поддержку в рядах молодежи, беспартийных рабочих и дайхан.

К этому времени в партийных организациях Средней Азии насчитывалось 40 тысяч членов и кандидатов партии, из них свыше 25 тысяч из коренного населения.

Подавляющее большинство коммунистов с готовностью восприняло призыв партии. Коммунисты приводили своих жен и сестер на собрания и на глазах сотен зрителей открывали их лица, отбрасывали прочь паранджу. Но некоторая часть членов партии заняла выжидательную позицию, спасовала перед отсталыми настроениями окружающих.

Некоторые из них заявляли:

— Не хотят, мол, наши жены снимать паранджу,

а насильно нельзя заставить, уйдет жена, детей бросит...

Другие — в силу собственной отсталости, политической незрелости не поняли поставленной партией задачи, не знали, как подойти к ее выполнению. Были в партии и выходцы из враждебных классов, обманным путем пробравшиеся в партийные ряды; они скрыто саботировали призыв к наступлению. Это чаще всего были члены националистических организаций — борьбу против старого быта они расценивали как «крушение национальных основ», поход против «национальной самобытности» народов и т. д.

В ряде низовых парторганизаций слабо проводилась необходимая разъяснительная работа.

Средазбюро ЦК ВКП(б) организовало систематическую проверку выполнения своих директив по наступлению. В феврале 1928 года оно приняло развернутое постановление: «О проверке выполнения директив по раскрепощению женщин партактивом основных национальностей». Были четко перечислены категории партийных работников, которые подлежали проверке, начиная с секретарей сельских ячеек партии, комсомола и кончая членами ЦК, ЦИК, народными комиссарами республик. Проверка началась с вышестоящих должностных лиц, с работников центрального аппарата.

В решении подчеркивалось: «Проверка должна рассматриваться как звено в постоянной работе партийных органов и органов КК (контрольных комиссий — Б. П.) по оздоровлению личного состава партии»[1].

Проверка осуществлялась комиссиями, избранными общими собраниями членов партийных ячеек. При этом комиссии проверяли работу не своей ячейки, а другой партийной организации, что гарантировало объективность взаимопроверки. По решению Средазбюро ЦК проверку по Туркменистану возглавлял Брискин, старый коммунист, подпольщик, член исполнительного бюро Средазбюро ЦК ВКП(б).

Средазбюро предупредило, чтобы при проверке строго соблюдался принцип индивидуального, чуткого подхода к судьбе каждого коммуниста. Следовало учиты-

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 16, д. 6, лл. 103—104.

вать культурный уровень и занимаемую должность коммуниста: чем выше политическая подготовка и пост проверяемого работника, тем взыскательнее следует к нему относиться. К злостным нарушителям законов о раскрепощении женщины необходимо отнестись со всей строгостью и суровостью, вплоть до исключения из партии; не допускать, чтобы противники раскрепощения сваливали вину на женщин и уходили от личной ответственности.

Партия выдвинула как непреложную истину принцип о том, что факты затворничества в семье коммуниста, принуждение к браку малолетних, калыму, к обычаю кайтарма и прочим несовместимы с принадлежностью к партии. Было рекомендовано на очередных выборах в состав руководящих партийных комитетов не избирать коммунистов, нарушающих законы о женском равноправии.

Первые итоги партийной проверки показали, что и среди коммунистов, особенно в аульно-кишлачных ячейках, немало таких, которые болезненно воспринимают социалистические изменения в быту; было выявлено немало случаев нарушения директив партии. В ряде мест проверка прошла келейно, не имела общественного характера. Слабо привлекались к проверке женщины-коммунистки коренного населения.

Проверка коснулась и актива комсомольских организаций.

Комсомол принимал горячее участие в кампании «худжум». К этому времени в составе комсомольских организаций Средней Азии числилось 70667 членов, из них 54115 человек (59 процентов) проживало в кишлаках и аулах. Представители комсомольских организаций включались в состав комиссий по наступлению, членов проверочных комиссий и т. д. В связи с кампанией наступления партия установила, что комсомол еще слабо борется за вовлечение девушек в ряды ВЛКСМ. Так, например, в октябре 1926 года во всем Туркменистане было 16 комсомольских ячеек для девушек, из них 12 — в аулах. На 1 января 1927 года в Туркменистане насчитывалось: в городах — 827 комсомолок, или 15,5 процента к общему числу комсомольцев, в аулах 213 девушек, или 2,8 процента всех комсомольцев.

В ячейки для девушек входила, главным образом, учащаяся молодежь, преимущественно татарки или русские; процент туркменок был совершенно недостаточен. А между тем эти ячейки создавались для вовлечения девушек восточных национальностей как средство борьбы с затворничеством, поскольку родители не разрешали дочерям учиться совместно с мальчиками. Иначе это могло бы привести к обособлению женской молодежи, к отрыву от общего коммунистического юношеского движения, что было бы совершенно недопустимым. Поэтому комсомол решительно пресек имевшиеся факты обособления женской молодежи и направил по правильному руслу работу ячеек для девушек.

Недостаточным было и руководство работой пионерских отрядов для девочек, имевших исключительно важное значение для коммунистического воспитания и формирования молодого женского поколения на Советском Востоке.

Мало девушек выдвигалось на руководящую работу в комсомоле. В ряде низовых организаций проявлялась робость в борьбе с вредными пережитками прошлого, имело место недопонимание важности вовлечения девушек в комсомол. Руководящие комсомольские работники были молоды, но еще моложе был их опыт общественной работы.

Но все же комсомол проделал большую работу по наступлению на старый феодально-байский быт. И в решении этой исключительно ответственной задачи, как всегда, комсомол выступил активным, боевым и верным помощником Коммунистической партии.

Комсомол явился инициатором замечательного начинания. По его почину образовались «семейные кружки». Группа комсомольцев с «открывшимися» женами собирались семейно в клубе или по домам и за чаем или пловом вели общую товарищескую беседу о новой семье, о дружбе и любви в семье, об уважении и бережном отношении к жене. Так исподволь молодежь приучала своих жен к обществу, стремилась расширить их кругозор.

Но в проведении наступления, как и во всяком большом деле, были и свои серьезные недочеты. Главным из них было то, что часто женщина, снявши-

шая паранджу, оставалась в стороне от общественной жизни.

...Было радостно женщине на митинге, когда, передаваемые сотнями нетерпеливых рук, черными воронами летели паранджи и борики над толпой и падали в костер, чтобы сгореть. Но, уходя с митинга и простясь с группой своих подруг, женщина оставалась одна на улице.

Враждебны были темные, узкие переулки, жутко было обойти угол и уж совсем страшно с открытым лицом пройти мимо толпы мужчин, стоящих на пути. Когда, благополучно миновав переулки, злые насмешки и наглые взгляды чужих, женщина приходила домой, ее большей частью встречали также враждебно. На женской половине поднимался страшный переполох. Если даже муж был на стороне жены, сбросившей ярмо, то это не всегда избавляло женщину от враждебного отношения семьи. Она не могла никуда скрыться от злословия свекрови, матери, жены брата. Открывшиеся женщины подвергались нападкам соседок, близких и дальних родственников, всех посторонних на улице. Открывшаяся женщина в глазах восточного фанатика — «джеляб» — испорченная, погибшая женщина, предавшая веру своих отцов. Поэтому многие из женщин, сбросив перед лицом общественности свое покрывало, не смели свободно появляться на улице. Снятие покрывала обрекло многих из них на безвыходное сидение дома, и в конце концов отказ от внешних форм затворничества не всегда приводил к фактическому освобождению женщины-затворницы.

Предоставленная сама себе, окруженная враждебной стихией, не в силах противостоять ей в одиночку, женщина снова надевала на себя ярмо затворничества...

Партия поспешила исправить создавшееся положение. Решением Средазбюро ЦК ВКП(б) по первым итогам наступления указывалось, что задачи наступления не ограничиваются только снятием затворнической одежды, являющейся лишь первым шагом на пути фактического раскрепощения женщин.

Партия потребовала от руководящих работников, коммунистов и комсомольцев, активистов — членов Советов и союза «Кошчи», интеллигенции неуклонного осуществления советских законов о женском равно-

правии. Надо было окружить атмосферой сочувствия и внимания каждую женщину, снявшую паранджу, и помочь ей твердо встать на ноги. Поэтому в старых городах, по кварталам (махаллам), были созданы комиссии содействия раскрепощению женщин во главе с женскими организаторами. В их состав были введены активные делегатки, члены Советов, учительницы, члены клубов, комсомолки.

Махаллинские комиссии брали на учет каждую женщину, порвавшую с затворничеством. К группе открывшихся женщин прикреплялась коммунистка, комсомолка, активистка — делегатка или член Совета.

Нуждающимся в заработке помогали найти работу в производственной артели, на фабрике. В женском клубе устраивались специальные вечера, беседы женщин; женщины вовлекались в общие делегатские собрания, в школу грамоты, в кружки рукоделия. Для них устраивались спектакли, концерты, демонстрировались кинофильмы. Их втягивали в общественную работу, вводя в актив местного Совета, в лавочную комиссию потребкооперации. Грамотных направляли на курсы.

В кишлаках и аулах усиливалось внимание и помощь женским самостоятельным хозяйствам, организовывались первичные формы кооперирования по обработке молочных продуктов, по шелководству, ковроткачеству, добивались массового выхода женщин на хлопковые поля.

В связи с кампанией наступления усилилось выдвижение наиболее активных женщин на руководящую советскую, хозяйственную и профсоюзную работу, вовлечение их в партию.

На идеологическом фронте усиливалась борьба, направленная на разоблачение козней байства и духовенства, стремившихся сохранить свое прежнее влияние на женские массы.

В своем ожесточенном сопротивлении мероприятиям партии и Советской власти по раскрепощению женщин враги искусно использовали наши промахи и ошибки. А ошибок было немало. Вместо терпеливой, планомерной работы в массах путем убеждения и широкого разъяснения кое-где допускались методы администрирования, принуждения, наскоков.

Например, одна из партийных ячеек совместно с сельским Советом вынесла решение: «Снять паранджу по приказу Советской власти. Если кто не снимет, послать милиционера и отобрать паранджу». Вот и все! В другом случае запретили девушкам в парандже посещать школу, женский клуб.

Некоторые ячейки ограничились тем, что приняли торжественное обещание, но ничего не делали для практического осуществления директив партии о раскрепощении женщин. Ведь задача наступления не ограничивалась только снятием паранджи.

А классовый враг не дремал. Каждый промах партийной организации или местных властей лил воду на его мельницу. Враг старался опорочить новые законы, а заодно и Советскую власть.

Духовенство чувствовало, что оно начинает терять свое влияние в массах; были упразднены судейские функции духовенства по вопросам гражданского состояния, по имущественным отношениям и т. п. Поэтому оно пыталось всюду срывать мероприятия по «худжуму». Оно ухитрялось настраивать женщин даже против яслей, детских садов, школ, женских клубов и артелей, то есть против их собственных интересов. Оно использовало даже такое стихийное бедствие, как землетрясение, чтобы агитировать против снятия паранджи. Например, когда в 1929 году в Ашхабаде и прикопетдагских районах произошло землетрясение, духовенство заявило, что это, мол, наказание за отступничество женщин от законов предков.

Мусульманское духовенство яростно боролось против раскрепощения женщин. Новый социалистический уклад хозяйственных отношений, рост культуры населения, внедрение советского законодательства о женщине, разрушали старый быт. В новом советском обществе духовенство все больше лишалось роли регулятора бытовых общественных и имущественных отношений.

Некоторая часть духовенства попыталась приспособиться к изменившейся обстановке. Духовное управление мусульман в Уфе создало свой «женотдел» для поддержания веры в ислам, падение которой оно отмечало в своих воззваниях. Женщина-казий, возглавлявшая «женотдел», обратилась с призывом к ишанам,

казиям и муллам уделять больше внимания религиозному воспитанию женщин в целях укрепления устоев семьи и воспитания детей. Рекомендовалось учить их чтению религиозных книг, беседовать с ними о том, как сохранить в лоне религии детей и т. д.

Темные силы пользовались попустительством отдельных представителей местной власти и судебных органов, выходцев из враждебных классов, которые не принимали решительных мер к пресечению массового террора, направленного против женщин-общественниц. При судебном разбирательстве убийства активисток квалифицировались как бытовые — «по семейным обстоятельствам», «из ревности», словом, старались найти всяческие смягчающие обстоятельства для виновного.

16 апреля 1927 года была создана Среднеазиатская пропагандистская группа для проведения агитационно-пропагандистской работы по раскрепощению женщин в кишлаках и старых городах, был утвержден также примерный план работы аульно-кишлачных ячеек по закреплению результатов работы по раскрепощению женщин. Средазбюро направило местным комитетам партии письмо о состоянии и задачах развертывания клубной работы.

На заседаниях Средазбюро ЦК рассматривались важнейшие вопросы, связанные с «наступлением». Только в апреле 1927 года на заседаниях Средазбюро были рассмотрены следующие вопросы: о ходе работы по раскрепощению женщин в Узбекистане, об эксцессах, имевших место в Андижанском округе, о фактах выступления членов комячеек в мечетях и других ошибках, о необходимости укрепления женотделов (из 100 мобилизованных кадровых работников для укрепления партийных комитетов 10 человек направлять для работы в женотделах), о необходимости сохранения спецфондов для работы среди женщин и т. д.

Анализ мероприятий, проведенных Коммунистической партией по раскрепощению женщин Востока, показывает, что всей многогранной деятельностью партийных организаций и органов Советской власти на этом ответственнейшем участке руководили Центральный Комитет ВКП(б) и Советское правительство, придававшие особо важное политическое значение про-

буждению трудящихся женщин Средней Азии, высвобождению их из-под влияния еще не ликвидированных эксплуататорских классов и мусульманского духовенства, раскрепощению их от вековых устоев рабства.

Президиум ЦИК Союза ССР и Верховный суд СССР вынесли специальное правительственное решение о необходимости сохранения революционной бдительности по ограждению женщин от реакционных сил. Предлагалось рассматривать в срочном порядке и по всей строгости закона судебные дела, связанные с преступлениями против женщин-активисток, в необходимых случаях над виновниками устраивать показательные процессы с участием населения.

Центральный Комитет ВКП(б) с большим вниманием следил за ходом работы среди женщин в Средней Азии и оказывал постоянную помощь. 5 июля 1927 года Оргбюро ЦК партии заслушало доклады секретаря ЦК КП(б) Узбекистана В. И. Иванова и заведующей женотделом Средазбюро Шимко «О работе по раскрепощению женщин Средней Азии». Центральный Комитет партии одобрил начатую Среднеазиатским бюро ЦК решительную борьбу против старых бытовых пережитков, закрепощающих женщину. С большим удовлетворением было отмечено, что, несмотря на объективные трудности, эта работа проводилась при активном участии партийных организаций Средней Азии и встретила поддержку в среде широких рабоче-крестьянских масс населения, особенно женских трудящихся масс[1].

Одновременно Оргбюро ЦК указало на серьезные недостатки; главный из них — кампанейский характер наступления, недостаточность политических, экономических, правовых и культурных мероприятий по закреплению достигнутых успехов.

ЦК предложил усилить разъяснительную работу как в партийных, так и в широких беспартийных массах, теснее сплотить тружениц Востока вокруг партии, вырвать их из-под влияния враждебной идеологии. Была подчеркнута особая роль Советов в развертывании активности женщин путем вовлечения их в работу

[1] См.: Справочник партийного работника. Выпуск VI, часть II. М., Госиздат, 1928, стр. 39.

секций Советов и, в частности, бытовых секций, призванных в первую очередь заниматься вопросами раскрепощения женщин.

Средазбюро ЦК было предложено серьезно изучить процессы, связанные с распадом старых семейных форм среди коренного населения — разводы, раздел имущества, женскую безработицу, а также ускорить разработку вопроса о наказуемости за бытовые преступления, строго сообразуясь с местными условиями.

ЦК ВКП(б) потребовал выполнить директиву секретариата ЦК от 18 июня 1926 года о включении вопросов, связанных с раскрепощением женщин, в программы школ народного образования и всей системы партийного просвещения[1].

Для укрепления работы женотделов в парторганизациях Средней Азии Оргбюро ЦК партии командировало дополнительно опытных партийных работников, в том числе М. Ф. Муратову, для руководства женотделом Средазбюро. М. Ф. Муратова, член партии с 1918 года, до назначения в Среднюю Азию пять лет руководила работой среди женщин в Белоруссии, отличалась большой энергией, организаторскими способностями, была талантливым агитатором. С большим жаром и чувством огромной ответственности взялась она за новое трудное дело, порученное партией.

Принимая практические меры по укреплению женотделов, Средазбюро ЦК 29 октября 1927 года пересмотрело состав коллегии отдела работниц и дайханок. После отъезда в конце 1926 года из Средней Азии С. Т. Любимовой женотделом Средазбюро заведовала Шимко. Но ввиду незнания местных языков ей было нелегко возглавлять этот сложный участок партийной работы. Поэтому, выполняя постановление Оргбюро ЦК, в состав коллегии женотдела Средазбюро были введены активные поборницы за раскрепощение женщин Востока, владевшие основными национальными языками Средней Азии. В то время было мало для такого масштаба работниц из местных национальностей. Коллегия была утверждена из 16 человек. В состав ее вошли М. Ф. Муратова (зав. женотделом),

---

[1] См.: Справочник партийного работника. Выпуск VI, часть II, М., стр. 39—40.

Е. А. Росс, А. Аксентович, А. Глаголева, представители профсоюзных, комсомольских, хозяйственных организаций Средней Азии и местных комитетов партии.

Коммунистическая партия уделяла много внимания дальнейшему усилению деятельности женотделов. 16 июля 1927 года Средазбюро приняло решение о необходимости заслушать доклад заведующей отделом работниц и дайханок по вопросу о состоянии работы по раскрепощению женщин.

Спустя три дня после этого, то есть 19 июля 1927 года, была создана комиссия в составе заведующих отделами Среднеазиатского бюро (Киркиж, Шимко, Ипо) для подготовки предложений по проведению в жизнь исторического постановления Оргбюро ЦК. В тот же день комиссия представила проект предложений, которые были приняты на том же, состоявшемся 19 июля 1927 года, заседании Средазбюро ЦК партии.

Согласно утвержденным предложениям было признано необходимым и правильным усиление внимания партии к вопросу вовлечения женщин в кооперацию, улучшения качества подготовки кадров, закрепления результатов уже проделанной работы по раскрепощению женщин; категорически запрещалось администрирование в области работы среди женщин. Средазбюро признало главным методом борьбы за раскрепощение женщины — метод разъяснения и убеждения.

Вместе с тем было признано необходимым усилить борьбу за преодоление затворничества, калыма, выдачи замуж малолетних. Среднеазиатское бюро отметило слабую работу партийных организаций Туркменистана по раскрепощению женщин, указало, что КУБТ исполкомов до сих пор не заняли должного места в работе среди женщин, партийное руководство работой семейных кружков все еще является недостаточным и неудовлетворительным и т.д.

Как известно, организация семейных кружков занимала важное место в борьбе за раскрепощение. Поэтому Среднеазиатское бюро указало, что развитие этих кружков должно происходить только под руководством партийных организаций. Был признан необходимым созыв Среднеазиатского совещания советских, хозяйственных и кооперативных работников для разработки новых мер по борьбе за раскрепощение женщин

местных национальностей Средней Азии. Средазбюро признало также необходимым внимательное изучение изменений, происходящих в быту и семье с осуществлением женского равноправия.

Средазбюро предложило местным комитетам партии обеспечить выполнение постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1927 года.

Для оказания практической помощи и проверки выполнения постановления Оргбюро ЦК от 5 июля 1927 года о ходе раскрепощения женщин в Средней Азии на места командировывались работницы женотдела Средазбюро, а также ответственные работники ЦК КП республик Средней Азии. Так, заведующая женотделом Средазбюро М. Ф. Муратова была командирована в Узбекскую и Туркменскую республики для участия в работе республиканских съездов женщин — членов Советов и республиканских совещаний работников отделов партийных комитетов по работе среди женщин.

Организовывалась проверка осуществления лозунга «В наступление!» в отдельных аулах и кишлаках, куда выезжали ответственные работницы женотделов Средазбюро и ЦК КП республик. Так, А. Аксентович и Оликова совместно с представителями ЦК КП Узбекистана и Туркменистана были командированы для оказания помощи аульно-кишлачным ячейкам и проверки состояния раскрепощения дайханок.

В этот период большое внимание уделялось работе комиссии исполкомов по улучшению быта тружениц и делегатских собраний. Это и понятно. Велика была их роль в осуществлении «худжума». Были командированы ответственные работники женотделов Средазбюро и ЦК компартий республик, а также активистки для проверки работы КУБТ Ташкентского, Самаркандского и Андижанского окружных исполкомов Узбекской ССР, Ашхабадского и Мервского окружных исполнительных комитетов Туркменской ССР и Джалалабадского окружного исполнительного комитета Киргизской АССР.

Работницы женотдела Средазбюро ЦК ВКП(б) выезжали на места для оказания помощи в работе делегатских собраний. Например, для проверки и изучения хода перевыборов делегатских собраний были командированы А. Аксентович — в Андреевский район,

А. Глаголева — в Средне-Чирчикский район Узбекской ССР, Чернышева — в Марыйский район Туркменской ССР.

Задачам, формам и методам работы партийных организаций по осуществлению постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 5 июля 1927 года и важнейших решений Средазбюро ЦК было посвящено 5-ое Среднеазиатское совещание работников среди женщин, которое состоялось в конце 1927 года; на совещании присутствовало 75 работников женотделов партийных комитетов и женорганизаторов, представители профсоюзных и хозяйственных органов и др. На совещании были обсуждены важнейшие вопросы худжума.

В работе совещания приняла участие заведующая отделом работниц и крестьянок ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б) А. В. Артюхина. Она выступила с докладом «Об итогах Всесоюзного съезда работниц и крестьянок — членов Советов». На совещании с политическим докладом выступил секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б) И. А. Зеленский. Заведующая женотделом Средазбюро ЦК М. Ф. Муратова сделала доклад на тему «О состоянии работы и задачах партии в работе среди женщин Средней Азии». Были обсуждены также доклады «О работе среди женщин в кишлаке и в ауле» и «О работе КУБТ».

По всем вопросам, обсуждаемым на совещании, были приняты соответствующие решения с указанием конкретных задач в борьбе за раскрепощение женщин основных коренных национальностей Средней Азии.

Так наступление продолжалось с новыми силами и более широким фронтом.

Худжум был объявлен по всем республикам Средней Азии, но в каждой республике наступление проходило своеобразно, соответственно обстановке и национальным особенностям. В Туркменистане, например, партия повела борьбу за снятие яшмака, борика и пуренджека; большое внимание было обращено на вопросы дальнейшего развития и уточнения законов, раскрепощающих женщину, в частности в области семейных отношений. А в Узбекистане борьба партии за фактическое раскрепощение была направлена своим острием против затворничества, за снятие паранджи.

В решении ЦК ВКП(б) от 5 июля 1927 года с неко-

торой тревогой говорилось о необходимости изучения явлений распада старых семейных отношений — развода, раздела имущества и т. д.

Действительно, одно время в годы «худжума» участились разводы среди коренного населения. Массовые заявления со стороны женщин о разводе с первого взгляда казались естественным явлением. Распадалась старая феодальная и буржуазная семья, которая зиждилась на купле и продаже женщин, на насилии по отношению к ней, исключающем всякую любовь и уважение супругов. Женщина решила воспользоваться данными ей впервые в истории правами на развод и стремилась порвать с принудительным замужеством. Но вскоре обнаружилось, что и здесь не все обстоит благополучно.

Поэтому еще третья сессия ЦИК Туркменской ССР в октябре 1926 года обсудила и приняла законы о ликвидации калыма и многоженства, о повышении брачного возраста, вынесла специальное постановление по вопросу о разводах. Участники сессии заявляли, что байские элементы и муллы, злоупотребляя существующим законом, подстрекают беднячек к разводу, после чего родственники перепродают их за богатый калым. Естественно, это вызывает недовольство самих женщин и бедноты. Население настойчиво требует урегулирования этого вопроса.

Учитывая всю важность укрепления здоровой советской семьи и быта, сессия ЦИК ТССР ввела в Кодекс законов об актах гражданского состояния примечание к статье 91 в следующей редакции: «Дела о разводе среди местного населения рассматриваются исключительно в судебном порядке». А раньше они рассматривались по заявлению одной из сторон в загсе. В Уголовном Кодексе была введена следующая статья: «Понуждение к разводу замужней женщины коренного населения из личных видов со стороны ее родителей, родственников или посторонних лиц влечет за собой лишение свободы до 3-х лет»[1].

В Кодексе законов об актах гражданского состояния было внесено примечание к статье 87 о том, что «при установлении судом наличности побуждения к разводу женщины коренного населения из каких-либо

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 145, л. 100 (стр. 18—19).

личных видов со стороны родителей, родственников или даже посторонних лиц развод не допускается». Сессия поручила Народному комиссариату юстиции разработать и издать инструкции на основе данного постановления.

В целях защиты и ограждения прав женщины сессия запретила многоженство и ввела в Уголовный кодекс статью о том, что «вступление в новый брак при наличии брака, заключенного и в установленном порядке не расторгнутого, влечет лишение свободы до пяти лет».

Подтвердив прежний закон о повышении брачного возраста, сессия предоставила право девушке и юноше по достижении совершеннолетия решить вопрос о замужестве или женитьбе самостоятельно, независимо от обручения их родными.

Запрещалось принуждение несовершеннолетних к браку. Так, в решении сессии сказано:

«Заключение соглашений между родителями, родственниками или опекунами малолетних о вступлении в будущем этих малолетних в брак («кудалык»)— влечет лишение свободы до одного года. Та же мера социальной защиты применяется к лицам, достигшим брачного возраста, заключающим соглашение с родителями, родственниками или опекунами малолетних о вступлении с последними в брак по достижении ими брачного возраста»[1].

Вслед за этим, в ноябре 1927 года, Вторая сессия ЦИК ТССР второго созыва подтвердила постановление Третьей сессии ЦИК первого созыва «О калыме» и внесла уточнения, направленные на усиление борьбы против калыма.

Вторая сессия ЦИК Туркменской ССР приняла постановление о запрещении обычая «кайтарма», умыкания женщин и кровной мести. Виновные в применении обычая «кайтарма» — задержание замужней женщины в родительском доме в целях вымогательства дополнительного калыма — лишались свободы сроком до двух лет.

В постановлении «Об умыкании» говорилось, что похищение женщины против её воли является одним

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 145, л. 95.

из пережитков родового быта, что оно сплошь и рядом связано с насилием не только над самой женщиной, но и с открытым нападением на родителей и родственников, сопротивляющихся уводу женщин. Это становится причиной бесконечных тяжб и вражды между отдельными семьями и родами. Ввиду этого, будучи объектом притязаний сторон, похищенная женщина подвергается тяжелым моральным и физическим испытаниям и находится под угрозой непосредственной расправы и т. д. Лица, виновные в похищении девушки или женщины, подвергаются судебной ответственности вплоть до лишения свободы сроком от трех до десяти лет.

1 августа 1928 года ЦИК и СНК ТССР приняли постановление «О воспрещении «даклма», обычая передачи овдовевшей женщины в замужество родственникам умершего мужа». Отметив, что обычай «даклма» служит средством понуждения женщины к брачному сожительству вопреки её воле, что противоречит основным принципам советского законодательства в области раскрепощения женщины, ЦИК и СНК ТССР постановили ввести в Уголовный Кодекс ТССР специальную статью: «Понуждение на основании местного обычая овдовевшей женщины к выходу замуж за родственников умершего мужа, а равно вступление по этому обычаю совершеннолетних родственников умершего мужа в брак с овдовевшей женой последнего вопреки её воле, влечет за собой лишение свободы без строгой изоляции на срок до трех лет»[1].

На основе законов, изданных за годы Советской власти в союзных и автономных национальных республиках, используя их большой опыт, а также после обсуждения этих законов среди широких слоев населения сессия ВЦИК РСФСР XI созыва в 1928 году приняла закон, который вошел в X главу Уголовного кодекса Российской Федерации, как особое добавление под названием «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта».

Сессия не ограничилась только принятием закона о наказуемости бытовых преступлений, а нашла необходимым усилить культурно-массовую работу в

[1] ЦГА ТССР, ф. 262, оп. 1, д. 33, л. 59.

отсталых восточных районах, увеличить ассигнования на строительство культурно-бытовых учреждений, раскрепощавших тружениц Востока. Сессия особо указала на то, чтобы карательным мерам предшествовала самая широкая разъяснительная работа в массах на родном языке: законы должны проводиться в жизнь при прямой поддержке самих трудящихся.

Все это имело большое значение для дела дальнейшего раскрепощения женщин в республиках Советского Востока.

«Худжум» создал перелом в борьбе за раскрепощение женщин. Он подготовил условия для массового вовлечения женщин коренных национальностей Средней Азии в промышленное и сельскохозяйственное производство, приобщения их к социалистической культуре, что обеспечило их фактическое равноправие в обществе и в семье.

На подмосковных фабриках

Вовлекая в социалистическое производство женщин коренных национальностей Средней Азии, Коммунистическая партия применяла различные формы и методы работы с учетом специфики быта населения.

В те годы туркменки не решались хотя бы на время оторваться от семьи для того, чтобы учиться и получать производственную квалификацию. Да и мужья или отцы их не отпускали. Нелегко было также расстаться с привычной аульной жизнью, родственной средой. А между тем женщин-восточниц надо было обучать производственной квалификации. Это приобретало первостепенное значение, ибо неквалифицированный труд низко оплачивался, да он был и тяжел для женщин.

Те отрасли промышленности, где можно было применять женский труд — текстильная, легкая, пищевая — в Туркмении только что начинали создаваться и развиваться. Не было еще таких крупных промышленных предприятий, как текстильная и шелкомотальная фабрики; строительство их было запланировано

в годы первой пятилетки. Их создание требовало всесторонней подготовки: строительства производственных и жилых корпусов и, главным образом, подготовки квалифицированных специалистов, рабочих и работниц из числа туркмен и туркменок. Это необходимо было осуществить и для организованного набора рабочей силы из числа дайхан и дайханок, которые обычно не знали русского языка.

В связи с этим встала большая и сложная задача — подготовить квалифицированные кадры работниц из числа туркменок. Но как вырвать их из насиженных мест, как начать их обучать грамоте, не говоря уже о необходимости обучения их русскому языку. А знание русского языка в те годы было крайне необходимо, так как не было еще и специалистов из числа туркмен.

Таковы были те, далеко не легкие задачи, от решения которых зависело и массовое вовлечение туркменок в промышленное производство, и судьба начинающейся текстильной, да и всей легкой промышленности молодой Туркменской республики.

Базой для подготовки кадров рабочих-туркмен и туркменок для зарождавшейся текстильной промышленности республики явилась Реутовская бумаго-прядильная фабрика (под Москвой), переданная постановлением СТО от 7 января 1925 года Туркменской ССР[1]. Рабочие и работницы Реутовской прядильной и Егорьевской ткацкой фабрик патриотически вызвались принять у себя туркменок и обучать их производственным квалификациям. Московские коммунисты прислали многочисленные плакаты, красочно рассказывающие о Москве, о Реутовской и Егорьевской фабриках.

Женотделы понесли эти плакаты в аулы Туркменистана и разъясняли туркменкам значение их поездки на фабрики, подчеркивая, что это явится решающим шагом в их судьбе. Члены партийных ячеек, председатели аульных Советов пошли в кибитки бедняков и батраков и на доступном для них языке, не спеша, за пиалой зеленого чая повели беседу. Говорили о том, что Туркменистану нужны местные кадры для

---

[1] См.: Очерки истории КП Туркменистана. Изд. 2-ое, дополненное. Ашхабад, «Туркменистан», 1965, стр. 306.

промышленности, что без помощи бедняков и батраков невозможно создать текстильные и шелкомотальные фабрики, что это является важным государственным делом. Но вот только в Туркменистане негде учиться текстильным специальностям. Ведь баи и ханы не позаботились о том, чтобы туркмены имели свою промышленность. Теперь советское государство безвозмездно строит для туркмен текстильные и шелкомотальные фабрики. Русские рабочие и работницы добровольно изъявили желание помочь туркменам и туркменкам получить специальность, стать нужными людьми для своей республики. Но для этого надо поехать к ним в Москву и учиться у них.

Большая разъяснительная работа партийных и советских организаций местного актива дала свои плоды. В семьях бедняков и батраков заговорили об этом. Но вот как же быть, ведь нельзя же отпускать жену одну в такую даль. Ведь Москва далека от туркменских аулов. Что скажут соседи, да и перед аллахом грешно. А государству надо помочь. И республике тоже. Думы дайханские были нелегки.

Учитывая это обстоятельство, Коммунистическая партия Туркменистана подсказала мудрую форму решения этой важной задачи: поехать на подмосковные фабрики дайханам вместе со своими семьями.

Подмосковные текстильщики — рабочие и работницы Реутовской и Егорьевской фабрик с большим радушием откликнулись на это. Они выделили специальные жилые корпуса под общежитие для семейных и одиночек.

Первыми вызвались ехать марыйские бедняки, ныне пенсионеры, супруги Ата и Гулджамал Аннаджановы, Акмурад и Солтанджамал Джепбаровы, кизыларватские бедняки Клыч и Айна Курбановы, одиночки Аннабиби Аблэсенова, Хесел Непесова и другие.

Первая группа туркмен и туркменок в составе 48 семей выехала в Москву в январе 1926 года. С ними выехали также туркменки-одиночки. Это — Махриджамал (старшая), Огулгерек (младшая)—третья и четвертая жены бая Гелды Семизлер из аула Ашхабад и другие. Им удалось сбежать от мужа-деспота и многоженца и с помощью женотдела выехать в Москву.

Все они работали на Реутовской фабрике до ав-

густа 1929 года и получили там производственные квалификации. После возвращения в Ашхабад эти первые ласточки из числа квалифицированных рабочих проработали на Ашхабадской текстильной фабрике вплоть до ухода на пенсию. Сейчас супруги Акмурад и Солтанджамал Джепбаровы, а также Хесел Непесова — пенсионеры, живут в Мары, а Ата и Гулджамал Аннаджановы на участке Янбаш аула Багир Ашхабадского района. Махриджамал и Огулгерек, обучавшиеся на Реутовской фабрике, вышли замуж по любви и стали счастливыми. Огулгерек Гелдыева ныне живет на Кировском участке Тедженского района. Покойная Аннабиби Аблэсенова долгие годы работала в аппарате ЦК КП(б) Туркменистана.

Вот что рассказывает о себе персональная пенсионерка Айна Курбанова:

Я обучалась в составе первой группы туркменок в январе 1926 года на Реутовской фабрике в числе 48 семей. Я начала работать там 20 января 1926 года в прядильном цехе, ровничницей. В Москву вместе со мной поехал мой муж, коммунист Клыч Курбанов. Родилась в ауле Ходжа-Кала Кизыл-Арватского района в 1904 году. Отец умер, когда мне было 12 лет, мать вышла вторично замуж за коммуниста Ашира Кулиева. Он был передовой человек, научил меня грамоте и отпустил учиться в Москву.

В декабре 1925 года в Центральном доме дайханок собралось 20 туркменок. Здесь мы пробыли три дня. Нам показали место, где предполагалось построить текстильную фабрику,— большой пустырь, заросший колючками.

Сейчас просто смешно вспоминать, как мы тогда вели себя в Доме дайханок. Все величественно молчали. С утра собрались в комнате, сели на ковер друг против друга и исподтишка поглядываем. Были в борике и яшмаке. Со стороны могло показаться, что мы важничаем. А на самом деле просто молчали. Как же говорить, когда не были даже знакомы друг с другом. Помню, первой нарушила молчание Солтанджамал. Она сказала:

— Меня и Гулджамал наши хозяева привезли сюда из Мары. А вы откуда будете?

Мы, женщины, сразу поняли, что они приехали с

мужьями. Только женщине нельзя было по традиции произносить слово «муж». Он ведь был ее хозяином.

— Меня тоже привез хозяин из Кизыл-Арвата,— ответила я.

— И куда это мы едем? Говорят, там всегда снег. И кибиток, говорят, нет. А как же и где огонь разведем? Откуда саксаул возьмем?— сказала Хесел Непесова.

И мы все загалдели. Заговорили. Кто о чем. Говорили, что нам туда саксаул привезут, что там все будет бесплатно. И дрова тоже. Гадали, что там сами печки поставим и лепешки будем печь. Мы глубоко задумались еще и над такой проблемой: если нет кибитки, как же огонь развести. Говорят, мы будем жить, в домах, с закрытыми крышами. Тогда как же уйдет дым? Как видите, думы наши были нелегкие.

На Реутовской фабрике мы пробыли с 20 января 1926 года до августа 1929 года. Здесь в 1927 году я вступила в кандидаты, а в 1928 году — в члены Коммунистической партии.

На разряд мастера я сдала экзамен на Иваново-Вознесенском текстильном комбинате «Красная талка», пройдя двухмесячные курсы Центрального института труда в городе Иванове.

Домой, в Ашхабад, мы вернулись в августе 1929 года, а 7 ноября торжественно открылась текстильная фабрика, где я начала работать сначала мастером, а потом инструктором прядильного цеха.

Через два года меня направили учиться в Коммунистический университет, а оттуда в ноябре 1933 года по партийной мобилизации послали в политотдел Дейнауского района. Там я работала заместителем начальника политотдела по работе среди женщин. После ликвидации политотделов была председателем Каахкинского, а потом Геок-Тепинского райисполкомов. В 1935 году я была избрана членом ЦИК Туркменской ССР, а с 1938 года вплоть до 1955 года избиралась депутатом Верховного Совета Туркменской ССР.

Почти десять лет я работала Министром социального обеспечения Туркменской ССР. Затем училась в республиканской партийной школе. По окончании ее долгие годы работала председателем правления «Туркменковерсоюз».

От темной и забитой дайханки до члена правительства республики — таков путь, который прошла простая советская женщина-туркменка Айна Курбанова.

Вторая группа туркмен и туркменок выехала в Москву в сентябре 1927 года. В их составе были супруги Джумамурад и Дурдынияз Сапармухаммедовы, Аман и Хайри Мурриковы, Гелды и Огулбэбек Гелдыевы, Акмамед и Аннаджамал Какаджыковы, Омар и Огулнязик Омаровы и туркменки-одиночки Айнабат Агаджанова, дочь супругов Аннаджановых, выехавших в Москву в 1926 году, Шукур Хангельдыева, Амангуль Мамедова, Зулейха Шахниязова, Огулмурат Сейткулиева и другие.

В настоящее время большинство из них пенсионерки. Работают Дурдынияз Сапармухаммедова и Айнабат Агаджанова. Интересен рассказ Дурдынияз Сапармухаммедовой, ныне заведующей Ашхабадским городским отделом социального обеспечения. Ее супруг Джумамурад был батраком Топпы-бая в ауле Геокча Иолотанского района. Однажды пришла к ним в кибитку заведующая женотделом райкома партии покойная Лидия Ивановна Капустьянская и принесла с собой большие плакаты Москвы, Реутовской фабрики. После долгой беседы Дурдынияз сказала:

— Поговорите с хозяином, если он согласится, то можно было бы поехать вместе.

С батраком вели долгую беседу Л. И. Капустьянская и председатель аулсовета. Супруги согласились. Вскоре из Ашхабада пришло письмо, в котором сообщалось о том, чтобы к 20 сентября 1927 года прибыли в Ашхабад.

Вот что рассказала автору об этом периоде своей жизни Дурдынияз Сапармухаммедова:

— Из Иолотани с нами выехали моя мама и Л. И. Капустьянская, которые были направлены в Ашхабад на II съезд женщин Туркменистана. Я хорошо помню, не то 25, не то 26 октября 1927 года, был митинг делегаток съезда, посвященный открытию памятника В. И. Ленину в сквере около Совнаркома ТССР, который тогда только что был закончен. На этом митинге хором выкрикивали лозунг «Долой яшмак!» Все женщины, участвовавшие в митинге, охранялись милицией, дабы кто не убил их. Тогда около памят-

ника не было деревьев, только что производили их посадку.

Нас, выезжающих туркменок, все время охраняла милиция по городу, на улице, в Доме дайханок, на вокзале, в вагоне до Ташкента.

В Ашхабаде нас, выезжающих в Реутово, приняли председатель ЦИК ТССР Недирбай Айтаков, председатель СНК ТССР Кайгысыз Атабаев. Как сейчас помню, они нам говорили, что надо свято ценить помощь русского народа, быть дисциплинированными, работать и учиться. Они нас предупреждали, что будет трудно изучать русский язык, но обязательно надо изучить. Ведь никто из нас не знал даже туркменского алфавита, цифр на часах. Они рассказали о перспективах развития промышленности.

На вокзале нас провожали торжественно. Пришли нас провожать женщины, делегаты женского съезда, моя мама и Л. И. Капустьянская. На вокзале был духовой оркестр. Вокзал был разукрашен флагами, знаменами. Наш вагон был украшен лозунгами. Пришли нас проводить и руководители партийной организации и правительства республики.

В пути, на территории Туркменистана, на станциях нас встречали и провожали. Помню, одиночки и разведенные туркменки скрывались в вагоне, боялись, как бы за ними не пришли и не убили их.

Встреча в Москве. Трудно выразить словами — оркестр, знамена, лозунги, митинг на вокзале, приветствия, объятия русских сестер. Мы по-русски не понимали ни слова. Мы понимали только Кульбешерова — секретаря Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР и постпреда ТССР, а также сопровождавшего нас Х. Каджарова, ныне пенсионера, которые переводили нам.

В Москве был снег. Мы приехали в ситцевых туркменских платьях, галошах, платках; не было даже халатов. Ведь тогда не было ни плюша, ни бархата, они были для нас недоступны. Русские женщины нас сразу на автобусах повезли в магазин Мосторга и одели нас с ног до головы. Купили нам и белье женское. Нас одели в темно-синие шерстяные платья, пальто, шерстяные платки. Нас расчесали, сделали прическу. Обули в ботинки, носки.

И мы из Мосторга вышли в русских костюмах.

С Курского вокзала мы поехали на электричке на станцию Реутово, где нас также торжественно встречали. Рядом со станцией, в 20—30 метрах, находилось двухэтажное общежитие, которое было названо именем Кайгысыза Атабаева. Оно и ныне существует:

На станции Реутово нам сказали:

— Наша семья прибавилась.

Семейным выделяли комнаты, а одиночки устроились по 2—3 человека.

Нашим мастером в прядильном цехе была тетя Поля (Ладильщикова). Она умерла в 1950 году. Она же и встречала нас. В 1929 году она с мужем приехала в Ашхабад, и со дня организации текстильной фабрики супруги стали с нами работать.

И здесь они монтировали фабрику и нас учили.

Помню, в Реутово к нам прикрепили молодую женщину — Наташу Виноградову, которая учила нас, как убирать комнату, койку, одеваться, гладить, стирать, мыть пол. Она в течение двух месяцев ходила с нами, туркменками, в баню и учила, как мыться, приучала к санитарной гигиене.

Одновременно мы выучивали русские слова.

Каждый мастер торжественно брал на собрании обязательство выучить «своих» туркменок в течение трех месяцев русским словам, употребляемым в домашнем обиходе. И, когда мы выучили их, мастера нас целовали и говорили: «Молодцы, не заставили нас краснеть перед коллективом, выучили слова».

Помню, до начала смены инструктор приходил к нам, проверял, правильно ли мы одели рабочую одежду, фартук, как надели платок, и лишь потом пускали в цех. Это делали для того, чтобы не было аварии, увечья во время работы.

Нас водили в кино, на ярмарку, просили нас самих делать покупки, чтобы выучить русские слова...

В первый же день нас повезли в Мавзолей В. И. Ленина. Нам говорили, что ведут к тому большому человеку, который дал нам это счастье. В Мавзолее мы все заплакали.

Затем мы часто посещали Мавзолей. Для нас Мавзолей В. И. Ленина казался святым, всемогущим.

На Реутовской фабрике Дурдынияз Сапармухаммедова получила производственную квалификацию ватерщицы-станочницы. Это давало ей право работать и мастером, и инструктором смены и цеха. И муж ее Джумамурад также получил производственную квалификацию.

Бывшие батраки, ставшие в Реутове передовыми рабочими, Дурдынияз и Джумамурад Сапармухаммедовы явились одними из первых основателей Ашхабадской текстильной фабрики. Они вместе со своими товарищами из Реутовской фабрики монтировали станки и машины и подготовили текстильную фабрику к пуску в эксплуатацию 10 ноября 1929 года.

Дурдынияз с 27 сентября 1929 года по март 1939 года работала на ватерном станке — сновальной машине № 1 в прядильном цехе, производила нитку-основу № 40. Причем, за тем самым станком, который сама же с помощью мастера Реутовского прядильного цеха Полины Ладильщиковой смонтировала.

В 1935 году по примеру Ивановской текстильщицы Марии Виноградовой Дурдынияз Сапармухаммедова включилась в стахановское движение многостаночниц и работала на 10 ватерных станках. В декабре 1935 года Дурдынияз в составе туркменской делегации участвовала в приеме у руководителей Партии и Правительства. Она была награждена орденом «Знак почета».

12 декабря 1937 года стахановка Дурдынияз Сапармухаммедова избирается депутатом Верховного Совета СССР в Совет Национальностей первого созыва. В марте 1939 года она выдвигается заместителем директора, а затем, спустя год,— директором Ашхабадской текстильной фабрики им. Ф. Э. Дзержинского. В январе 1944 года Д. Сапармухаммедова избирается заместителем председателя Ашхабадского горисполкома по обслуживанию семей военнослужащих. После реорганизации этого участка работы с сентября 1946 года по настоящее время она добросовестно выполняет трудную обязанность заведующей Ашхабадским городским отделом социального обеспечения.

Передовая работница Дурдынияз в 1931 году вступает в ряды ВКП(б). Плечом к плечу с ней на Ашхабадской текстильной фабрике до 1942 года, то есть до ухода на пенсию, рабочим проработал её покойный муж

Джумамурад, который с ней вместе монтировал фабрику.

Свои государственные обязанности Дурдынияз Сапармухаммедова, как и все советские женщины, сочетает с материнством. У нее две дочери, три сына, которые обзавелись семьями. Разросшаяся семья стала интернациональной. Две ее невестки — русские. Ныне у Дурдынияз 10 внуков и внучек.

Такова богатая и счастливая жизнь славной дочери туркменского народа Дурдынияз Сапармухаммедовой.

Примечательны судьбы и других туркменок, проработавших на Реутовской и Егорьевской фабриках.

В возрасте двух лет осиротела Огулмурат Сейткулиева. Она не помнит ни отца, ни матери. До 12 лет она батрачила. У нее не было детства. Советская власть приютила сиротку. В 1923 году женотдел устроил ее в Керкинский детский дом им. Ф. Дзержинского. Здесь ее одели, обули и учили. Она помнит свою первую учительницу Марьям Азизовну Кербабаеву, обучавшую ее грамоте.

В сентябре 1927 года Огулмурат Сейткулиева из детдома уезжает в составе второй туркменской группы на Реутовскую текстильную фабрику, где она работала ватерщицей в прядильном цехе. Здесь она вступает в члены профсоюза. В Реутове Огулмурат находит свое счастье. Здесь она вышла замуж за студента рабфака Мурада Курбанова. В марте 1929 года у нее родился сын Мурад, ныне заслуженный тренер Туркменской ССР.

После возвращения в Ашхабад, с сентября 1929 года, она работает ватерщицей прядильного цеха текстильной фабрики. Лучшую работницу Огулмурат Сейткулиеву народ избирает в 1935 году членом ЦИК Туркменской ССР, а в 1936 году — делегатом на VIII Всесоюзный чрезвычайный съезд Советов. В 1936 году рабочие и работницы текстильной фабрики избирают О. Сейткулиеву заместителем, а затем и председателем фабкома. Она является депутатом Верховного Совета Туркменской ССР первого созыва и избиралась заместителем председателя Президиума Верховного Совета Туркменской ССР. На этом посту Огулмурат проработала вплоть до 1947 года. А с 1947 года по 1964 год, то есть вплоть до ухода на пенсию, Огулмурат ра-

ботала директором Ашхабадского молочно-холодильного комбината.

У персональной пенсионерки Огулмурат Сейткулиевой пятеро сыновей. Семья ее интернациональна. Ее невестки — представительницы различных национальностей — русская, армянка, азербайджанка и татарка. Сейчас жизнь ее наполнена заботой о воспитании достойного поколения — ведь у нее шестеро внуков и внучек.

В Ашхабаде, в переулке им. Осипенко, проживает персональная пенсионерка Аннаджамал Какаджикова. Двенадцати лет ее, сироту, выдали замуж за бедняка Акмамеда Какаджикова из аула Эррик-Кала. В 1927 году председатель аулсовета посоветовал беднякам — супругам Какаджиковым поехать на Реутовскую фабрику, рассказал им о перспективах развития текстильной промышленности в республике. Они согласились поехать и стали счастливы. На Реутовской фабрике стали передовиками производства.

Реутовские коммунисты принимают Аннаджамал Какаджикову в ряды ВКП(б). Она высоко оценила это доверие. После возвращения в Ашхабад Аннаджамал Какаджикова стала одной из основательниц текстильной фабрики. Ее, как лучшую работницу, вскоре выдвинули на руководящую работу. С 1931 по 1937 годы она избирается членом ЦК КП(б) Туркменистана и в эти же годы находится на ответственной работе в аппарате ЦИК Туркменской ССР. На протяжении 27 лет, то есть с 1931 по 1958 год, вплоть до ухода на пенсию, Аннаджемал избирается депутатом Ашхабадского городского Совета депутатов трудящихся. Более 20 лет она являлась секретарем первичных партийных организаций в тех учреждениях, где она работала.

Однажды, в 1931 году, председатель Президиума ЦИК ТССР Недирбай Айтаков пригласил Какаджикову к себе и сказал:

— Аннаджамал, большой грозой для республики стало басмачество. Сейчас все коммунисты и коммунистки мобилизованы на борьбу с басмачеством. Тебе необходимо выехать в Геок-Тепинский район в составе бригады под командованием московского командира Радина.

И он представил А. Какаджиковой находившегося

у него в кабинете русского командира. Аннаджамал Какаджикова отважно боролась с басмачеством в Бокурдаке, Ербенте, на серном заводе в Дарвазе. Затем ее, как опытного бойца, ЦК КП(б)Т командировал в Кизыл-Аякский район также для борьбы с басмачеством. Отважная дочь туркменского народа достойно выполнила задание.

Такова героическая жизнь Реутовской воспитанницы, ныне персональной пенсионерки Аннаджамал Какаджиковой.

А вот судьба Зулейхи Шахниязовой. В 1914 году, в возрасте 12 лет, она была продана в замужество. Казалось, безрадостной до конца будет ее жизнь. Но пришел Октябрь, Советская власть. Жизнь стала меняться. С помощью женотдела Марыйского уездкома партии в 1924 году она поступает на работу в ковровую артель. Здесь она расстается с бориком, яшмаком, пуренджеком.

А в 1927 году, когда заведующая женотделом Марыйского райкома партии Амандурсун Чиль кызы обратилась к работницам артели с призывом поехать на подмосковные текстильные фабрики, первой на этот призыв откликнулись Зулейха Шахниязова. С 1927 по 1929 год Зулейха работает на Реутовской фабрике и приобретает производственную квалификацию. На Ашхабадской текстильной фабрике им. Ф. Дзержинского Зулейха работает инструктором ткацкого цеха и обучает 20 туркменок ткацкому мастерству. В последующем, как лучшая прядильщица, Зулейха Шахниязова была выдвинута на ответственную работу в Центральный Совет профсоюза текстильщиков.

А вот еще одна туркменка — Хайри Муррикова, которая прошла славную революционную школу на Егорьевской ткацкой фабрике «Щит». Как и другие ее землячки, Хайри много трудилась, чтобы приобрести производственную квалификацию ткачихи, чтобы достойно оправдать и помощь русских сестер, и заботу Коммунистической партии и Правительства о простом народе, о женщине. Методы и приемы работы, навыки ткацкого производства, полученные ею на Егорьевской фабрике, она передает работницам Ашхабадской текстильной фабрики. В 1935 году Хайри Муррикова избирается делегатом V съезда Советов Туркменистана

и членом ЦИК республики. Она, как лучшая работница, была избрана делегатом VII Всесоюзного съезда Советов в том же, 1935 году.

Ее муж Аман Мурриков на Егорьевской фабрике «Щит» получил производственную квалификацию мастера. С 1929 года вплоть до ухода на пенсию он проработал вместе с женой на Ашхабадской текстильной фабрике.

Дети Хайри Мурриковой последовали ее примеру. Ее дочь Боссан Беркелиева с шестнадцати лет, с 1949 по 1964 год, тоже работала на фабрике. Она была ударницей — обслуживала 24 ткацких станка вместо шестнадцати по норме и выполняла ежедневное задание на 130—140 процентов[1].

Тяжелой была судьба и Огульбэбек Гельдыевой. Отца она не помнит. Он умер, когда ей был один год, а с 8 лет она осталась и без матери. Старшую ее сестру дядя продал баю. В 1923 году в возрасте 10 лет Огульбэбек услышала, как дядя ее жалуется на Советскую власть за то, что принят закон, запрещающий продажу девочек. Тогда девочка отважилась посоветоваться с соседкой, доброй женщиной, которая и организовала ее побег в город, чтобы избежать участи сестры. Помог Оульбэбек добраться до города аульный милиционер Гельдыев.

В Ашхабаде Огульбэбек приютили в Доме дайханок. А в 1927 году она поехала вместе с другими туркменками на Егорьевскую фабрику. После возвращения в Ашхабад она стала инструктором ткацкого цеха Ашхабадской текстильной фабрики, командиром 25 ткацких станков[2]. Она проработала на фабрике вплоть до ухода на пенсию.

Воспитанниц Реутовской текстильной и Егорьевской ткацкой фабрик можно встретить в любом уголке республики. Айнабат Агаджанова работает инструктором Ашхабадского РК КПТ. Амангуль Мамедова — ныне пенсионерка, живет в Ашхабаде. Шукур Хангельдыева работает директором Ташаузской кондитерской фабрики. Зулейха Шахниязова, Огульнязик Омарова проживают в городе Мары, а Огульбэбек Гель-

---

[1] См.: «Блокнот агитатора», 1957, № 4, Ашхабад.

[2] «Туркменская искра», 1934, 10 марта.

дыева — в колхозе «Коммунизм» Туркмен-Калинского района. В Ашхабаде живут и пенсионеры-супруги Аман и Хайри Мурриковы.

Биография каждой из туркменских текстильщиц является яркой страницей борьбы Коммунистической партии за раскрепощение женщин-туркменок.

Туркмены и туркменки, обучавшиеся на Реутовской текстильной и Егорьевской ткацкой фабриках, составили ядро квалифицированных кадровых рабочих и работниц Ашхабадской текстильной фабрики имени Дзержинского. С ними в Ашхабад приехали русские рабочие и работницы, мастера текстильного производства, чтобы на месте дать туркменкам производственную квалификацию, приобщить их к передовой русской культуре. В этом трудном деле не было предела доброте русского народа.

Огромное воспитательное значение имели революционные традиции русского рабочего класса, его трудовой героизм, отзывчивость и верность в дружбе, готовность всегда прийти на помощь. Обучение в центре страны стало для женщин Востока школой не только производственного мастерства, но и богатого революционного и жизненного опыта и интернационального воспитания.

Туркменки, обучавшиеся на подмосковных текстильных фабриках, — очевидцы бескорыстной доброты и помощи русских — стали страстными пропагандистами интернационализма и внесли большой вклад в укрепление дружбы туркменского и русского народов. Теперь они сами стали обучать туркменок текстильному делу, передовым методам и приемам производства Реутовской и Егорьевской фабрик, приучать дайханок к культуре производства.

Узы тесной дружбы и поныне связывают коллективы ашхабадских и реутовских текстильщиц. Стали доброй традицией взаимные поездки друзей друг к другу. Они обмениваются опытом, делятся своими впечатлениями, планами на будущее.

Как самых дорогих гостей встречали 8 апреля 1966 года реутовцы группу делегатов XXIII съезда КПСС из Туркменистана. С особенной теплотой и искренней сердечностью приветствовали они ашхабадскую ткачиху, Героя Социалистического Труда Эне

Овезову — представительницу туркменских текстильщиц, с которыми реутовцы породнились еще в конце 1920-х годов. Туркменские делегаты поделились с давними друзьями нашей республики своими впечатлениями о партийном съезде, рассказали о задачах новой пятилетки. В ответ реутовцы вызвали рабочих и работниц Ашхабадского хлопчатобумажного комбината им. Ф. Э. Дзержинского на соревнование — выполнить новую пятилетку за четыре с половиной года.

Туркменские гости побывали в фабричных цехах, им показали фабричный поселок, дома, в которых жили в тридцатые годы первые посланцы из Туркмении — выученики Реутовки.

Несколько часов, проведенных среди рабочих и работниц Реутовской хлопкопрядильной фабрики, стали настоящим праздником для хозяев и гостей. Они обещали друг другу еще более крепить узы братской дружбы русских и туркменских текстильщиков, с еще большим трудовым подъемом соревноваться за осуществление задач новой пятилетки.

Туркменки в промышленном производстве

В Туркменистане, как и по всей стране, индустриализация развертывалась на основе исторических решений XIV съезда ВКП(б), состоявшегося в октябре 1925 года. Она сыграла решающую роль не только в невиданном росте экономики республики, но и в подъеме культуры туркменского народа. В условиях Туркменской ССР индустриализация явилась решающим фактором и в фактическом раскрепощении женщин-туркменок.

Вся предшествующая работа по раскрепощению туркменок, как и женщин других восточных национальностей, была направлена прежде всего на внедрение юридического равноправия и повышение их общественно-политической активности. Эти меры были подготовкой к массовому вовлечению туркменок в социалистическое строительство.

Теперь, в связи с социалистической реконструкцией народного хозяйства, на повестку дня была постав-

лена задача широкого осуществления экономического равноправия женщин путем массового вовлечения их в промышленное производство.

Юридическое равноправие женщин в обществе и в семье надо было закрепить экономически. Политическую независимость женщин надо было завершить экономическим раскрепощением ее. Речь шла о фактической эмансипации туркменок.

В. И. Ленин учит, что необходимым условием полного равноправия женщины является — с одной стороны, общественное производство и, с другой, — активное участие самих женщин в общем производительном труде. Лишь при осуществлении этих условий женщина займет такое же положение, как и мужчина, и в обществе, и в семье.

В. И. Ленин разъяснял, что речь идет не о том, чтобы уравнять женщину в условиях труда — размере, длительности его и производительности, а о том, чтобы женщина не была угнетена ее хозяйственным положением. «Втянуть женщину в общественно-производительный труд, — писал В. И. Ленин, — вырвать ее из «домашнего рабства», освободить ее от подчинения — отупляющего и принижающего — вечной и исключительной обстановки кухни, детской — вот главная задача»[1].

В выполнении этой задачи решающим фактором явилась социалистическая реконструкция народного хозяйства, массовое вовлечение женщин в социалистическое строительство.

Подчеркивая необходимость вовлечения женщин в хозяйственное строительство, В. И. Ленин в речи «О задачах женского рабочего движения в Советской республике» на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц в сентябре 1919 года говорил: «...Советская власть стремится к тому, чтобы все трудящиеся, не только партийные, но и беспартийные, и не только мужчины, но и женщины, принимали участие в этом хозяйственном строительстве. Это начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и мил-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 193.

лионы женщин. Тогда дело социалистического строительства, мы уверены, будет упрочено. Тогда трудящиеся докажут, что они могут жить и могут хозяйничать и без помещиков и капиталистов. Тогда социалистическое строительство будет стоять в России так прочно, что никакие внешние враги в других странах и внутри России не будут Советской республике страшны»[1].

В Туркменистане вовлечение женщин в хозяйственное строительство, в частности в промышленное производство, было сопряжено с большими трудностями. Здесь оно осуществлялось в упорной борьбе с косностью и консерватизмом, с укоренившимися традициями феодально-байского отношения к женщине.

Неуклонно осуществляя мероприятия, направленные на усиление массово-разъяснительной работы среди населения, политического просвещения трудящихся женщин, партия и правительство усиливали внимание и финансовую поддержку тем отраслям производства, где преобладал женский труд. Так, женским промысловым артелям предоставлялись льготы, ассигнования.

Важную роль во внедрении женского труда в производство сыграли комиссии по изучению женского труда при Народном Комиссариате Труда СССР и его органах на местах. Они занимались устройством на работу безработных женщин, обучением работниц различным производственным специальностям, изучали условия женского труда.

Народный Комиссариат Труда СССР в циркуляре № 111/13 от 13 апреля 1925 года сообщал, что заседания этой комиссии проходят регулярно два раза в месяц. В состав ее входили представители профсоюзов, промышленных предприятий, женотделов, инспекций по труду различных отраслей производства.

На заводах и фабриках создавались подкомиссии по женскому труду. Они функционировали при фабричных и заводских комитетах профсоюзов или же при отделах охраны труда. В состав подкомиссий входили: организатор по работе среди женщин, хозяйственник данного предприятия и начальник отдела охраны труда.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 204—205.

Эти подкомиссии занимались учетом и движением женской рабочей силы в производстве, изучением состояния заработной платы и квалификации женского труда, анализом причин вытеснения женского труда из промышленного производства, анализом производительности женского труда, вопросами проведения в жизнь советского трудового законодательства, вовлечением девушек-подростков в производство, расширением женских профессий, вопросами рациональной затраты средств на улучшение быта работниц, работы детских учреждений, организации культурного досуга работниц и т. д. Они заботились также о том, чтобы в договоры промышленных предприятий по труду и социалистическому соревнованию включались все вопросы, направленные на улучшение условий труда и быта работниц.

Комиссии по изучению женского труда занимались также набором девушек в школы ФЗУ, профессионально-технические школы и другие специальные учебные заведения. Их представители входили в состав отборочных комиссий в эти учебные заведения. Комиссии по женскому труду имели строгий план работы с указанием роста удельного веса женщин на производстве. Они добивались преобладания удельного веса женщин на предприятиях текстильной, легкой, пищевой промышленности, а также в профессионально-технических школах по этим отраслям производства.

В состав комиссии по изучению женского труда при Народном комиссариате труда Туркменской ССР входили заведующая женотделом ЦК КП(б)Т — председатель комиссии, представители НК труда, Совнархоза, ЦК ЛКСМТ, ТСПС. Комиссия занималась изучением состояния женского труда на производстве, вопросами охраны его, увеличения удельного веса женщин в общем числе рабочих и служащих, повышения производственной квалификации работниц, преодоления женской безработицы в городах. В положении о комиссии говорилось, что на ее заседаниях заслушиваются доклады представителей отраслей промышленности и хозяйства, исследуется состояние женского труда; свою работу комиссия проводит через аппарат НК Труда ТССР. При НК Труда проводились различные совеща-

ния по вопросам улучшения и изучения женского труда в производстве.

В начале 1925 года Ревком Туркменской ССР циркуляром № 7 обязал отделы труда окрревкомов, инспекции труда и органы социального страхования провести точный учет безработных женщин, выявить их квалификацию и семейное положение и заняться их трудоустройством и оказанием им материальной помощи. Все эти мероприятия предлагалось провести к Международному женскому Дню 8 марта 1925 года. Кроме того, в Туркменской ССР в начале 1926 года были созданы специальные комиссии по улучшению труда и быта трудящихся женщин при ЦИК республики и местных исполкомах. 6 февраля 1926 года ЦИК Туркменской ССР постановлением № 17 утвердил положение об этих комиссиях.

Комиссию при ЦИК ТССР возглавил старый большевик Яков Карпов, а ответственным секретарем работала одна из первых поборниц за раскрепощение женщин большевичка Л. Белова.

Создание этих комиссий при ЦИК и местных исполкомах имело очень важное значение. Руководители ведомств и промышленных предприятий понимали, что они несут прямую ответственность перед государством за неукоснительное проведение в жизнь советского трудового законодательства. В комиссиях заслушивались их отчеты о состоянии женского труда на производстве.

Комиссии проводили различные мероприятия, направленные на улучшение труда и быта работниц, по трудоустройству женщин, они уделяли также большое внимание духовному росту и повышению производственной квалификации работниц, популяризации советского законодательства о женском равноправии.

При Комиссии ЦИК Туркменской ССР были созданы 5 секций: секции по борьбе с базработицей и изучению женского труда, по охране материнства и младенчества, юридическая, финансово-хозяйственная и кооперативная. Таким образом, Комиссия по улучшению труда и быта женщин охватывала все стороны труда и быта работниц.

Важным моментом в организации работы Комиссии было то, что все ее постановления утверждались

Президиумом ЦИК Туркменской ССР и их выполнение на территории республики было обязательным.

Комиссия уделяла большое внимание изучению условий труда и быта дайханок. Так, например, секция по охране материнства и младенчества преимущественно занималась и изучала быт дайханок.

В обязанности комиссии входило обсуждение проектов законов об охране прав женщин, наблюдение за проведением в жизнь советских законов о женском равноправии в обществе и в семье и т. д. Средства комиссии составлялись из безвозвратных фондов и денежных субсидий, отпускаемых правительством, хозяйственными организациями, отчислениями со сборов спектаклей, с доходов предприятий и т. д. Эти средства хранились в госбанке на текущем счету комиссии. В штате комиссии имелась одна штатная единица — секретарь комиссии, а в округах — инструктор.

В состав Комиссии по улучшению труда и быта женщин при ЦИК Туркменской ССР входили заведующая женотделом ЦК КП(б)Т, член Президиума ЦИК ТССР, народные комиссары труда, внутренних дел, юстиции, финансов, просвещения, здравоохранения, председатели ЦК Союза «Кошчи», «Туркменбирлешик». На заседания комиссии по необходимости могли быть приглашены руководители других наркоматов и ведомств и заслушаны их доклады. Кроме того, представители сооветствующих наркоматов и ведомств входили в состав той или иной секции комиссии.

Работу КУБТ при ЦИК союзных республик направляла Комиссия Президиума ЦИК СССР по улучшению труда и быта женщин, которую возглавляла активная общественница К. Ишкова. Центральной комиссией организовывались краткосрочные курсы переподготовки ответственных секретарей КУБТ, контролировалась работа на местах и т. д. Наиважнейшим в работе комиссия считала массовое вовлечение работниц и крестьянок в строительство социализма, плановое применение женского труда в отраслях народного хозяйства и культуры, изучение состояния женского труда в промышленности и в сельском хозяйстве, планирование и финансирование мероприятий по улучшению труда и быта женщин, женского образования и т. д.

Важное место в деятельности Комиссии по улучше-

нию труда и быта женщин при ЦИК СССР занимали и вопросы раскрепощения женщин восточных национальностей — улучшение положения батрачек в национальных республиках и областях Советского Востока, перспективы женского образования, проведение в жизнь советских законов о женском равноправии, о борьбе с пережитками феодально-байского отношения к женщине, развитие санитарного дела, постановка дошкольного воспитания и т. д.

В конце 1928 года в Москве было проведено второе восточное совещание комиссии по улучшению труда и быта женщин. Совещание отметило рост женского труда в восточных республиках. Так, например, число работниц из женщин местных национальностей в Средней Азии выросло до пяти тысяч. Это показывает, что женщины Советского Востока все определеннее повертывались лицом к производству[1].

Были достигнуты значительные сдвиги и в вовлечении туркменок в производство. И все же положение оставалось тревожным.

Разбитые эксплуататорские классы и духовенство отчаянно сопротивлялись массовому вовлечению женщин-туркменок в промышленное производство. Советская власть стояла на страже интересов трудящихся женщин, сурово карала нарушителей законов о женском равноправии. Четвертое совещание работников среди женщин Востока, проведенное Центральным Комитетом партии в декабре 1928 года, нарушение советских законов о раскрепощении женщины Востока квалифицировало как проявление классовой борьбы.

КУБТ при ЦИК ТССР провел анализ бытовых преступлений. Так, например, за первое полугодие 1928 года по Туркменской ССР было рассмотрено 162 дела, связанных с бытовыми преступлениями, из них 147 дел были рассмотрены в народных судах. Из этого общего числа 41 дело касалось статьи 150 УК РСФСР, то есть вступления в брак с несовершеннолетними девочками, а 52 дела были рассмотрены по статье 152 УК — понуждение к разводу замужней женщины местных национальностей.

Из 144 человек, привлеченных к уголовной ответ-

[1] «Коммунистка», 1929, № 1, стр. 25.

ственности, 106 человек были осуждены на различные сроки — от одного года до пяти лет тюремного заключения — и лишь 9 человек были осуждены к принудительным работам, либо условно.

Анализируя причины преступности среди населения по бытовым причинам, Комиссия по улучшению труда и быта женщин при ЦИК Туркменской ССР правильно указывала, что «основой раскрепощения женщины является развязывание материальной, хозяйственной ее самостоятельности»[1].

Комиссия УБТ при ЦИК Туркменской ССР проводила большую работу по осуществлению советского законодательства о женском равноправии в обществе и в семье. Создавалось общественное мнение вокруг нарушителей законов о раскрепощении женщин, усиливались карательные меры по отношению к злостным носителям феодально-байских пережитков, а также борьба против реакционного духовенства, принимались меры по обеспечению оперативного рассмотрения дел по бытовым преступлениям в судебных органах, выдвижению туркменок в работу судебно-следственных органов и прокуратуры, а также в другие государственные органы, призванные защищать права женщин.

Однако на производстве все еще сильна была тенденция вытеснения женского труда, наблюдались случаи нарушения трудового законодательства, в частности увольнение беременных женщин с работы. В 1928—1929 годах число безработных женщин в городах Туркмении увеличилось, хотя Народным комиссариатом труда ТССР и проводилась некоторая работа по трудоустройству безработных женщин и вовлечению туркменок в промышленное производство. Так, например, с октября 1927 по октябрь 1928 года были направлены на работу в различные отрасли производства 4395 женщин, а 15 девушек были направлены на обучение в ФЗУ.

В июле 1928 года комиссии по изучению женского труда на производстве при Наркоматах труда были ликвидированы и их функции переданы в инспекцию труда[2]. Эта реорганизация была произведена в целях

[1] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 13, д. 11-а, л. 79.

[2] Циркуляр НК труда СССР № 428 от 18 июля 1928 г. «Известия НКТ СССР», 1928, № 34—35.

приближения органов Народного комиссариата труда к непосредственному обслуживанию нужд работниц в области охраны их труда, большему внедрению женского труда в производство, повышению производственной квалификации работниц. В Наркоматах труда вводилась штатная должность старших инспекторов по женскому труду.

В связи с реорганизацией и введением должности старшего инспектора по женскому труду Народный комиссариат труда СССР направил инструктивные письма, касающиеся усиления работы по вовлечению женщин в промышленное производство, выслал также анкеты, отражающие проделанную на местах работу и т. д. Так, в письме в Народный комиссариат труда Туркменской ССР за № 656/Д от 7 мая 1929 года НКТ СССР выразил серьезную обеспокоенность неблагополучным состоянием дел по вовлечению женщин в промышленное производство. Народный комиссариат труда СССР потребовал от Народного комиссариата труда ТССР информировать, как запланировано использование женского труда в первом пятилетнем плане, сообщить план работы старшего инспектора по женскому труду и данные о выдвижении женщин-работниц в органы труда; эти сведения НКТ СССР запрашивал еще и 28 февраля 1929 года. О глубокой озабоченности Советской власти судьбой восточных женщин свидетельствуют многие постановления ЦИК СССР, Народного комиссариата труда СССР и других государственных органов. Постановлением Президиума ЦИК СССР была введена регистрация в биржах труда женщин восточных национальностей, которые были приравнены к членам профсоюзов. В соответствии с этим постановлением Народный комиссариат труда 23 февраля 1928 года принимает решение о предоставлении права регистрации на биржах труда женщин местного коренного населения, независимо от их трудового стажа и профсоюзного членства. Это было важным мероприятием, хотя и ранее женщины восточных национальностей, зарегистрированные на биржах труда, в первую очередь направлялись на работу.

Народный комиссариат труда СССР потребовал от территориальных и отраслевых касс социального страхования ежемесячные отчеты об охвате женщин соци-

альным страхованием, а в случае уменьшения их числа — подробного объяснения.

Улучшение условий труда и быта работниц является предметом постоянной заботы Коммунистической партии и Советского правительства, стоящих на страже охраны интересов женщины-работницы, — равноправной гражданки и матери.

В этот период ЦК ВКП(б) принимает ряд важных постановлений, которые предусматривали мероприятия по вовлечению женщин восточных национальностей в промышленное производство: «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» от 1 марта 1926 года, «О работе среди работниц и дехканок в парторганизациях Средней Азии» от 18 июня 1926 года, «О перевыборах и работе делегатских собраний работниц и крестьянок» от 7 июля 1926 года, «О работе среди сельскохозяйственных и лесных работниц» от 2 сентября 1927 года и другие[1].

В этих чрезвычайно важных постановлениях главное внимание уделялось дальнейшему вовлечению женщин в социалистическое строительство, внедрению женского труда в производство и указывалось на особенности работы среди женщин Востока. Так, например, в постановлении ЦК ВКП(б) от 1 марта 1926 года «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» говорится:

«Национальная политика партии и Советской власти, направленная в сторону поднятия культурного уровня, насаждения промышленных очагов и развития сельского хозяйства в национальных республиках и областях, революционизирующее значение земельной реформы и семейно-брачного права (отмена калыма), все усиливающееся внимание партии к работе среди женщин Востока привели к культурному сдвигу, росту общественной активности и политического сознания работниц и крестьянок национальных республик и областей.

В условиях работы на Советском Востоке основной задачей партии является привлечение внимания всей

---

[1] См.: Справочник партийного работника. Выпуск VI, часть II, стр. 58—72.

советской общественности к вопросам борьбы за улучшение быта...»[1].

Внедрение женского труда в промышленность определялось как главная задача.

Партийные организации внимательно следили за состоянием женского труда. Информационный отдел ЦК ВКП(б) постоянно рассылал в местные партийные организации материалы с анализом состояния женского труда. Так, например, был дан анализ состояния женского труда за 1927 и 1928 годы. Из этой информации видно, что в Туркменистане в 1927 году работницы-туркменки составляли 183 человека, то есть 7,5 процента от общего числа рабочих, а в 1928 году — 251 человек, или 9,2 процента.

Информационный отдел ЦК ВКП(б) указывал на чрезвычайно медленный рост числа работниц на производстве. Женский труд в национальных республиках применялся в основном на предприятиях по обработке хлопка, шерсти, шелка, льна и пищевых продуктов. Анализ состояния женского труда в тот период показывал, что основными причинами медленного роста работниц на производстве из числа женщин восточных национальностей являются: во-первых, отсутствие производственной квалификации, во-вторых, недостаточно внимательное отношение советских, хозяйственных и профсоюзных органов к вовлечению националок в производство, в-третьих, наличие тенденции к вытеснению работниц с производства, в-четвертых, государственные учреждения — ВСНХ, Госплан, НКТ недостаточно занимались и изучали состояние женского труда на производстве в национальных республиках, в-пятых, недостаточное вовлечение женской молодежи в школы ФЗУ. Например, в ТССР девушки в школах ФЗУ составляли 8,3 процента. Информационный отдел ЦК ВКП(б) отметил, что анализ работы многих промышленных предприятий показывает, что производительность труда работниц одинаковой квалификации не ниже производительности труда рабочих-мужчин. Кроме того, среди женщин-работниц гораздо меньше прогулов по неуважительным причинам, чем среди мужчин-рабочих.

[1] См.: Справочник партийного работника. Выпуск VI, часть II, стр. 11—12.

Указывалось также на факты нарушения трудового законодательства, на возмутительные факты несоблюдения на производстве санитарной гигиены, культурно-бытового обслуживания работниц и т. д. Работницы недостаточно вовлекались в общественные мероприятия и управление производством, в школы ликбеза, слаба была еще работа по интернациональному воспитанию работниц.

Вместе с тем информационный отдел ЦК ВКП(б) отметил положительную работу, проводимую в Туркменистане. Здесь применялся метод подготовки работниц местной национальности через практическое обучение их на фабриках других республик. Так, для обучения работниц прядильно-ткацкой фабрики в Ашхабаде были посланы туркменки в подмосковные Реутовскую и Егорьевскую фабрики, для подготовки работниц Ашхабадской шелкомотальной фабрики — на Ферганскую шелкомотальную фабрику.

С 26 декабря 1929 года по 3 января 1930 года проходило VII краевое совещание работников среди работниц и дайханок Средней Азии. Совещание обсудило вопрос о путях вовлечения женщин местных национальностей в промышленное производство и приняло по этому вопросу развернутую резолюцию. Было решено «...довести применение женского труда в шелкообрабатывающей промышленности не менее, чем до 90 процентов, в текстильной и табачной — до 80 процентов, в швейной — до 80 процентов, в хлопкоочистительной и полиграфической — до 25 процентов, в мясной, местной и кожевенно-обувной — до 15 процентов, в пищевкусовой — до 65 процентов».

Высокий политический подъем у трудящихся женщин республики вызвал III Всетуркменский съезд Советов, состоявшийся в апреле 1929 года. В числе пяти вопросов съезд обсудил и вопрос о раскрепощении женщин. По этому вопросу выступило более 40 человек, в том числе 13 туркменок. В докладе и в выступлениях делегатов подверглись решительной критике пережитки в отношении к женщине, осуждались продажа девушек и женщин, многоженство, указывалось на недостаточную борьбу местных партийных, советских и общественных организаций по ликвидации этих пережитков. Съезд заклеймил убийц женщин-активисток

Гульбахар Бекдурдыевой (в Бурдалыкском районе) и Биби Овезовой (в Керки), — заклеймил их как классовых врагов и призвал трудящихся беспощадно бороться с врагами равноправия женщины. Было принято обращение ко всем трудящимся Туркменистана. «Рабское положение женщины, — говорилось в обращении, — несовместимо с советским строем, со строительством социализма. Оно крайне затрудняет наше победоносное движение вперед по пути хозяйственного и культурного развития».

Съезд констатировал, что, вопреки законам о равноправии женщины и запрещении всех гнусных обычаев, порабощавших женщину-туркменку, эти обычаи все еще продолжали существовать. Нарушители законов о равноправии женщины привлекались к судебной ответственности, но подчас к ним применялись мягкие меры наказания.

III съезд Советов республики принял развернутое постановление «О раскрепощении женщин», направленное на усиление борьбы за полное осуществление законов о равноправии женщины с мужчиной в обществе и в семье, на вовлечение туркменок в промышленное производство и колхозное строительство, на значительное повышение общественно-политической активности тружениц. Охват женщин школами ликбеза был признан съездом неотложной задачей Советов и общественных организаций.

Массовое вовлечение женщин в промышленное производство явилось тем основным звеном в цепи задач по раскрепощению женщины, решение которых делало реальными права женщин-туркменок.

25 сентября 1931 года секретариат ЦК КП(б) Туркменистана принял решение об издании массового журнала «Работница и дайханка». Первый номер журнала вышел в свет в 1931 году к XIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Издание специального женского печатного органа явилось важным событием в идейной жизни трудящихся женщин Туркменистана. Журнал освещал насущные вопросы жизни тружениц, труда и быта работниц, активно боролся за раскрепощение туркменок.

В Туркменистане велика была роль промысловой

кооперации, производственных артелей в приобщении туркменок к социалистическому строительству.

Советское правительство уделяло большое внимание этому важному делу. Так, например, на заседаниях ЦИК и СНК СССР 6 марта 1927 года, СНК СССР 3 апреля 1928 года и 7 мая 1929 года, ЦК ВКП(б) 4 марта 1929 года обсуждались меры по вовлечению женщин-туркменок в промысловую кооперацию.

Осуществлялись мероприятия по производственному кооперированию женщин-кустарей, организации художественных и ковровых производственных объединений, их хозяйственному укреплению, повышению производительности труда и увеличению заработка женщин-кустарей, охвату их социальным страхованием и т. д.

Большое внимание уделялось снабжению женских производственных кооперативов сырьем и полуфабрикатами, кредитованию, устанавливались льготы в паевых взносах для женщин. При этом особо подчеркивалось важное политическое значение производственного кооперирования женщин-кустарей, вовлечения женщин в республиках Средней Азии в производственные артели, повышения техники производства там, где преобладает женский труд.

Финансовая и материальная поддержка Советского государства явилась решающим фактором в развитии кустарно-промысловых производственных артелей в Туркменской ССР.

Из года в год возрастало число туркменок в этих артелях. Эти артели служили важным средством повышения общественно-политической активности мастериц национальных изделий.

В республике широкое распространение получили ковровые, швейные, текстильные, ткацкие производственные артели, так как домашнее производство выпускаемых ими изделий было знакомо почти всем туркменкам.

Сегодня интересно вспомнить о том, что писали о применении женского труда в ковроделии в 1925 году. Первая заведующая женотделом ЦК КП(б)Т, ныне персональная пенсионерка, Е. А. Росс в журнале «Коммунистка» об этом писала:

«Дело кооперирования ковровщиц имеет за собой

еще очень незначительный опыт. Начато оно лишь с июля 1925 года в середине сезона. Было организовано семь артелей: четыре в Мервском и три в Полторацком округе, объединивших 139 человек.

Общая продуктивность за сезон на каждую ковровщицу приходится в среднем 4—5 кв. аршина. Рыночная цена определяется в 20 рублей за квадратный аршин в среднем. Сезон же ткачества ковров определяется в 5—6 месяцев, так что заработок ковровщиц, за вычетом стоимости продукции, редко превышает 14—15 рублей в месяц. Такая медленность выработки объясняется чрезмерной трудностью работы и каторжными условиями самого производства. Работа над ковром кропотлива и медлительна. Много времени уходит на чесание шерсти, окраску её. Пряжу окрашивают долго: от трех месяцев до года.

Ткацкий станок, на котором ткут ковер, чрезвычайно примитивен и плохо приспособлен. Четыре вбитые в землю кола определяют площадь будущего ковра. Если еще принять во внимание, что всю работу ткачиха должна проделать сидя на земле и согнувшись над станком, то вполне понятна становится и чрезмерная трудность работы. Отсюда встает вопрос об улучшении условий работы — переход тканья с горизонтального станка на вертикальный и вопрос повышения квалификации, в смысле восстановления ценнейших рисунков, начавших исчезать из-за упадка промысла. С этой целью в Мерве к 8 Марта организуются шестимесячные курсы на 30 человек»[1].

Ковровое производство было действенным рычагом приобщения туркменок к общественному производству. Льготы, предоставляемые Советским государством ковровщицам, произвели значительный сдвиг в настроении туркменок-мастериц коврового дела. Так, например, в 1926 году изъявили желание вступить в ковровую артель 2830 дайханок Марыйского района и 1200 ковровщиц Байрам-Алийского района. Уже на 1 сентября 1927 года в 74 ковровых и ткацких производственных артелях работало свыше пяти тысяч женщин, тогда как в предыдущем 1926 году в них работало всего лишь 659 женщин.

[1] «Коммунистка», 1926, № 3, стр. 74—75.

Важной вехой в развитии коврового производства явилось Всесоюзное ковровое совещание промкооперации, проведенное Всекопромсоветом в октябре 1928 года в Тбилиси.

Участники совещания приняли конкретные решения и рекомендации по развитию коврового производства. Признавалась необходимость капитального строительства помещений для ковровых артелей, дальнейшего усовершенствования ковровых станков и инструментов, постройки общих мастерских для крашения пряжи, обобществления таких подсобных для ковроделия производств, как крашение, мойка, прядение, в общую систему промысловой кооперации.

На совещании был отмечен большой удельный вес Туркменистана в производстве ковров и принято решение о необходимости создания «Туркменковерсоюза», а в других республиканских промкооперациях и во Всекопромсовете — ковровых отделов и бюро.

Это было очень важно для развития коврового производства в Туркменистане, так как оно было распылено. Им занимались частично Туркменпромсовет и госторг республики, а теперь ковровое производство выделялось в самостоятельную отрасль.

В этой связи небезынтересен следующий факт: Народный Комиссариат торговли республики возражал против выделения коврового производства в самостоятельную отрасль. Тогда Президиум Всекопромсовета обратился с протестом в Комиссию по улучшению труда и быта женщин Востока при ЦИК СССР. В письме Президиума Всекопромсовета говорилось: «Вопрос этот, чрезвычайно принципиальный и практической важности, Всекопромсовет предполагает заострить вплоть до внесения его в высшие правительственные инстанции»[1].

В 1929 году правительством Туркменской ССР было учреждено республиканское объединение «Туркменковерсоюз». Правительство Союза ССР ассигновало крупные суммы на расширение и укрепление ковровых артелей. В 1930 году ковровые артели республики объединяли уже 17 тысяч ковровщиц, в то время как в 1927 году артелями было объединено всего лишь

[1] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 13, д. 11-а, л. 36.

1780 мастериц. Щедро вознаграждаемый государством труд раскрепощенной женщины-туркменки способствовал значительному расширению производства высококачественных ковров. В 1929 году валовая продукция производства ковров оценивалась в 472 тысячи рублей[1].

В полную меру раскрылось и художественное дарование туркменских ковровщиц. За успехи в производстве художественно-экспериментальных ковров 21 июня 1936 года 10 мастерицам было присвоено почетное звание Заслуженной ковровщицы Туркменской ССР. В их числе была и кизыл-арватская мастерица Нуртач Аннамурадова, которая ныне работает министром местной промышленности республики. Большая группа прославленных ковровщиц была награждена Грамотой ЦИК ТССР и ценными подарками.

В 40-х годах ковровое производство получило дальнейшее развитие. В республике были созданы ковровые фабрики, красильная фабрика, мастерские. Наряду с этим продолжали существовать и ковровые артели. В 1957 году 130 мастериц коврового производства были награждены орденами и медалями СССР.

За последнее время ковровщицы республики создали много новых орнаментальных и сюжетных ковров ярких красок. Ими соткан большой ковер-панно «Дружба народов», размером 40 квадратных метров.

Одной из основательниц коврового союза, замечательным организатором активисток по массовому вовлечению туркменок в ковровое производство является Джамине Полтаева, ныне персональная пенсионерка. Она родилась в 1904 году в ауле Маштакгулак, Туркменского района Ставропольского края. Джамине в 1920 году вступает в ряды РКП(б). С этого времени она заведует женотделом Туркменского уездкома партии, а затем Ставропольского губкома ВКП(б).

В 1921 году она избирается делегаткой IX Всероссийского съезда Советов. На этом съезде Джамине Полтаева выступила с призывом усилить борьбу за раскрепощение женщин Советского Востока. Делегаты съезда с большим интересом и вниманием слушали юную туркменку. В 1925 году Джамину Полтаеву партия направляет на ответственную и трудную работу—заведу-

[1] «Туркменская искра», 1935, 10 января.

ющей женотделом Марыйского окружкома партии. Она здесь развертывает колоссальную работу по раскрепощению женщин-туркменок.

Позже Джамине Полтаева возглавляет работу по массовому вовлечению туркменок в ковровое производство. Учитывая большие заслуги Джамины Полтаевой, ЦК КП(б)Т в 1927 году выдвигает её председателем Туркменпромсоюза, который в 1929 году был реорганизован в Туркменковерсоюз. На этом ответственном посту проявляется её большой организаторский талант.

В 1930 году Джамине Полтаева уезжает на учебу в Московский текстильный институт. После успешного окончания его она в 1934 году была назначена директором Ашхабадской текстильной фабрики им. Ф. Дзержинского, затем директором Чарджоуского кислородного завода. Сейчас Джамине Полтаева на заслуженном отдыхе. Но и будучи персональной пенсионеркой, Джамине не может сидеть сложа руки — она ведет общественную работу.

Свободный труд ковровщиц еще более прославил известные с древних времен миру туркменские ковры. Если в 1913 году было произведено всего 8,2 тысячи квадратных метров, то в 1963 году ковровщицами соткано 55 тысяч квадратных метров туркменских ковров[1]. 53 мастерицам, в их числе 52 туркменкам, присвоено звание заслуженной ковровщицы Туркменской ССР. Среди них Аманбиби Газакова, которая вот уже 25 лет работает на Казанджикской ковровой фабрике, депутат Верховного Совета СССР Байрам Ходжагельдыева из Ашхабадской ковровой фабрики и другие.

Наряду с ковровыми артелями широкое распространение в республике получили шелководческие артели. Были организованы женские курсы по подготовке инструкторов-шелководов. Уже в январе 1930 года на таких курсах обучалось 108 человек, из них 42 женщины-туркменки[2].

Партия и правительство добивались того, чтобы партийные и советские организации уделяли максимум внимания вовлечению женщин в шелководческую кооперацию, чтобы в этой кооперации не менее 90 про-

---

[1] См.: Советский Туркменистан за 40 лет. Статсборник. Ашхабад, Туркменгиздат, 1964, стр. 41.

[2] «Туркменская искра», 1930, 15 января.

центов работающих составляли женщины[1]. Шелководческая кооперация, как указывал ЦК партии, являлась одним из важнейших рычагов вовлечения женщин в производство.

В раскрепощении женщин велико значение потребительской кооперации. В Туркменской ССР в 1929 году среди 27 тысяч членов кооперации насчитывалось 18,5 тысячи дайханок.

Хотя производственные артели сыграли исключительно важную роль в раскрепощении женщин, они были лишь началом большого дела. Массовое вовлечение женщин в социалистическое строительство развернулось в связи с созданием и ростом промышленности. Новые отрасли промышленности Туркмении, особенно такие, как нефтяная, текстильная, шелковая, швейная, пищевкусовая, послужили прочной основой для вовлечения женщин в социалистическое производство, для подготовки туркменок — активных строительниц социализма. Каждая вновь выстроенная фабрика являлась новой крепостью вовлечения женщин в производство, борьбы за строительство социализма, за освобождение женщины.

Первой пятилеткой было запланировано внедрение женского труда во все те отрасли промышленности, где разрешалось применение труда работницы. Для практического осуществления этого проводились комплексные мероприятия по повышению производственной квалификации, охране материнства и младенчества, неукоснительному соблюдению советского трудового законодательства, повышению общеобразовательного и культурного уровня работниц.

На проведение этих мер и было направлено постановление ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 года «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок».

«Огромный рост активности трудящихся женщин Советского Востока, — говорится в постановлении ЦК ВКП(б), — выявившийся во время перевыборов Советов, в условиях обострения классовой борьбы и все возрастающего стремления со стороны духовенства и байства подчинить своему влиянию отсталые женские массы, ставит с особой остротой вопрос о закреплении воз-

[1] «Туркменская искра», 1930, 15 января.

ростей активности трудящихся женщин Советского Востока, их классовом воспитании и направлении её в русло практической работы Советов, профсоюзов, кооперации. Поэтому формы и методы работы (женские клубы, юрты, консультации, делегатские собрания) должны быть приспособлены к разрешению этих задач»[1].

ЦК ВКП(б) осудил методы голого администрирования, приводившие подчас к искривлению классовой линии в осуществлении раскрепощения женщин восточных национальностей. ЦК указал на неукоснительное проведение классовой линии пролетариата в этой очень сложной области деятельности партийных организаций. Были рекомендованы следующие меры: подготовка женских кадров из числа работниц, батрачек и бедячек через систему курсов, расширение женских школ ликбеза, специальных женских средних учебных заведений. Рекомендовалось принимать в ряды КПСС в первую очередь пролетарок, активно участвующих в классовых битвах, работающих в Советах, профсоюзах, кооперации.

ЦК ВКП(б) указал, что вовлечение работниц в ряды Коммунистической партии «приобретает особо важное значение в данный период, когда перед партией стоит задача мобилизации широчайших масс трудящихся, в том числе и женских, на практическое проведение пятилетнего плана и преодоление трудностей роста социалистического строительства»[2].

На заседаниях Совнаркома СССР 1 марта и 21 ноября 1929 года обсуждался вопрос о включении в пятилетний план народного хозяйства вопросов женского труда и быта.

СНК СССР обязал ВСНХ, Госплан, Народные Комиссариаты труда и другие наркоматы, Совнаркомы союзных республик установить потребность в первой пятилетке в женской рабочей силе, в повышении производственной квалификации работниц, подготовке кадров работниц в школах ФЗУ и т. д.

Серьезное внимание уделялось подготовке женских рабочих кадров.

---

[1] «Коммунистка», 1929, № 14, стр. 48.
[2] Там же.

Резервы работниц готовились в школах фабрично-заводского ученичества: на 1 января 1932 года в школах ФЗУ в Туркменистане обучалось 662 девушки. Школы ФЗУ существовали также при текстильной и шелкомотальной фабриках.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР систематически заслушивали доклады наркомов соответствующих отраслей промышленности и руководителей совета народного хозяйства, требовали проведения обстоятельного анализа вовлечения женского труда в народное хозяйство; они контролировали выполнение важнейших постановлений партии и правительства, по этому очень важному вопросу.

Так, например, в 1932 году, во время работы Третьей сессии ЦИК СССР пятого созыва, было проведено совещание женщин—членов ЦИК. На этом совещании был заслушан доклад народного комиссариата труда СССР «Об итогах и перспективах женского труда в народном хозяйстве СССР». И в докладе, и в выступлениях ораторов подверглись глубокому анализу состояние женского труда в народном хозяйстве СССР, выполнение важнейших постановлений партии и правительства по внедрению женского труда в социалистическое производство, что являлось решающим фактором экономического освобождения женщины.

На этом совещании отмечались достижения республик Средней Азии в деле вовлечения женщин местных национальностей в промышленное производство. В частности говорилось о том, что удельный вес работниц по трем республикам Средней Азии вырос с 8,4 процента на 1 января 1927 года до 22,1 процента на 1 января 1932 года. Общее количество работниц за этот же период увеличилось с 2,5 тысячи до 17,9 тысячи человек. Наибольший процент применения женского труда был достигнут в текстильной, шелкомотальной, швейной промышленности. Однако совещание отметило невыполнение общего плана внедрения женского труда, предусмотренного пятилеткой.

27 декабря 1932 года Президиум ЦИК СССР принял развернутое постановление «Об итогах совещания ведомств по вопросам женского труда». Отмечая положительные успехи в области вовлечения женщин во все отрасли народного хозяйства и культуры и в этой

связи значительный подъем общественно-политической сознательности работниц, ЦИК СССР указал и на серьезные недостатки в области применения женского труда на производстве. Указывалось, например, на недостаточное обучение и повышение производственной квалификации работниц, на факты недостаточного применения квалифицированного женского труда, обращалось также внимание на низкую оплату труда работниц, на невыполнение директив Третьей сессии ЦИК СССР пятого созыва о необходимости организованного набора женщин в промышленное производство; говорилось о необходимости повышения в школах ФЗУ удельного веса девушек до 50 процентов и т. д.

Президиум ЦИК потребовал от наркоматов и ведомств обеспечения массового вовлечения женщин в промышленное производство, установления контрольных цифр внедрения женского труда по отраслям на каждый год в отдельности и их выполнения, повышения производственной квалификации работниц, проверки правильности и эффективности расходования средств на культурно-бытовые нужды работниц, обследования их жилищных условий, решительного выдвижения женщин на руководящую работу. Было предложено ЦИК союзных республик «организовать на основе настоящего постановления проверку выполнения директив партии и правительства по вопросам вовлечения женщин в социалистическое строительство, сосредоточив на этой работе внимание местных исполкомов, Советов и их массовых органов — секций, депутатских групп и всего советского актива»[1].

Президиум ЦИК СССР осуществлял систематический контроль за выполнением принятых постановлений по внедрению женского труда в производство, повышению общественно-политической активности женщин, улучшению культурно-бытового обслуживания работниц, охране материнства и младенчества, улучшению работы детских учреждений. Проверки проводились систематически во все годы первой пятилетки и в 1934—1935 годах.

Наряду с широким вовлечением женщин в производство, Советское правительство осуществляло широ-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 51, д. 8, лл. 58—60.

кие мероприятия по охране женского труда. Был издан ряд законов по охране труда, ассигнованы средства на эти цели, развернута серьезная научно-исследовательская работа по изучению условий женского труда, особенно в тех отраслях промышленности, где женский труд применялся впервые.

Вот некоторые из этих законов, действующих и поныне:

16 июня 1925 года Народный Комиссариат труда РСФСР принял постановление «О порядке увольнения с работы одиноких женщин, имеющих детей до 1 года». Согласно этому постановлению одинокие женщины, имеющие детей в возрасте до одного года, могут увольняться в исключительных случаях с разрешения в каждом отдельном случае инспектора труда.

Заботой об охране женского труда и здоровья работниц проникнуты постановления Комиссариата труда СССР «О списке особо тяжелых и вредных работ и профессий, к которым не допускаются женщины» от 10 апреля 1932 года, «О предельных нормах переноски и передвижения тяжестей взрослыми женщинами» от 14 августа 1932 года, постановление СНК СССР «О применении труда женщин на подземных работах в горнодобывающей промышленности» от 25 октября 1940 года.

Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 18 октября 1929 года и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года не допускаются к ночным работам беременные женщины, начиная с шестого месяца беременности, женщины, кормящие грудью, в течение первых шести месяцев кормления. Они должны быть устроены на более легкую работу в дневных сменах. Охране здоровья женщины-матери направлено также постановление ЦИК и СНК ТССР от 13 июля 1936 года[1], в котором установлены предельные нормы переноски и передвижения тяжестей, перечислен список новых профессий, которые надлежит широко пропагандировать среди женщин.

В основу этих обязательных постановлений и законодательных актов были положены данные научно-исследовательских институтов по охране труда, лечебных

[1] Кодекс законов о труде Туркменской ССР. Ашхабад, Туркменгосиздат, 1955, стр. 51.

учреждений и ряда предприятий, где велось специальное изучение условий женского труда.

Постановлениями ЦИК и СНК СССР от 27 июня и от 5 октября 1936 года, а также от 9 апреля 1937 года установлено уголовное наказание за отказ в приеме на работу женщин и за снижение им заработной платы по мотивам беременности, предусмотрено обязательное сохранение за беременной женщиной, одновременно с переводом ее на более легкую работу, прежней заработной платы из расчета последних шести месяцев работы.

Контроль за проведением в жизнь трудового законодательства о женском труде осуществлялся профсоюзными организациями, комиссиями по улучшению быта и труда работниц и другими общественными организациями.

Массовое вовлечение женщин в промышленное производство началось в республике с первых дней строительства новых заводов и фабрик. Вот важнейшие даты пуска крупных промышленных предприятий, сыгравших большую роль в массовом вовлечении женщин в социалистическое строительство: 25 марта 1927 года заложен фундамент прядильно-ткацкой фабрики имени Ф. Дзержинского в Ашхабаде, а 7 ноября 1929 года она выдала первую продукцию; 8 марта 1928 года сдана в эксплуатацию Ашхабадская шелкомотальная фабрика имени 8 Марта. В начале мая 1928 года произведена первая пробная плавка каракумской серной руды в Ашхабаде. 1 января 1931 года начала работать Чарджоуская шелкомотальная фабрика. Осенью 1933 года вошла в строй действующих предприятий первая механизированная швейная фабрика в Ашхабаде и т. д.

В годы реконструкции народного хозяйства создавались предприятия нефтяной, пищевой промышленности, швейные и обувные фабрики и другие отрасли промышленности.

Заводы и фабрики были настоящими институтами борьбы с вековым затворничеством женщины. Условия труда, техника производства требовали от работницы ловкости и свободы в движениях, что приводило её к мысли о необходимости навсегда расстаться с мешающими работать пуренджеком, бориком и яшмаком — этими символами покорности женщины перед мужчиной.

Труженица Востока — потомственная ткачиха. Ткачество для нее было традиционным ремеслом. Туркменка в условиях домашнего кустарного производства могла работать и работала в пуренджеке, в борике и яшмаке. К этому принуждали её окружавшая патриархально-феодальная семья, эксплуататорский строй.

Теперь на фабриках и заводах высокая техника производства и условия труда требовали освобождения от порабощающей одежды. Но не только поэтому рассталась туркменка с затворничеством, с прошлыми вредными обычаями. На фабриках и заводах она нашла то, чего не имела дома, и то, о чем она мечтала веками — свободу и равенство. Она сбросила пуренджек, борик и яшмак с полным сознанием того, что окружающая её обстановка, новая среда на предприятии, дружный и мощный коллектив рабочих и работниц, создали ей все необходимые условия для свободной самостоятельной жизни, охраняют её от посягательств со стороны носителей феодально-байских пережитков. На фабрики и заводы туркменки шли не только за заработком, но и за новым словом, за новой, светлой жизнью.

Правда, очень трудно было привыкать к трудовой дисциплине в условиях организованного фабричного производства. Туркменки дома всегда работали сидя на полу, а тут нужно было подолгу стоять. Надо было ходить на работу ежедневно в любую погоду. А тут пошел дождь или выпал снег, на улице холодно, и женщина не идет. Или приехали из далекого аула родственники — хозяйка нужна дома, и она остается. Но постепенно с помощью женорганизаторов, профсоюзного актива, русских работниц туркменка привыкала к организованному фабричному труду.

Женские рабочие руки, освобожденные от пут затворничества, нашли самое широкое применение на новых заводах и фабриках. Вовлечение женщины в производство оказалось самым верным, самым надежным путем её раскрепощения. Фабрично-заводской труд, то есть участие в общем производительном труде, обеспечил женщине материальную и моральную независимость от мужа, от патриархальной семьи, от насилия ислама. Промышленное предприятие стало для женщи-

ны «крепостью независимости», её опорой, её «университетом».

В вовлечении женщин-туркменок в промышленное производство большую роль сыграла Ашхабадская прядильно-ткацкая фабрика им. Ф. Дзержинского. Кадровым ядром ее, как уже говорилось выше, явились работницы туркменки, обучавшиеся на Реутовской и Егорьевской фабриках и возвратившиеся во второй половине 1929 года. Огромная работа, проведенная партийными организациями по раскрепощению женщины, привлекла на фабрику значителное число женщин. Ужа к началу 1933 года на Ашхабадской прядильно-ткацкой фабрике работало 547 женщин, в том числе 141 туркменка, а спустя год число работниц увеличилось еще на 100 человек[1].

Освобожденная от оков феодального рабства туркменка-работница текстильной фабрики показывала образцы доблестного труда. Первыми работницами-ударницами этой фабрики были воспитанницы подмосковных текстильных фабрик Амангуль Мамедова, Зулейха Шахниязова, Хайри Муррикова, Дурдынияз Сапармухаммедова, Огульбэбек Гельдыева, Хесел Непесова и др.[2]

В 1957 году, то есть к 40-летию Великого Октября, на текстильной фабрике из общего количества рабочих 1500 женщин было 1100, в том числе свыше 300 работниц-туркменок. Все ткачихи и прядильщицы фабрики систематически выполняют и перевыполняют производственные нормы.

На текстильной фабрике свыше 20 женщин находятся на руководящей работе. Инженер Эргешова — сменный мастер, инженер Л. Кундузова — нормировщица отдела главного механика, инженер В. С. Муравьева — заведующая ткацким производством, инженер Г. А. Рыблова — заместитель начальника прядильного цеха. Долгие годы работала секретарем партийной организации фабрики П. В. Белахова, член КПСС с 1932 года.

---

[1] «Туркменская искра», 1933, 9 марта; «Шуралар Туркменистаны», 1934, 8 марта.

[2] «Туркменская искра», 1933, 1 и 6 января, 8 марта; там же, 1934, 10 марта.

Рабочие и работницы фабрики живут в благоустроенных домах. Заработная плата в среднем на одного рабочего составляет около 90 рублей, а передовые рабочие и работницы получают свыше 110—120 рублей. Фабрика имеет свой клуб на 300 мест, детский сад и ясли.

Ныне в ряды работниц влились женщины и девушки с законченным средним и восьмилетним образованием. Эти работницы, воспитанные советской школой, работают и живут по-советски, внедряют в жизнь коммунистические начала в труде и в быту.

Взгляните, как выросли работницы промышленных предприятий! Расскажем об Эне Овезовой — молодой потомственной работнице Ашхабадской текстильной фабрики.

Мать Эне — Алтын Овезова около 30 лет проработала на этой фабрике вплоть до ухода на пенсию. Она— мать-героиня, вырастила десятерых детей. Алтын передала детям свою любовь к труду, к профессии текстильщицы.

Одна из них, Эне, унаследовала от матери любовь к профессии ткачихи. Окончив среднюю школу, она пошла работать тоже на текстильную фабрику. Здесь ее первым наставником была русская ткачиха Е. И. Кузнецова, которая обучила юную туркменку ткацкому мастерству. Эне Овезова — участница Всесоюзного совещания передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда, состоявшегося в 1960 году в Москве.

По примеру своей русской подруги В. Гагановой, Эне перешла в отстающую бригаду и вывела её в ряды передовых. В апреле 1963 года ранее отставшая бригада заслужила звание бригады коммунистического труда.

Советская власть высоко ценит доблестный труд трудящихся женщин. В 1960 году Эне Овезовой было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой Звезды. Являясь депутатом Верховного Совета ТССР 5, 6 и 7-го созывов и заместителем председателя Верховного Совета республики, она добросовестно выполняет свой долг и высокое доверие избирателей, систематически встречается с ними и чутко реагирует на их пожела-

ния и просьбы. В нашей стране для женщины созданы все условия, чтобы она могла сочетать доблестный труд и счастливое материнство. Эне является матерью пятерых детей. Она, как и другие работницы, устроила своих детей в сад и ясли. Для Эне, как и для других советских женщин, дети не являются помехой. Женщина-мать может принимать участие в общественно-полезном труде, расти духовно и повышать свой общеобразовательный и культурный уровень. Эне Овезова имеет немало своих последователей. Много туркменок славно трудятся на Ашхабадской текстильной фабрике.

Знатная ткачиха была избрана делегатом XIII съезда советских профсоюзов, состоявшегося в Москве 25 октября — 3 ноября 1963 года. На этом съезде Эне Овезова выступила и рассказала о своем коллективе.

Вот что писала «Правда» 4 ноября 1963 года в передовой статье «Для блага народа»:

«Очень убедительно говорила... с трибуны XIII съезда профсоюзов ткачиха Ашхабадской прядильно-ткацкой фабрики Герой Социалистического Труда Э. Овезова. На предприятии много сделано, чтобы работницы могли участвовать в общественной жизни, повышать свои знания, воспитывать детей: на фабрике есть детский сад, ясли с круглосуточными группами, ночной профилакторий, здравпункт, столовая, имеется хорошая библиотека и т. д. Именно эти и многие другие условия, созданные социалистическим государством, сделали естественным, что женщина-туркменка, бывшая веками бессловесной рабой, трудится теперь наравне с мужчиной, возглавляет предприятия, колхозы, учреждения, преподает в учебных заведениях, ведет научную работу»[1].

Эне Овезова — коммунистка. Она, выполняя свой партийный долг, принимает активное участие и в общественной жизни, выступает с докладами перед работницами. Она является активной заступницей прав работниц и матерей. Эне Овезова на XIX съезде КП Туркменистана, состоявшемся 24—25 февраля 1966 года, была избрана членом ЦК КП Туркменистана и де-

[1] «Правда», 1963, 4 ноября.

легатом на XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза.

На страницах республиканских газет восторженно рассказывается об Эне Овезовой, делегатке XXIII съезда КПСС. Вот, например, отрывок из статьи Ю. Саламанова «Щедростью сердца прекрасен человек», опубликованной в «Туркменской искре» 1 апреля 1966 года:

«Эне не ведет счет времени. Это не в её характере. Она приходит на комбинат раньше всех и уходит последней в своей смене. Дел много. Нужно ходатайствовать, чтобы многодетной семье дали квартиру, или выпустить молнию, нужно организовать воскресник или навестить больную. Конечно, она устает, у неё дома семья, но Эне помнит завет своих первых наставников: живи для других!

Старый мастер Илья Алексеевич Тихонов вспоминает, как она 16 лет назад пришла к нему в смену ученицей. Приставили её на обучение к Е. И. Кузнецовой. Крепко подружились русская женщина и туркменская девушка. Они и сейчас работают сменщицами. Вспоминает Илья Алексеевич, как росло мастерство Эне, как она подняла знамя движения за коммунистический труд на комбинате и по примеру В. Гагановой перешла в отстающую бригаду, чтобы поднять её до уровня передовой. А все свободное время Эне отдавала общественной работе.

Старый мастер горд. В его словах слышится радость. Еще бы! Та, кому он несколько лет назад давал рекомендацию в партию, сейчас представляет партийную организацию республики на XXIII съезде КПСС».

На многолюдном митинге рабочих и работниц комбината, посвященном XXIII съезду КПСС, прядильщица В. Морозова сказала:

«Вместе с другими делегатами большого партийного форума в Кремле заседает и наша подруга по совместной работе ткачиха Эне Овезова. Как она будет довольна, когда узнает, что в эти дни на комбинате с новой силой развернулось социалистическое соревнование, что у нас сейчас создаются комсомольско-молодежные бригады, основным девизом которых является досрочное выполнение задания первого года пятилетки»[1].

[1] «Совет Туркменистаны», 1966, 1 апреля.

Первыми предприятиями, куда наиболее широко привлекался женский труд, были и шелкомотальные фабрики. Дело это было не новое для восточниц—каждая из них в домашних условиях умела получать из коконов шелк. На шелкомотальных фабриках они довольно быстро осваивали необходимые производственные навыки.

Именно эти перспективы шелкомотальной промышленности в массовом вовлечении женщин восточных национальностей в социалистическое строительство особенно тщательно изучались. Только в 1931 году Средазбюро ЦК ВКП(б) три раза обсудило и приняло развернутые постановления, направленные на развитие быстрыми темпами шелкомотального производства и вовлечение в него женщин-восточниц. В важнейших партийных решениях по этому вопросу подверглись тщательному анализу развитие шелкомотальной промышленности в республиках Средней Азии, рост производительности труда, совершенствование техники и технологии производства, условия труда и быта рабочих и работниц, состояние и развертывание социалистического соревнования и т. д.

В них красной нитью проходит глубокая забота партии о массовом вовлечении женщин местных национальностей в шелкомотальное производство, о повышении производственной квалификации работниц, об обучении женской молодежи в школах ФЗУ; предусматривался рост удельного веса всех работниц до 90 процентов, а работниц из коренных национальностей до 75 процентов. Было так же принято решение о создании школ ФЗУ при Ашхабадской и Чарджоуской шелкомотальных фабриках.

Особое внимание уделялось улучшению труда и быта работниц, расширению сети детских учреждений, предприятий бытового обслуживания, улучшению питания, развитию санитарной гигиены и т. д.

Средазбюро ЦК ВКП(б) указало на конкретные формы и методы массово-разъяснительной работы среди населения. В частности, предлагалось командировать партийных работников для организованного набора рабочей силы, посылать самих работниц в аулы к дайханкам по набору их на фабрики и т. д.

Эта постоянная забота партийных организаций о

массовом вовлечении туркменок в шелкомотальные фабрики дала свои замечательные плоды.

Опыт раскрепощения туркменок еще и еще раз опровергает старую «истину», что удел женщин — быть позади. В Туркменистане социалистическое соревнование началось впервые на «женских» предприятиях, а именно — на шелкомотальных фабриках.

Первый почин принадлежал Ашхабадской шелкомотальной фабрике. На Ашхабадской шелкомотальной фабрике при пуске её в эксплуатацию работала 161 женщина, среди которых туркменки составляли небольшую группу. Уже в 1933 году к концу первой пятилетки работало 153 туркменки, а всего более 470 женщин[1].

Предприятие отставало. Итоги первого квартала 1929 года оказались мало утешительными, производственный план был выполнен лишь на 57—60 процентов, постоянно прогуливали 7—10 процентов работниц.

Профсоюзы делами производства не интересовались, производственные совещания рабочих бездействовали.

Чтобы подтянуть фабрику, работницы сами избрали штаб социалистического соревнования и ударничества. Ввели в его состав представителя парткома в лице женорганизатора, членов фабкома, комсомольцев, лучших работниц. Провели митинги по цехам, начали выпускать ежедневный листок «Подтянись!», где сурово бичевали разгильдяев, лодырей, прогульщиков, называя их имена. Это подействовало.

Лучшие работницы предложили организовать ударные бригады. Первая бригада в течение пяти дней повысила производительность труда на 10 процентов. Работницы стали соревноваться индивидуально, заключали договоры друг с другом. За короткий срок прогулы сошли на нет, план второго квартала был выполнен в срок, а годовой план того же 1929 года — перевыполнен.

---

[1] «Правда Востока», 1933, 8 марта; см.: Перимова Т. П. и Белова Л. Я. 10 лет на фронте борьбы за раскрепощение женщины. Ашхабад, Туркменгосиздат, 1929, стр. 14; «Туркменская искра», 1933, 9 марта.

Социалистическое соревнование помогло покончить с отставанием фабрики, выполнить производственные планы, подтянуло лодырей и прославило передовых работниц. Так могучее движение — социалистическое соревнование помогло отсталой восточнице стать настоящей работницей по сознательности, и по квалификации своего труда не отставать от своих подруг — русских работниц.

Работницы фабрики шли в первых рядах ударников. Фабрика, начиная с 1923 года, ежегодно перевыполняла производственную программу. По качеству продукции и по производительности труда она неизменно занимала первое место среди аналогичных предприятий Средней Азии. В этом сказалась сила освобожденой труженицы Советского Востока, отдавшей всю энергию делу победы социализма. В республике стали популярными имена мотальщиц Сона Дангатаровой, сестер Гозель, Айджемал и Набат Курбановых, Ягши Бяшимовой и многих, многих других передовиков производства.

Передовая производственница Айджемал Курбанова 3 февраля 1933 года выступила с открытым письмом в республиканской газете «Туркменская искра». Она писала: «Своих родителей я помню очень смутно. Они умерли, когда мне было 7 лет. И я, отданная на воспитание к чужим людям, прожила у них одиннадцать лет. Приемные родители продали меня за 40 рублей замуж. Я столкнулась с работницами шелкомотальной фабрики, приехавшими летом в отпуск в наш аул Хосров, Каахкинского района. Их рассказы о фабрике сильно заинтересовали меня. В 1928 году я покинула аул и приехала в Ашхабад, поступила на шелкомотальную фабрику. Меня выдвинула фабрика инструктором 13 и 14 бригад. Я — член бюро низовой ячейки партии».

В 1934 году по инициативе работниц Ашхабадской шелкомотальной фабрики был проведен конкурс на лучшую мотальщицу. Женской бригаде, взявшей первенство, присваивалось имя славного вождя Коммунистической партии Болгарии Георгия Димитрова, бригада заносилась на Республиканскую Красную Доску почета.

Стахановка Набат Курбанова — первая из работ-

ниц Туркмении в 1935 году была награждена орденом Ленина. Она участвовала в приеме, устроенном правительством СССР делегациям Туркменской и Таджикской ССР. Позже, выступая на собрании, обсуждавшем проект Конституции СССР 5 сентября 1936 года, она рассказала об этом знаменательном событии в своей жизни. Она шести месяцев от роду осталась без отца, 13 лет её продали баю. Только Советская власть вырвала её из байского насилия и сделала счастливой строительницей новой жизни. Вспоминая о приеме в Кремле, она говорила:

— Я, простая работница-туркменка, сидела за одним столом с руководителями партии и правительства. Радость переполняла мое сердце, когда я слушала слова, обращенные к нам — делегаткам Туркмении и Таджикистана. Я подумала тогда, что как ни тяжело приходилось мне в юности, один такой вечер в Кремле заставит забыть о всехнесчастьях прошлого... Я знаю, что наши успехи — большая радость для всей партии, и потому хочется всюду успевать и делать вдвойне, втройне больше, чем до сих пор.

Женщинам-туркменкам, ставшим равноправными работницами, наша партия помогла вырваться из цепей байского рабства. Об этом свидетельствует и следующий рассказ инструктора шелкомотальной фабрики Мередовой: «В семье, которая меня удочерила, меня безжалостно эксплуатировали... Женотдел указал мне путь, по которому должна идти туркменская девушка»[1].

Много женщин работало и на других промышленных предприятиях. Так, на Ашхабадском стекольном заводе им. Профинтерна в начале 1933 года из 549 рабочих было 297 женщин, на Ашхабадском хлебозаводе работало 26 женщин[2].

Росту активности, повышению сознательности трудящихся женщин республик Средней Азии помогло также социалистическое соревнование, организованное между Узбекской и Туркменской ССР, сроком на два года — с 1 сентября 1931 года по 1 сентября 1933 года. Документ, закрепивший это соревнование между двумя братскими республиками, был назван договором миллионов.

[1] «Туркменская искра», 1935, 12 октября.
[2] Там же, 1933, 2 февраля.

Туркменские поэты К. Сейитлиев, Т. Эсенова, А. Ковусов в гостях у работниц Реутовской фабрики

Заслуженная ковровщица ТССР А. Газакова среди юных мастериц

Знатная ткачиха Герой Социалистического Труда Э. Овезова среди работниц

Председатель колхоза «Коммунизм» Туркмен-Калинского района, Герой Социалистического Труда Гызылгуль Аннамухамедова

Герой Социалистического Труда доярка Сулгун Аннакулиева на колхозной ферме

Систематическая взаимная проверка социалистического договора между республиками дала хорошие результаты: усилилась партийно-массовая работа среди женщин, возросло их участие в производительном труде, выдвижение их на руководящую работу.

Проверка выполнения «договора миллионов», возглавленная партийными организациями обеих республик, была проведена в начале 1933 года. Итоги проверки были опубликованы в республиканских газетах к 8 марта 1933 года.

К этому времени численность рабочего класса в промышленности Средней Азии выросла с 24 тысяч в начале первой пятилетки до 100 тысяч человек к ее концу, а количество работниц — с 4384 до 18 тысяч человек. В одной только шелковой промышленности к концу первой пятилетки работало 5441 женщина вместо 1604 в начале пятилетки. Ежегодно в крае свыше семи тысяч работниц проходили курсы по повышению квалификации[1].

Проверка показала, что в Туркменской ССР удельный вес женщин к общему числу работающих на предприятиях шелковой промышленности составляет 68,3 процента, из них туркменок — 20 процентов. В текстильной промышленности в общем числе работающих было 18 процентов туркменок. В пищевкусовой промышлености работало 2 процента женщин, в хлопковой промышленности — 18,4 процента, из них 4 процента туркменок.

Число работниц росло нарастающими темпами. Если в первый год образования республики, то есть в 1925 году было 3000 работниц, в 1928 году 4200, то уже в 1932 году их стало 18300 человек, или 34 процента к общему числу рабочих и служащих республики[2].

Это были первые успехи в вовлечении женщин в промышленное производство. Но в этом большом деле имелись и серьезные недостатки. Так, план вовлечения женского труда в промышленность республики

---

[1] См.: Материалы для докладчиков к Международному женскому дню. Агитмассовый отдел Средазбюро ЦК ВКП(б). «Коммунист Таджикистана», 1933, 6 марта.

[2] 15 лет Туркменской ССР. Статсправочник. Ашхабад, Партиздат, 1939, стр. 10, 87.

в 1931 году был выполнен только на 25 процентов[1], а число девушек в школах ФЗО составляло всего 19,8 процента к общему числу учащихся[2]. Сравнительно мало женщин выдвигалось на руководящую работу в промышленности. Например, в 1931 году из 636 выдвиженцев женщины составляли 99 человек[3].

Итоги социалистического соревнования между женщинами Туркменистана и Узбекистана были обсуждены 4 марта 1933 года на бюро ЦК КП(б) Туркменистана. Отмечалось, что договор и взаимопроверка его значительно подняли производственную и политическую активность женщин. Вместе с тем бюро ЦК КП(б) Туркменистана указало на то, что договор по вовлечению женщин в промышленное производство полностью не выполнен. Так, например, работницы в текстильной промышленности составляют 71 вместо 82 процентов согласно договору, на хлопкоочистительных заводах — 18,4 вместо 25 процентов.

В подготовке кадров работниц из числа туркменок большую роль сыграли созданные в годы первой пятилетки в Ашхабаде индустриальный, шелкомотальный, текстильный техникумы и вечерний рабфак.

В них ежегодно обучалось более 800 учащихся, в том числе девушек свыше 200[4].

Работницы-туркменки шли в первых рядах борцов за искоренение феодально-байских пережитков. 14 работниц-туркменок текстильной, шелкомотальной и швейной фабрик Ашхабада 12 октября 1935 года обратились ко всем туркменкам с призывом вести решительную борьбу с феодально-байскими пережитками, тормозящими завершение фактического раскрепощения женщины-туркменки. «Мы обращаемся к тем женщинам-туркменкам,— писали они,— которые еще не нашли в себе смелость порвать с пережитками проклятого прошлого — сбросить яшмак и борик. Выступайте смело против калыма, разоблачайте антисоветских нарушителей прав женщин! Сбросьте яшмак и борик!»[5]

---

[1] «Шуралар Туркменистаны», 1933, 8 марта.
[2] «Туркменская искра», 1932, 10 января.
[3] Там же, 8 марта.
[4] Там же, 1933, 9 марта.
[5] Там же, 1935, 12 октября.

Это обращение работниц нашло широкий отклик среди дайханок, и в особенности среди женской молодежи. Многие перестали носить яшмак и борик. Вот один пример. Огульсапар Чарыева, делегатка на Всетуркменском съезде профсоюзов хлопчатобумажной промышленности от Марыйского хлопкозавода, заявила: «Довольно. С сегодняшнего дня я отказываюсь от ношения борика и порываю всякую связь со старым обычаем. Я обязуюсь уговаривать поступить также своих подруг по заводу, по аулу, и всех трудящихся женщин-туркменок». Так простая женщина-туркменка решительно выступила против вредных обычаев прошлого. Впоследствии она стала одной из передовых работниц завода.

В повышении производственной активности туркменок, и в особенности женской молодежи, вовлечении их в промышленные предприятия республики большую роль играли комсомольские организации.

Значительным событием в жизни молодых тружениц явились проводившиеся в республике съезды женской молодежи.

Из года в год росло число работниц-туркменок на фабриках и заводах. Одновременно с развитием индустриальной мощи Советского Союза высокими темпами развивалась и промышленность Туркменистана. В 1940 году на промышленных предприятиях республики работало 12000 туркменок; на железнодорожном транспорте трудилось 2500 женщин.

Строительство социализма в нашей стране было строительством новой, счастливой жизни, свободной от социального и национального гнета, и оно принесло женщине освобождение от оков рабства, сделало её экономически независимой от мужчины. Социалистическое переустройство народного хозяйства вызвало ломку старого феодального и буржуазного быта и семьи, послужило основой для нового социалистического быта, для новой семьи. Прежние феодальные и буржуазные взаимоотношения, при которых женщина была унижена, заменены новыми социалистическими взаимоотношениями, поставившими женщину в равное положение с мужчиной.

О своей новой жизни работница-туркменка Ягши Бяшимова — мотальщица шелкомотальной фабрики —

в дни всенародного обсуждения проекта Конституции Союза ССР сказала так:

«Десятки лет тянулась голодная рабская жизнь, и я даже мечтать не могла о каких-нибудь переменах. Только Советская власть освободила нас, туркменских женщин, от тяжелых цепей. Мы вышли на широкую дорогу, которая привела нас к счастью. По этой дороге сейчас идут десятки тысяч женщин Советского Туркменистана»[1].

Победа социализма в нашей стране законодательно закреплена в Конституции СССР и Конституциях союзных и автономных республик. В них нашло яркое выражение равноправие женщины с мужчиной. По Конституции Туркменской ССР, например, нарушение женского равноправия признано уголовным преступлением, которое карается законом.

На базе построения социализма и вовлечения трудящихся женщин в промышленное производство, в колхозное и культурное строительство было осуществлено раскрепощение женщин, достигнуто фактическое равноправие их с мужчиной.

Но это вовсе не означало, что положен конец пережиткам капитализма в сознании людей, а тем более феодальным и буржуазным взглядам на женщину.

Пережитки старого, отжившего в сознании людей являются цепкими. Это хорошо сознавали партийные, советские и общественные организации Туркменской ССР, усилившие работу по преодолению пережитков феодально-байского отношения к женщине, за упрочение и дальнейшее развитие социалистического общества, за укрепление мощи Советского государства. Так, в 1939 году бюро ЦК КП(б) Туркменистана семь раз обсуждало вопрос о работе среди женщин.

Усиливалась работа и комсомольских организаций по коммунистическому воспитанию женской молодежи. В 1939 году пленум ЦК ЛКСМ Туркменистана на основе постановления бюро ЦК КП(б) Туркменистна от 27 января 1939 года обсудил вопрос «О работе комсомола среди женской молодежи». С 1 по 15 сентября 1939 года повсеместно в республике проводились со-

---

[1] «Туркменская искра», 1936, 6 сентября.

брания, городские и районные конференции женской молодежи на промышленных предприятиях, предприятиях связи, на транспорте, в колхозах и учебных заведениях. Эти мероприятия значительно подняли политическую активность женщин и девушек-туркменок. Только в 40 районах республики в конференциях женской молодежи участвовало 4839 делегаток.

15 апреля 1940 года ЦК КП(б) Туркменистана принял развернутое постановление «Об усилении борьбы с феодально-байскими пережитками по отношению к женщине». В августе того же года ЦК КП(б) Туркменистана организовал проверку выполнения указанного постановления местными партийными организациями Чарджоуской и Ашхабадской областей. Проверка показала неудовлетворительное выполнение постановления ЦК КП(б) Туркменистана. На основе материалов этой проверки ЦК КП(б) Туркменистана 11 сентября 1940 года вновь обсудил и принял постановление «Об усилении борьбы с проявлениями феодально-байского отношения к женщине».

Последовательная политика Советской власти в вопросе равноправия женщины с мужчиной и неуклонное проведение ее в жизнь подняли и самих женщин на активную борьбу против носителей феодально-байских пережитков, нарушителей законов о раскрепощении женщины. Каждая работница промышленного предприятия активно влияла на женщин и девушек аула и района. Таким образом, задача вовлечения женщины-туркменки в социалистическое производство, в отрасли промышленности решалась партийными, советскими, общественными организациями республики при активной помощи самих женщин-работниц.

На примере борьбы КП Туркменистана и правительства Туркменской ССР за раскрепощение женщины ярко видно, что одной из очень трудных задач в этом величайшем преобразовании была задача вовлечения женщин в промышленное строительство. Но несмотря на большие трудности, которые пришлось преодолеть в Советском Туркменистане при осуществлении фактического раскрепощения женщины, партия одержала полную победу. И это удалось благодаря тому, что политика равноправия женщины с мужчиной в об-

ществе и в семье полностью отвечала кровным интересам широких масс трудящихся.

В грозные 1941—1945 годы туркменки, как и все советские женщины, показали свой высокий патриотизм, беспредельную любовь к своей великой Родине, умение преодолевать все трудности и выполнять самую сложную работу. Женщине в годы войны выпала трудная доля — быть и отличной труженицей, и хорошей матерью, и стойкой защитницей своего отечества.

И если в начале 1941 года в промышленности Туркменистана работало свыше 56000 женщин, то уже в 1943 их стало свыше 85000.

Тысячи женщин, впервые пришедшие на предприятия, освоили сложные, трудные рабочие специальности. На Ашхабадском механизированном стекольном заводе им. М. И. Калинина, например, 70 женщин стали дизелистами, слесарями, электриками. В Ашхабадском паровозном депо 84 женщины работали машинистами, слесарями, токарями. Туркменка Д. Гельдыева стала помощником машиниста локомотива; Нурсолтан Бердыева — освоила профессию монтера электростанции нефтяного промысла «Вышка».

Женщины Советского Туркменистана с теплотой и сердечностью принимали эвакуированных из прифронтовых районов женщин и детей, устраивали их как родных, как близких в своих домах, делали все, чтобы утешить их горе.

В народе говорят, что друг познается в беде. В эти трудные годы, в суровой борьбе и труде еще более сблизились, сдружились женщины различных национальностей.

Женщины Туркменистана сдавали в фонд обороны, в фонд помощи семьям фронтовиков значительные средства, посылали на фронт теплую одежду, подарки и письма.

Труженицы Туркменистана вместе со всеми советскими женщинами с честью выдержали испытания Великой Отечественной войны. Они вдохновляли на ратные подвиги своих мужей, сыновей и братьев.

О высоких моральных качествах советских женщин М. И. Калинин говорил:

«Сколько в нашей литературе и в истории нашей страны имен женщин, показавших высокие образцы мо-

рального духа! Но, разумеется, все предыдущее бледнеет перед великой эпопеей нынешней войны, перед героизмом и жертвенностью советских женщин, проявляющих гражданскую доблесть, выдержку при потере любимых и энтузиазм в борьбе с такой силой и, я бы сказал, величественностью, каких никогда не наблюдалось в прошлом»[1].

В годы войны Коммунистическая партия и Советское правительство ни на минуту не забывали об улучшении условий труда и быта работниц. Достаточно назвать лишь несколько фактов. Так, 8 июля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР было запрещено привлекать к сверхурочным и ночным работам беременных женщин и женщин, кормящих грудью. Увеличен был отпуск по беременности и родам работницам и женщинам-служащим с 63 до 77 календарных дней, с выдачей на этот период пособия за счет государства в ранее установленных размерах.

В случае ненормальных родов или рождения двойни отпуск после родов предоставляется продолжительностью 56 календарных дней. Президиум Верховного Совета СССР обязал руководителей предприятий и учреждений предоставлять беременным женщинам очередной отпуск, приурочивая его к отпуску по беременности и родам. 18 августа 1944 года СНК СССР утвердил положение о порядке назначения и выплаты государственных пособий и предоставления льгот беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям.

21 июля 1947 года секретариат ВЦСПС принял постановление «Об улучшении работы профсоюзных организаций по контролю над соблюдением хозяйственными органами законодательства о рабочем времени и отдыхе, отпусках, труде женщин и подростков». ВЦСПС обязал фабрично-заводские комитеты «повести решительную борьбу со скрытыми сверхурочными работами и с отработкой простоев по окончании рабочего дня и в выходные дни, добиваться строгого соблюдения законодательства, запрещающего привлечение к сверхурочным работам подростков, кормящих матерей, беременных женщин, начиная с четырех месяцев беременно-

---

[1] М. И. Калинин. О моральном облике нашего народа. М., Госполитиздат, 1947, стр. 31—32.

сти, больных активной формой туберкулеза; не допускать работы в дни отдыха, кроме случаев, предусмотренных законом», строго контролировать соблюдение законодательства о запрещении применения труда женщин на тяжелых и вредных работах. ВЦСПС обратил внимание министерств на необходимость расширения механизации тяжелых и трудоемких работ по добыче торфа и о полной замене в течение 1947—1948 годов женского труда мужской рабочей силой на работах, связанных с переноской и передвижением тяжестей.

В дополнение к Указу от 8 июля 1944 года Президиум Верховного Совета Союза ССР 19 марта 1949 года принял постановление, по которому беременным женщинам-работницам и служащим (с момента установления беременности) и матерям, имеющим детей в возрасте до одного года, было предоставлено право перехода на другую работу по месту жительства с сохранением за ними непрерывного трудового стажа; была снижена на 50 процентов плата за содержание в детских садах и яслях детей одиноких матерей, заработок которых не превышает 600 рублей.

Президиумом Верховного Совета Союза ССР было установлено, что за отказ в приеме на работу матерей, кормящих грудью, и снижение им заработной платы по этим мотивам виновные привлекаются к ответственности по статье 133а Уголовного кодекса РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик[1].

Когда прошли годы суровых военных испытаний, роль женщин, их участие в социалистическом строительстве не только не уменьшилась, а даже возросла. Великая победа над врагом дала женщинам, как и всем трудящимся, новые силы для творческого труда.

Партийные и советские организации Туркменистана и в послевоенные годы уделяли много внимания улучшению труда и быта работниц. Эта работа особенно усилилась на основе осуществления постановления ЦК ВКП(б) от 9 октября 1945 года «О работе ЦК КП(б) Туркменистана», в котором были указаны серьезные недостатки партийной организации республики и в работе среди женщин.

---

[1] Ведомости Верховного Совета СССР, 1949, № 26.

Выполняя постановление ЦК ВКП(б), партийные организации Туркменистана провели ряд важных мероприятий, направленных на дальнейшее повышение политической и производственной активности женщин. Были созданы отделы по работе среди женщин в Центральном Комитете, обкомах, горкомах и райкомах КП(б) Туркменистана. На промышленных предприятиях, в совхозах и колхозах был организован 1451 женсовет. ЦК КП(б) Туркменистана провел совещание с руководителями всех отраслей народного хозяйства республики по вопросу о вовлечении женщин в общественную и производственную работу, об улучшении условий труда и быта работниц, об усилении борьбы за преодоление пережитков феодально-байского отношения к женщине и т. д.

10 декабря 1945 года бюро ЦК КП(б) Туркменистана обсудило и приняло развернутое постановление о работе среди женщин текстильной и легкой промышленности ТССР. Спустя некоторое время, женотдел ЦК КП(б) Туркменистана организовал проверку выполнения этого постановления, а 7 марта 1946 года вопрос вновь был поставлен на бюро ЦК КП(б) Туркменистана. Были заслушаны доклады народных комиссаров текстильной и легкой промышленности республики. Бюро ЦК КП(б) Туркменистана указало на неудовлетворительность выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 9 октября 1945 года и обратило внимание народных комиссаров и руководителей предприятий текстильной и легкой промышленности на необходимость решительного улучшения работы по дальнейшему вовлечению женщин в промышленное производство и в особенности безотлагательного улучшения условий труда и быта работниц.

5—6 сентября 1946 года состоялось совещание с заведующими отделами партийных комитетов по работе среди женщин, на котором обсуждался вопрос «О ходе выполнения решения ЦК ВКП(б) от 9 октября 1945 года «О работе ЦК КП(б) Туркменистана» по разделу работы среди женщин.

Повышению политической и производственной активности молодых работниц способствовали собрания и конференции женской молодежи, проведенные в сентябре и октябре 1947 года с повесткой дня: «Об уча-

стии женской молодежи в выполнении четвертого пятилетнего плана», и V Республиканский съезд женской молодежи, который обсудил этот же вопрос.

На собраниях женской молодежи на промышленных предприятиях, в учреждениях, МТС, совхозах, колхозах и учебных заведениях приняло участие около 80 тысяч комсомолок и женской молодежи, на городских и районных конференциях — 4255 и на съезде — 400 делегаток.

Спустя месяц после XX съезда КПСС, 26 марта 1956 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении продолжительности отпусков по беременности и родам». В целях дальнейшего улучшения охраны материнства и младенчества был увеличен отпуск по беременности с 77 до 112 календарных дней, а в случае ненормальных родов или при рождении двух и более детей послеродовой отпуск предоставляется продолжительностью 70 календарных дней, с выдачей за этот период пособия в установленном порядке. На основе этого Указа Президиума Верховного Совета СССР Совет Министров Союза ССР 29 июня 1956 года принял постановление и утвердил новое положение «О порядке назначения и выплаты пособий беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям».

Согласно постановлению руководители предприятий, организаций и учреждений обязаны предоставлять женщинам по их просьбе после окончания отпуска по беременности и родам дополнительный отпуск на срок до трех месяцев без сохранения заработной платы. За женщинами, оставившими работу в связи с рождением ребенка, сохраняется непрерывный трудовой стаж, если она поступила на работу не позднее одного года со дня рождения ребенка.

За время отпуска по беременности и родам женщине, работающей без перерыва на данном предприятии или в учреждении не менее трех месяцев, выдается пособие из средств государственного социального страхования в порядке и размерах, установленных действующим законодательством. В случае предоставления дородового отпуска женщинам — молодым специалисткам, направленным на работу по путевкам министерств и ведомств по окончании высшего и среднего

специального учебного заведения или аспирантуры, пособие по беременности и родам за счет средств государственного социального страхования выдается независимо от непрерывного стажа работы. При этом, если отпуск по беременности и родам предоставлен до начала работы, то пособие выдается со дня, назначенного для явки на работу.

В 1957 году Совет Министров Туркменской ССР принял новое решение, направленное на дальнейшее улучшение труда и быта женщин-работниц. Согласно постановлению в городских школах республики для учащихся 1—4 классов, родители которых заняты на производстве и не могут обеспечить должного наблюдения за своими детьми, были созданы 70 специальных групп так называемого продленного дня, в которых дети находятся под наблюдением педагогов-воспитателей. Это явилось огромной помощью женщине-работнице в воспитании детей. В постановлении указывалось на необходимость улучшить снабжение школьных буфетов, организации горячих завтраков. Для организации внешкольной работы были намечены меры по созданию детских спортивных площадок; для улучшения санитарно-бытового обслуживания работниц на предприятиях республики в 1957 году оборудуются комнаты для кормления детей, комнаты личной гигиены женщины и т. д. В Фирюзе организуется специальное отделение в доме отдыха им. Воровского для отдыха беременных женщин и матерей с детьми.

Все эти мероприятия — проявление величайшей и неустанной заботы Коммунистической партии и Советского государства о женщине-матери. Введение сокращенного рабочего дня в предвыходные и предпраздничные дни, улучшение работы предприятий общественного питания, увеличение продолжительности отпусков по беременности и родам, организация школ-интернатов — все это означает практическое осуществление намеченных ленинской партией мероприятий по улучшению условий труда и быта советских людей, в том числе и женщин.

Тысячи женщин нашей республики проявляют высокий патриотизм в труде на предприятиях промышленности, на транспорте и связи, на многочисленных стройках. Советские женщины борются за увеличение

выпуска промышленной продукции, за повышение производительности труда, за улучшение работы транспорта, за сокращение сроков строительства промышленных зданий, сооружений жилых домов. Многие женщины республики являются подлинными инициаторами прогрессивных методов труда, рационализаторами производства, борцами за технический прогресс.

Колоссальная работа, проведенная партийными, советскими, общественными организациями, дала свои замечательные плоды. В 1963 году в Туркменской ССР насчитывалось 348 тысяч рабочих и служащих, из них 131,3 тысячи женщин, что составляет 39 процентов, а к началу 1964 года численность женщин — рабочих и служащих в республике составила 135 тысяч человек или же 39 процентов к общей численности работающих. А ведь в 1925 году, в первом году существования республики, удельный вес работниц составлял лишь 7 процентов[1].

Из общего числа 131,3 тысячи женщин — рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, 33,6 тысячи работниц занято в сфере промышленного производства республики, что составляет 44 процента к общему числу промышленно-производственного персонала. Удельный вес работниц на 1 октября 1963 года составил на предприятиях общественного питания 79 процентов, торговли и снабжения — 38 процентов, связи — 57 процентов, в совхозах и сельскохозяйственных предприятиях — 22 процента, на транспорте — 19 процентов, в строительстве — 14 процентов[2].

Женщины-работницы, в том числе и туркменки, широко выдвигаются на руководящую хозяйственную работу. Только в 1962—1964 годах было направлено на хозяйственную работу 135 туркменок-работниц, из них директорами промышленных предприятий — 51, главными инженерами и начальниками цехов — 83 человека[3].

Массовое вовлечение женщин в социалистическое строительство было обусловлено бурным развитием всех отраслей народного хозяйства Туркменской ССР.

Если в первые годы Советской власти борьба шла

---

[1] Советский Туркменистан за 40 лет, стр. 99—100.
[2] Там же.
[3] Текущий архив ЦК КП Туркменистана.

за то, чтобы обучать женщин производственным квалификациям, то теперь речь идет о все более широком охвате работниц сетью высшей и средней школы. Сейчас трудно встретить работниц на производстве без производственной квалификации. Эта задача была успешно решена в годы строительства социализма наряду с массовым вовлечением женщин в промышленное производство.

Теперь за славные 50 лет, прошедшие со дня победы Великой Октябрьской социалистической революции, женщины Туркменистана заняли свое достойное место в рядах специалистов с высшим и средним специальным образованием. В настоящее время в республике 9,9 тысячи женщин имеет высшее специальное образование, что составляет 37,4 процента к общей численности специалистов высшей квалификации. Среди них одна тысяча инженеров и 600 экономистов[1]. 18,3 тысячи женщин имеют среднее специальное образование, что в удельном весе к общему числу специалистов данной квалификации составляет 50,3 процента, в том числе техников 3,5 тысячи человек, экономистов — 1,6 тысячи.

Разве это не примечательно, что в Туркменистане с населением 1720 тысяч человек имеется 28,2 тысячи женщин с высшим и средним специальным образованием, что составляет 44,3 процента всех специалистов, занятых в народном хозяйстве республики[2].

Так под руководством ленинской Коммунистической партии женщина-туркменка, угнетенная из угнетенных, сбросила с себя вековые оковы рабства, перешагнула через запреты ислама и шариата и влилась в ряды великой армии строителей коммунистического общества.

Дайханки в колхозах

Нелегким был путь туркменки в колхозы, непроторённый, неизведанный, извилистый, негладкий...

В годы коллективизации сельского хозяйства шла напряженная борьба за ликвидацию тяжелого насле-

[1] Советский Туркменистан за 40 лет, стр. 106.
[2] Там же, стр. 106—107.

дия прошлого — остатков патриархально-родовых и феодальных отношений в быту и в семье.

Эта борьба обострялась тем обстоятельством, что шел одновременный процесс ликвидации кулачества. Кулачество — последний эксплуататорский класс в деревне,— как раненый хищный зверь, отчаянно сопротивлялось.

Исход этой борьбы был решен окончательно и бесповоротно — колхозный строй победил и в туркменском ауле.

До Великой Октябрьской социалистической революции, как уже отмечалось, среди дайханских хозяйств земледельческой части бывшей Закаспийской области было: без посевов — 14,2 процента, без рабочего скота — 28,4 процента, без сельскохозяйственного инвентаря — 50,6 процента.

Ко времени коллективизации, то есть в 1927 году, в Туркменской ССР трудящиеся дайхане, кустари и ремесленники составляли 78,7 процента всего населения республики. Из общего числа земледельческих хозяйств республики было: байско-кулацких—4—5 процентов, бедняцких — 40 процентов, середняцких — 55 процентов[1].

Колхозное строительство в ауле вызвало не только коренную перестройку мелких крестьянских хозяйств. Оно вместе с тем подвергало ломке быт и психологию, разрушало темноту и невежество дайханских масс.

В этом историческом преобразовании сельского хозяйства, безусловно, велика роль женщин. И это вполне закономерно, ибо половину сельского населения республики составляли дайханки. Поэтому пробуждение аульных туркменок от вековой покорности и безропотности, рост их политической и трудовой активности явились решающими факторами, обеспечившими победу колхозного строя.

Однако раскрепощение туркменок достигалось в чрезвычайно трудной и сложной борьбе с косностью и консерватизмом во взглядах на женщину, с вековыми реакционными традициями: ведь подвергались ломке устоявшиеся на протяжении многих столетий взаимоотношения полов в обществе и в семье, казав-

[1] 15 лет Туркменской ССР, стр. 5, 26.

шиеся священными для неграмотного и невежественного дайханина.

Путь дайханок в колхозы прокладывался Советским государством в ожесточенных схватках с байством и реакционным духовенством, пытавшимися вопреки поступательному движению истории преградить туркменской женщине этот светлый путь. Борьбу трудящихся дайханок за раскрепощение, за колхозный строй возглавляла Коммунистическая партия.

С самого начала колхозного движения партия уделяла большое внимание вовлечению женщин в сельскохозяйственные артели, правильной организации и использованию их труда, выдвижению женщин на руководящие посты в колхозах.

Партия приложила много сил, чтобы подготовить женские крестьянские массы к широкой коллективизации как путем развертывания политико-воспитательной работы, так и путем вовлечения их в простейшие кооперативные объединения—шелководческие, птицеводческие, в товарищества по совместной обработке земли и т. д.

На повышение политической и производственной активности тружениц было направлено постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» от 15 июня 1929 года. ЦК партии подчеркнул, что в период социалистической реконструкции народного хозяйства привлечение широких трудящихся женских масс к активному участию в социалистическом строительстве приобретает первостепенное значение.

Центральный Комитет партии потребовал от местных партийных, советских и общественных организаций направить все усилия к мобилизации и организационному закреплению возросшей активности работниц, батрачек и крестьянок для быстрейшей социалистической реконструкции народного хозяйства.

Особо важное значение приобретало усиление работы среди женщин Востока. «Огромный рост активности трудящихся женщин Советского Востока,—говорилось в постановлении ЦК ВКП(б), — выявившийся во время перевыборов Советов, в условиях обострения классовой борьбы и все возрастающего стремления со стороны ду-

ховенства и байства подчинить своему влиянию отсталые женские массы, ставит с особой остротой вопрос о закреплении возросшей активности трудящихся женщин Советского Востока, их классовом воспитании и направлении их в русло практической работы по линии Советов, профсоюзов, кооперации. На выполнение этой задачи должна быть направлена работа женских клубов, юрт, консультаций, делегатских собраний и т. д. Ни в коем случае не допускать администрирования в работе среди женщин местных национальностей. Необходимо уделять особое внимание подбору и подготовке работников среди женщин, организуя для этого специальные курсы»[1].

В постановлениях ЦК ВКП(б) «О практических мероприятиях по подготовке колхозниц к выдвижению» от 11 октября 1930 года и «О работе среди колхозниц» от 1 апреля 1931 года внимание местных партийных организаций обращалось на необходимость развертывания массовой работы среди колхозниц, развития производственно-хозяйственной активности и инициативы путём широкого применения женского труда во всех видах сельскохозяйственных работ, в том числе и квалифицированных — на тракторах, сложных машинах, а также правильной организации труда — введения сдельной оплаты, развертывания соревнования и ударничества, организации агротехнической учебы.

Центральный Комитет партии потребовал от партийных организаций сосредоточить внимание на широком привлечении женщин к работе по увеличению производства технических культур — хлопка, льна, свеклы и т. д., к работе на фермах молочного животноводства, птицеводства, на решительном выдвижении колхозниц на руководящую работу.

В первые годы колхозного строительства Советское правительство принимает ряд важнейших постановлений, направленных на развертывание работы по массовому вовлечению женщин в колхозное строительство. Советское правительство в постановлении «О мерах вовлечения женщин в сельскохозяйственную кооперацию» от 8 мая 1929 года установило ряд льгот по паевым взносам, оказанию помощи через фонд кооперi-

[1] «Коммунист», 1929, № 14, стр. 48.

рования бедноты крестьянкам-одиночкам, беднячкам, батрачкам в целях поголовного вовлечения их в колхозы. Рекомендовалось для начала создание специальных женских сельскохозяйственных товариществ и артелей, в особенности в таких отраслях, как маслодельная, птицеводческая, животноводческая, шелководческая, где преобладает женский труд. Давались директивные указания об оказании помощи колхозницам, беднячкам, батрачкам, а также о кредитовании различных краткосрочных курсов по повышению производственной квалификации колхозниц, подготовке кадров женского актива и т. д.

СНК СССР предложил Центральному правлению сельскохозяйственной кооперации «усилить организационно-инструкторское и хозяйственное обслуживание артелей и коллективов, в составе которых преобладают женщины, в особенности в Средней Азии...»[1].

Президиум ЦИК СССР в эти годы направляет директивные указания в ЦИК Туркменской ССР, как и в ЦИК других республик, о необходимости осуществления конкретных мероприятий по оказанию материальной и финансовой помощи крестьянкам, по проведению организационных мер для массового вовлечения беднячек и батрачек в колхозы.

Эти исторические решения ЦК ВКП(б) и Советского правительства явились основополагающими в деятельности Средазбюро ЦК ВКП(б), ЦК КП Туркменистана и правительства ТССР. В 1930—1933 годах с повестки дня не сходят вопросы раскрепощения туркменок путём массового вовлечения их в колхозное строительство.

Как Средазбюро ЦК ВКП(б), так и ЦК КП Туркменистана и ЦК КП других среднеазиатских республик, подвергали тщательному анализу состояние женского труда в колхозах, факты ущемления прав колхозниц. Были вскрыты факты записывания трудодней колхозниц другим лицам и т. д. Подобные явления немедленно пресекались, и виновные подвергались строгому наказанию.

9 февраля 1931 года Средазбюро ЦК ВКП(б) обсудило вопрос о вовлечении батрачек, беднячек, середня-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 13, д. 11-а, л. 8.

чек в колхозное строительство и приняло развернутое постановление, в котором отметило, что партийные организации республики, проводя массовую коллективизацию крестьянских хозяйств, забывают о крестьянке. Очень мало женщин принято в члены артелей, их не избирают в правления, недостаточно заботятся об использовании женского труда на сельскохозяйственных работах.

Поэтому всем партийным организациям было предложено добиться во время весенне-посевной кампании 1931 года решительного перелома в вовлечении батрачек, беднячек, середнячек в колхозы, смелее выдвигать их на руководящую работу, регулярно проводить совещания женского актива, слеты по обсуждению производственных планов, итогов социалистического соревнования, культурно-бытового обслуживания, практиковать экскурсии единоличниц в соседние колхозы, совхозы, МТС и передовые коллективные хозяйства РСФСР. Рекомендовалась организация областных или республиканских курсов по подготовке женских кадров для руководства колхозным производством и для женского колхозного актива.

Партийными организациями проводился специальный «двухнедельник», посвященный усилению роли женщин в колхозах. В помощь местным парторганизациям в колхозы были посланы опытные партийные работники из центра. Республиканские газеты широко освещали опыт передовых колхозов и ударниц, организовывали выезды в отличившиеся колхозы. В этот период партия особое внимание обращает на подготовку женщин-трактористок. Уже прославились первые женские тракторные бригады, созданные в РСФСР и на Украине. А в Средней Азии среди 10 тысяч обучавшихся на курсах трактористов было всего лишь 47 женщин.

Для ускорения и облегчения учебы колхозниц были выделены четыре ударных участка по подготовке трактористок и полеводов из числа туркменок. В Среднеазиатском техникуме механизации сельского хозяйства обучалось 10 девушек из Туркменской ССР.

Средазбюро ЦК ВКП(б) систематически проверяло выполнение своих решений о вовлечении женщин в колхозы, помогая исправлять недочеты. К 20 июня

1931 года по всем республикам Средней Азии было оформлено членами сельскохозяйственных артелей всего 63686 человек, или 7,9 процента женщин. Партийные организации на местах все еще не понимали значения членства дайханок в колхозах. Отмечались факты механического зачисления в колхозы жены совместно с мужем. Не было отдельных расчетных книжек на работающих колхозниц, допускались нарушения в оплате их труда.

Средазбюро ЦК потребовало от партийных организаций решительного пресечения этих нарушений, мешающих вовлечению дайханок в колхозы и общему укреплению колхозов, соблюдения незыблемого принципа равной оплаты за равный труд, введения сдельной оплаты труда.

В 1931 и 1932 годах были проведены Среднеазиатские совещания женсекторов партийных комитетов. Второе такое совещание отметило возросшую активность женских колхозных масс в борьбе за выполнение хлопковой программы, за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, за развертывание социалистического соревнования и ударничества. В 61 хлопковом районе Средней Азии работала 11171 женская производственная бригада. Число женщин — членов сельскохозяйственных артелей—возросло до 189117 человек.

Совещание указало, что в связи с широким использованием женского труда в колхозах необходимо обратить особое внимание на правильную организацию и оплату женского труда.

В связи с этим в программу женских школ ликбеза и школ малограмотных вводились вопросы организации труда в колхозах. Их изучали также в производственных кружках при клубах, красных уголках, юртах, женских лавках. На полевых станах устанавливались доски соревнования и «галлереи почета» с портретами лучших колхозниц. Было организовано 2214 детских яслей с охватом 114280 детей.

Рекомендовалось также перед каждой сельскохозяйственной кампанией проводить слеты колхозниц. Здесь выступали лучшие бригадиры, ударницы, оглашались результаты социалистического соревнования между бригадами, колхозами, отдельными районами,

заключались новые договоры по социалистическому соревнованию.

9 января 1932 года заведующая женотделом Средазбюро ЦК ВКП(б) А. Аксентович была командирована в Туркмению для проведения республиканского совещания женсекторов и проверки выделения культурно-бытовых фондов по обслуживанию весенне-посевной кампании.

Партийные, советские, комсомольские и другие общественные организации поддерживали растущую активность трудениц, настойчиво боролись за проведение в жизнь фактического равноправия женщины с мужчиной, смело вскрывали и устраняли допускавшиеся ошибки. Партийные и советские организации стояли на страже прав женщин, неуклонно добиваясь улучшения их условий труда и быта. В этих целях в 1932 году в Туркменистане было проведено два республиканских совещания с заведующими женотделами партийных комитетов и с представителями комиссий исполнительных комитетов местных Советов по улучшению труда и быта трудениц. Вслед за этими совещаниями было проведено совещание при Колхозцентре Туркменской ССР. На совещаниях обсуждались вопросы о колхозном строительстве, о вовлечении туркменок в колхозы, об улучшении культурно-бытового обслуживания колхозниц.

В вовлечении женщины-туркменки в колхозное строительство большую роль сыграли работницы промышленных предприятий республики. Они организовывали культурные походы в аулы. В проведении этого замечательного мероприятия ярко проявилась одна из форм многогранной помощи рабочего класса дайханству. Поездки трудениц городов в аулы способствовали дальнейшему упрочению союза рабочего класса и крестьянства.

Все эти мероприятия партийных, советских и общественных организаций обеспечили массовое участие дайханок в весенне-посевных работах уже в 1931 году.

Вся страна с радостью узнала о трудовом героизме колхозниц Фарабского района Туркменской ССР. Здесь мужчины были заняты на хошарных работах. Судьба весеннего сева зависела от дайханок.

Не дожидаясь возвращения мужей, женщины сами

взялись засеять 4600 гектаров хлопчатника и 1500 гектаров других культур. Они выполнили 90 процентов всех полевых работ, вывезли в три раза больше удобрений, чем это предполагалось по плану, тщательно очистили семена, провели две вспашки, боронование. Окончив посев хлопчатника и люцерны, посадили тутовые деревья для колхоза. В районе на пахоте работало 2617 женщин в 116 бригадах, в том числе было 13 женских бригад, остальные — смешанные[1].

Движение колхозниц района возглавила ударница полей Ниязгуль Розыбаева. Она первой из женщин взялась за плуг. Два дня в одиночку, острым лемехом, она поднимала пласты земли. Закончив вспашку на отведенном участке, она перешла на другой. На этот раз вместе с Ниязгуль работала и другая колхозница, комсомолка; остальные женщины смотрели на них с осуждением. Но это не смутило ударниц, они продолжали свое дело, они понимали, как трудно преодолеть вековые предрассудки. На помощь пришли коммунисты и комсомольцы, которые вместе с Ниязгуль обходили дворы колхозников, агитировали женщин выйти в поле.

Первая победа была одержана в колхозе имени Н. Айтакова. Вдохновленные делом своих рук, эти колхозницы решили оказать помощь отстающим колхозам. Ниязгуль во главе ударной, «буксирной» бригады отправилась в крупный колхоз имени М. И. Калинина. Послали 60 лучших работниц в помощь отстающему соседу — Чарджоускому району.

Колхозница Розы Давлет также одна из первых взялась за плуг, быстро научилась обращаться с новым сельскохозяйственным инвентарем, с помощью агронома хорошо изучила его и выразила горячее желание учить других. Розы Давлет снабдили инструментом, выдали смазочное масло, кое-какие мелкие запасные части и дали «транспорт» — ишака. И вот женщина-механик стала неутомимо объезжать поля, где регулировала работу плугов и сеялок, учила женщин правильно обращаться с сельскохозяйственным инвентарем.

Почин колхозников Фарабского района был поддержан всеми колхозниками республики. В 1931 году на

[1] Женщина в борьбе за хлопок. Ташкент, 1931, стр. 5—7.

посеве хлопчатника работало 15882 женщины, на окучке хлопка — 27300 и на уборке — 72000 женщин.

3 июля 1931 года колхозницы Фарабского района выступили с обращением ко всем женщинам Средней Азии. Они поделились своим опытом и призвали всех женщин активно включиться в строительство новой жизни. В письме говорилось:

«...Прежде угнетаемые нации после Октябрьской революции вместе с трудящимися Советского Союза стали равноправными и выросли в политическом и культурном отношении, и женщины Востока вступили на путь социализма». Подробно рассказав о своих делах, колхозницы писали, что массовый выход женщин на поля усиливал сопротивление баев. Чтобы сорвать весенне-посевные работы, они запугивали женщин, не пренебрегали антисоветской клеветой. Женщины не испугались, они дали отпор врагу и, «несмотря на то, что 90 процентов мужчин были на хошарных работах, перевыполнили план весенне-полевых работ на 107,2 процента».

Колхозницы сообщили, что для повышения урожайности хлопчатника они обязались четыре раза обработать поля и своевременно провести полив. Развернув социалистическое соревнование и взаимопроверку договоров, они в два раза превысили нормы на окучке полей, организовали красные уголки, сезонные ясли для детей на всех участках и т. д. Колхозницы передового района призвали всех колхозниц Средней Азии включиться в борьбу за высокий урожай.

И в следующую весну в Фарабском районе 95 процентов полевых работ, связанных с пахотой и севом, выполнили женщины. Борясь за короткие сроки сева, они работали в три смены, днём и ночью, и одними из первых в республике засеяли 12 тысяч гектаров. Они получили переходящее знамя ЦК КП(б) Туркменистана и 20 тысяч рублей премии.

По представлению правительства Туркменской ССР Ниязгуль Розыбаеву наградили орденом Трудового Красного Знамени; она первой из туркменок стала председателем районного исполкома. Вместе с ней несколько колхозниц были выдвинуты заместителями председателей колхозов, председателями аулсоветов, бригадирами.

Активное участие дайханок в весенне-посевных работах явилось конкретным претворением в жизнь заветов великого Ленина о том, что строительство социализма возможно только на основе массового вовлечения женщин в строительство новой жизни.

Этот почин фарабских женщин-колхозниц был поддержан и одобрен постановлением исполнительного бюро ЦК КП(б) Туркменистана от 16 июня 1931 года.

В последующие годы в Фарабском районе закреплялись достигнутые успехи. В 1935 году, например, из 322 звеньевых 223 были женщины[1]. Розыгуль Бабыш работала бригадиром колхоза им. Карла Маркса Фарабского района. За 1935 год она лично выработала 447 трудодней. В то время стоимость одного трудодня здесь составляла 3 руб. 15 копеек. Бригада перевыполнила план урожайности хлопчатника на четыре центнера с гектара. «Я работаю бригадиром с 1933 года — писала Розыгуль. — Когда меня избрали бригадиром, я первое время очень боялась: справлюсь ли я с этой работой. Некоторые мужчины надо мной смеялись: «Взялась баба не за свое дело». Но они начали рано смеяться»[2].

В 1935 году Фарабский район досрочно, 21 октября, выполнил государственный план хлопкозаготовок. Председатель Фарабского райисполкома Эне Гельдыева тогда сказала: «Большинство мужчин района работает на пароходстве и в совхозе. Три четверти всех работ в районе выполняют женщины. И эти женщины в текущем году вывели Фарабский район в передовую шеренгу»[3].

Повсеместно в республике росла активность дайханок. Они трудились самоотверженно. Газета «Правда Востока» 14 марта 1932 года сообщала о новых трудовых успехах женщин: в Карабекаульском районе на пахоте и вывозке удобрений работает больше тысячи дайханок; в колхозе имени В. И. Ленина и других артелях все мужчины до одного заняты на постройке канала, а на пахоте и севе работают женщины; в Дейнауском районе все взрослые мужчины на хошарных рабо-

---

[1] «Туркменская искра», 1935, 22 октября.
[2] Там же, 1936, 26 января.
[3] Там же, 1935, 9 декабря.

тах, но пахота идет успешно, планы выполняются досрочно — на пахоту вышли женщины; в Чарджоуском районе участие дайханок решает успех большевистской весны, здесь 110 женщин — бригадиры по хлопку; в Фарабе кончают курсы 60 трактористок; в Карабекауле 900 женщин прослушали лекции по агротехнике.

Важное значение в массовом вовлечении женщин в колхозы имело развитие шелководства. 25 декабря 1930 года Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о проведении месячника по шелководству. Основным и определяющим фактором в проведении месячника было широкое развертывание кампании путем сплочения батрацко-бедняцких и середняцких масс, а также колхозников на преодоление кулацко-байского сопротивления. Этому способствовали и форсированные темпы развития шелководства.

Большое значение имела также организация специальных женских производственных бригад, артелей, развитие бытовых учреждений, помощь шелководкам, широкое развертывание социалистического соревнования путём организации ударных бригад из колхозниц, беднячек и середнячек.

Основная задача месячника заключалась в широком кооперировании женских трудящихся масс шелководок, использовании бедняцких фондов для кооперирования беднячек и батрачек, активизации колхозниц путём проведения конференций, производственных совещаний, организации кишлачных курсов по повышению агротехнической грамотности с привлечением шелководок, делегаток и всего женского актива, а также в выявлении активисток из колхозниц, батрачек, беднячек для выдвижения их на кооперативно-колхозную работу.

Второе Среднеазиатское партийное совещание в январе 1930 года обсудило и приняло решение о перспективах развития шелководства в Средней Азии. Совещание признало, что «все партийные и общественные организации должны уделять максимальное и неослабное внимание делу активизации женщин-шелководок и вовлечению их в шелководческую кооперацию. Для этого предлагается организовать повсеместно краткосрочные курсы по подготовке дайханок-шелководок, а также подростков из дайханской молодежи, кружки по

шелководству при женских клубах, красных уголках, женских артелях и прочее»[1].

Вслед за этим «Туркменская искра» 15 января 1930 года выступила со статьей «Рычаг коллективизации». В ней говорилось:

«Шелковая кооперация — база экономического и бытового раскрепощения дехканок. Шелковая кооперация будет женской, шелковая кооперация будет одним из рычагов экономического раскрепощения женщины, передачей ей непосредственно в руки результатов её труда». Газета сообщала, что 42 туркменки в Керкинском районе окончили курсы инструкторов по шелководству[2].

Женщины явились решающей силой в деле коконозаготовок в республике. Колхозница Биби Мухаммедова из колхоза «Комсомол» Халачского района сдала в 1935 году с коробки грены 75 килограммов коконов вместо контрактационных 24 килограммов[3]. Акгуль Ташева и её подруги из колхоза «Тезе гуйч» Саятского района в 1935 году сдали с коробки грены по 80 килограммов коконов вместо 31 килограмма согласно контрактации[4]. Аманбег Мухаммедова из колхоза им. Ворошилова Ашхабадского района сдала 65,5 килограмма коконов с коробки грены, вместо контрактационных 43,2 килограмма и получила 418 рублей дохода[5].

На основе колхозного строительства росла общественно-политическая и производственная активность женщин-туркменок.

Значительно улучшилось бытовое обслуживание дайханок. В 1932 году было подготовлено 2655 воспитательниц детских учреждений[6]. Расширение сети детских учреждений создало широкую возможность массового участия дайханок на колхозных полях.

Уже в 1933 году участвовало в весенне-посевных работах 40200, на обработке хлопчатника и уборке

---

[1] «Туркменская искра», 1930, 15 января.
[2] Там же.
[3] Там же, 1936, 26 января.
[4] Там же, 1936, 31 января.
[5] «Шуралар Туркменистаны», 1935, 4 июня.
[6] «Туркменская искра», 1933, 8 марта.

зерновых культур — 45230 и на хлопкоуборочной — 111240 дайханок.

Такое массовое участие женщин в колхозном производстве определило дальнейшее повышение активности дайханок в управлении делами колхозов. Уже 170 дайханок работали председателями колхозов, 75 — бригадирами, 155 — членами правлений колхозов, 189 — членами ревизионных комиссий колхозов[1].

Эти данные свидетельствуют о том, что произошел перелом в настроении дайханских масс. Трудящиеся туркменского аула стали понимать правильность политики Коммунистической партии по раскрепощению женщин.

Труд женщины стал равен труду мужчины. Теперь женщина стала приносить в семью значительный доход. Это явилось важным фактором в переломе настроения народных масс в пользу развертывания колхозного строительства. Доблестный труд дайханок принес счастье, радость. С их мнением теперь стали считаться и мужчины.

Это поколебало позицию байства и духовенства, которые отдавали себе ясный отчет в том, что массовое участие женщин в колхозном производстве означает окончательный уход из-под их влияния половины аульного населения. Поэтому баи и муллы прибегали к гнусной клевете на Советскую власть, на её политику по раскрепощению женщин. И некоторые дайхане, честные труженики из-за своей отсталости и непонимания подчас поддавались влиянию разнузданной клеветы классовых врагов. Так, в ауле Изгант Геок-Тепинского района баи пустили слух, будто бы с объединением дайханских хозяйств произойдет и обобществление жен. 23 бедняка поверили этой байской клеветнической пропаганде и с семьями покинули колхоз «Туркменистан»[2].

В годы коллективизации сельского хозяйства не без подстрекательства баев, нередкими были факты избиения женщин, лишения их трудовых книжек, начисления выработанных колхозницами трудодней их мужь-

---

[1] «Шуралар Туркменистаны», 1934, 8 марта.
[2] «Туркменистан», 1931, 2 июля.

ям и даже факты убийства женщин. Например, в 51 колхозе Марыйского района в период обработки хлопчатника было создано 105 женских производственных бригад. Две женщины работали председателями колхозов, 23 — являлись членами правлений. Но из 15 тысяч дайханок членами артелей были оформлены лишь 541; трудодень записывался мужу, брату или отцу. И даже в прославленных краснознаменных колхозах передового Фарабского района были нередки факты, когда женщинам не давали ходу. В мае 1932 года всех женщин бригадиров заменили мужчинами, 249 активно работавших колхозниц не оформили в члены сельхозартели. Шесть трактористок, не встретив нужной поддержки, были вынуждены уйти с работы.

В газете «Туркменская искра» от 24 февраля 1930 года сообщалось: «Дайхане аула Кульджа решили организовать колхоз. После предварительной работы созвали организационное собрание колхозников. Председатель районного животноводческого союза Чопан Ораз выступил против приема в колхоз женщин-беднячек.

— «Им нечего делать в колхозе, они только мешать будут».

Вместо того, чтобы призвать к порядку Чопан Ораза и разъяснить дайханам вредность этого выступления, районный исполнительный комитет это выступление одобрил».

Неблагополучно было и с вовлечением женщин в колхозы в Тахта-Базарском районе. В 1931 году из числа женщин не было выдвинуто ни одного бригадира, ни одной трактористки. Из 956 колхозниц района членами сельскохозяйственной артели были оформлены лишь 265 женщин. В районе было открыто только пять яслей, что было далеко недостаточно. В колхозе «Осовиахим» в ответ на попытку открыть ясли байские ставленники открыто заявили:

— «Не надо нам яслей.., не хотим, чтобы женщины ходили на сбор хлопка. Если будете настаивать — все уйдем...».

Вместо того, чтобы дать резкий отпор этому враждебному настроению, председатель районного исполнительного комитета заявил: «Не надо настаивать». В результате такого отношения к женщине и ее участию в

колхозном производстве план хлопкозаготовок был выполнен всего на 61 процент.

Аналогичное положение было и в соседнем Иолотанском районе. В Кизыл-Аякском районе в 1931 году в числе 2346 колхозников женщин было только 167 человек[1].

Коварству баев и мулл не было предела. Бай Авлиякулов, например, протащил свою дочь Назу ответственным секретарем комиссии по улучшению быта тружениц Керкинского райисполкома и через нее всячески тормозил дело раскрепощения женщин: труженицам колхозов «Коминтерн» аула Астана-баба, «Социализм» аула Ташлык, «Комсомол» аула Сурхи этого района[2] умышленно не выписали трудовые книжки, тем самым лишив их права участвовать в управлении хозяйством.

В Саятском районе бай Мерет Чары вынудил свою сестру Огуль Назарову написать заявление на коммуниста Хасанова Шарапа, будто он изнасиловал её[3].

Ударница-колхозница Иолотанского района Марыйского округа Аки Беки подала заявление в нарсуд о разводе с мужем-терьякешем Худай Берды. За ней были посланы гонцы догнать и вернуть. Но не успели. Она некоторое время скрывалась от преследования. Затем председатель колхоза Ягмур Аннаев уговорил её вернуться к мужу. И она вернулась. Её муж Худай Берды и дядя Косе Берды ночью увели её в пески. Убили её и зарыли. А затем, чтобы скрыть преступление, пустили слух, будто бы она уехала на учебу в Ташкент. Убийцы были привлечены к уголовной ответственности[4].

В ауле Геокча-1 Марыйского района бай Кул Комек долгие годы держал аул в своих руках, нагоняя страх на трудящихся дайхан. Его родственники и члены семьи — Кулам Мамед, Анна Курбан Мамед и другие пробрались к руководству в ауле. В 1931 году сбежала от Кул Комек бая его третья жена Аманбиби Кулова. Она стала одной из видных активисток-борцов за

[1] «Туркменская искра», 1931, 10 ноября; там же, 1932, 10 мая.

[2] Там же, 1933, 21 февраля.

[3] Там же, 1932, 10 ноября.

[4] Там же, 1935, 5 января.

раскрепощение женщин Марыйского района. Аманбиби вступила в ряды Коммунистической партии. Была избрана председателем аулсовета Геокча-2, а затем председателем колхоза «14 лет РККА». Она являлась участницей республиканских съездов Советов и избиралась членом ЦИК Туркменской ССР.

Дела у председателя аулсовета Геокча-2 шли хорошо. Раскрылись лежавшие под спудом организаторские способности Аманбиби. Колхозники ежегодно перевыполняли государственный план заготовок хлопка-сырца. Дайхане, вступив в колхозы, стали зажиточными. Женщины-колхозницы аула стали получать на трудодни по 250—300 пудов пшеницы и до 1500 рублей деньгами. Аманбиби заботилась о том, чтобы у каждой колхозницы была своя расчетная книжка и чтобы дети были устроены в детские учреждения и школы[1].

Но когда Аманбиби сбежала от Комек бая, она не сумела освободить от заточения Огулджамал — жену его покойного сына. Четыре года сидела молодая женщина на железной цепи в конюшне в глубине двора бая за то, что она осмелилась потребовать у него своей доли имущества после смерти мужа. Длина цепи была рассчитана на то, чтобы Огулджамал могла сделать четыре шага вперед и четыре шага назад, столько же в стороны. Узница не могла дотянуться ни до окна, ни до двери. Помещение было наполнено зловонием. Возле нее был старый поломанный чайник и миска. Дверь конюшни снаружи была подперта балкой.

Однажды, 1 мая 1932 года, Аманбиби приехала на собрание правления колхоза «14 лет РККА», находившегося во дворе Комек бая. Байское отродье Анна Курбан Мамед — секретарь комсомольской ячейки, выступал с докладом о раскрепощении женщины.

Аманбиби прервала доклад:

— Где Огулджамал?

— Не срывай торжественного собрания, — ответил байский сынок.

И вот, что рассказала Аманбиби:

«Я украдкой от людей обошла весь байский двор. В глубине двора за обложенной балками и досками

---

[1] «Туркменская искра», 1935, 8 марта.

дверью конюшни обнаружила Огулджамал. Обе ноги её были плотно охвачены конной железной цепью, Огулджамал крепко была привязана к балке здания. В помещении не было ни воздуха, ни света. В луже мочи и грязи сидела Огулджамал в грязной одежде. В помещении был тяжелый зловонный воздух. Возле неё стоял сломанный чайник. Я села рядом с ней, и мы обе заплакали. Спохватившись, за мной прибежал председатель колхоза — родственник бая, Кулам Мамед, и приказал немедленно уходить. Я отказалась.

Потом прибежал сам Комек бай и пригрозил:

— Ты встань, уходи. Если не уйдешь — потом пожалеешь!

Меня вывели из конюшни. Я во весь голос крикнула людям о том, где заточена и как страдает Огулджамал. Но никто не откликнулся. Меня заверили, что завтра её освободят. Меня проводили домой.

Прошло пять дней, но никто её не освободил.

Потом с помощью учителей колхоза, тайком, мы освободили Огулджамал. И её утаили от людей до августа месяца, пока не были арестованы байские главари аула»[1].

Так отважная Аманбиби вырвала из когтей Комек бая молодую, много страдавшую женщину.

Вскоре после этого Аманбиби становится председателем колхоза «14 лет РККА», а Огулджамал — лучшей колхозницей, звеньевой этого же колхоза[2].

Так, шаг за шагом, день за днем, год за годом дайханки закалялись, крепли в ожесточенных классовых схватках с байством. В этой трудной и сложной борьбе туркменки не были одиноки. Смелость и силу им придавала Советская власть, стоявшая на страже их прав и интересов.

Туркменская народная пословица гласит: «У кого опора каменная гора, у того — львиное сердце». Опорой туркменских женщин в их борьбе за новую, колхозную жизнь была Коммунистическая партия, неустанно направлявшая эту борьбу до победного конца.

В вовлечении женщин Советского Туркменистана как в промышленное, так и в колхозное строительство свою положительную роль сыграли уже отмечавшиеся

[1] «Шуралар Туркменистаны», 1932, 31 декабря.

[2] «Туркменская искра», 1935, 8 марта.

договор о соревновании и взаимопроверки выполнения принятых социалистических обязательств между Узбекской и Туркменской ССР по дальнейшему развертыванию массовой работы среди работниц, колхозниц, батрачек, беднячек, середнячек и домохозяек.

Взаимная проверка выполнения обязательств, широкое обсуждение итогов проверки на собраниях женщин, в печати, на заседаниях партийных комитетов, исполкомов местных Советов давали положительные результаты. Они способствовали усилению работы по вовлечению женщин в социалистическое строительство.

В годы колхозного строительства большую роль в повышении общественной и политической активности женщин оказали газеты «Туркменская искра» (издается с 7 ноября 1924 года, на русском языке) и «Совет Туркменистаны» (издается с лета 1920 года, на туркменском языке).

В 1932 году редакция газеты «Туркменская искра» организовала в честь Дня 8 марта эстафету по раскрепощению женщин. Организованные литературные бригады разъезжали по районам и городам республики, освещали на страницах газеты жизнь и быт трудящихся женщин, рассказывали об осуществлении на местах законов о равноправии полов в обществе и в семье.

Эти газеты стали действенными проводниками среди широких слоев трудящихся масс республики политики партии и Советской власти, направленной на осуществление фактического равноправия женщин. Факты нарушения советских законов о равноправии женщины с мужчиной газеты доводили до сведения всей общественности, всех трудящихся женщин республики. Судебные органы и органы прокуратуры стали более строго следить за соблюдением революционной законности о равноправии женщины с мужчиной. Газеты своевременно откликались на важнейшие политические события в жизни трудящихся женщин.

Важнейшей вехой в завершении коллективизации сельского хозяйства и в повышении активности колхозниц явился Примерный Устав сельхозартели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников в 1934 году. В Уставе нашло отражение равноправие полов в обществе и в семье: в члены артели могут всту-

пать все трудящиеся, как женщины, так и мужчины, достигшие 16-летнего возраста.

На правление сельхозартели возлагалась задача вовлекать женщин в колхозное производство и общественную жизнь артели, выдвигая наиболее способных и опытных колхозниц на руководящую работу, разгружая их по возможности от домашней работы путем создания яслей, детских площадок и т. д. Был узаконен отпуск по беременности с сохранением средней выработки трудодней в половинном размере. Двухмесячный срок отпусков совпадал с существовавшим в то время трудовым законодательством[1].

Для колхозницы очень важно было также и положение Устава об оценке каждой выработки в трудоднях и особенно о распределении доходов артели между членами «исключительно по количеству выработанных каждым членом артели трудодней»[2].

Трудно переоценить это положение Примерного Устава в условиях Туркменской республики, где все еще были цепки старые традиции, косность, консерватизм, принижавшие женщину, где зачастую трудодни, выработанные ею, записывались мужу, как главе семьи, что мешало утверждению ее экономической самостоятельности в семье. Теперь трудодни и записывались и оплачивались каждому члену сельхозартели, а не главе семьи, которым принято было считать только мужчину.

Таким образом, было преодолено еще одно препятствие на пути внедрения в жизнь советского законодательства о равноправии полов в обществе и в семье.

Разумеется, и после принятия Примерного Устава в некоторых колхозах республики делались попытки ущемить права колхозниц, узаконенных Примерным Уставом. Но партийные, советские и комсомольские организации, государственные органы, советская печать зорко стояли на страже интересов женщины.

С принятием Примерного Устава сельскохозяйственной артели неизмеримо поднялась активность колхозниц. С вступлением в колхоз женщина-труженица

---

[1] Примерный Устав сельскохозяйственной артели, стр. 22.
[2] Там же, стр. 27.

аула становилась и экономически равноправной с мужчиной. Она сама стала активно помогать партийным и советским органам в вовлечении женщины в строительство социализма, в борьбе с нарушителями советских законов о равноправии женщин.

Т[illegible] демонстрацией победы колхозного движения явился [illegible]езд колхозников республики, состоявшийся в 1934 году. В его работе приняло участие много женщин-туркменок. Передовые труженицы колхозных полей рассказывали о трудовых успехах колхозниц, о недостатках в работе среди женщин, указывали пути улучшения работы среди женщин села.

28 мая 1934 года бюро ЦК КП(б) Туркменистана приняло постановление «Об организации женских курсов колхозного актива». В целях подготовки кадров бригадиров колхозов бюро ЦК КП(б) Туркменистана решило организовать на летний период двухмесячные курсы в Марыйском, Байрам-Алийском, Чарджоуском и Ильялинском районах. Контингент слушателей этих курсов был определен в следующем составе: по Марыйскому району — 70, Байрам-Алийскому — 60, Чарджоускому — 60, Ильялинскому — 80 женщин.

Заметной вехой в истории раскрепощения дайханок явилось и совещание передовых колхозников и колхозниц Туркменской и Таджикской ССР с руководителями Коммунистической партии и Советского правительства, состоявшееся в декабре 1935 года в Москве. На этом совещании в Кремле выступили передовые колхозницы-туркменки и таджички. Так, из Туркменской ССР на совещании выступила Эне Гельдыева — председатель Фарабского районного исполнительного комитета, Гюльнабат Аширова — звеньевая колхоза «Добровольный» Мургабского района, Огульгозель Бахбит — звеньевая колхоза «Большевик» Байрам-Алийского района.

Колхозницы поведали о тяжелой доле туркменки в дореволюционные годы, о том, какое великое счастье дала им Советская власть. «Тяжелая у меня была жизнь,— говорила колхозница Огульгозель Бахбит,— я — рабыня, пленница, персиянка. Меня еще во время аламанов насильно привезли из Персии, и в 13 лет продали замуж. Всю жизнь я работала на бая. У Бакай Геджик я пасла скот, косила люцерну, чужой хло-

пок собирала. Теперь прошли плохие времена... Днем мы работаем, а по вечерам все учимся». Она рассказала о счастливой колхозной жизни. В 1933 году она получила 150 пудов хлеба, два пуда сахара, два пуда масла, пуд чая, 300 метров мануфактуры и много денег. Столько же заработал и её муж[1].

Участницы совещания благодарили Коммунистическую партию и Советскую власть за свое раскрепощение, за счастливую и зажиточную жизнь.

Высокие показатели в труде подняли на небывалый уровень материальную и культурную жизнь дайханок. Так, например, каждая семья в колхозе «Дайхан бирлешик» Мургабского района в 1935 году получила доход по 13—14 тысяч рублей, а отдельные колхозницы — 20 тысяч рублей. Были построены семилетняя школа, детские учреждения.

Колхозницы звена орденоноски Гульнабат Ашировой из колхоза «Добровольный» Мургабского района за свой доблестный труд получила каждая от 14 до 18 тысяч рублей. Стоимость трудодня составила от 25 до 33 рублей. Труд женщин прославил колхоз. За высокие показатели колхоз получил правительственную премию — среднюю школу, образцовые детские ясли, грузовую машину[2].

«1935 год,— говорила Г. Аширова,— принес мне столько радости! ...Я видела столицу нашей Родины — Москву, видела могущественнейшие предприятия и была ошеломлена красотой дворцов, в которых живут и работают трудящиеся. Этот год был для меня годом познания жизни.

Я получила много наград. На моей груди орден Ленина. Чтобы оправдать такую высокую награду, я буду работать еще лучше. Если в 1935 году я добилась урожая в 25 центнеров египетского хлопка с гектара, то в 1936 году буду бороться за 30 центнеров с гектара»[3].

А на Всетуркменском слете хлопкоробов-стахановцев Г. Аширова говорила:

«Могла ли я раньше даже мечтать, что удостоюсь высшей награды нашего могучего государства? Только

---

[1] «Туркменская искра», 1934, 20 февраля.
[2] Там же, 1936, 17 февраля.
[3] Там же, 1936, 1 января.

партия большевиков, только наша Советская власть раскрепостила туркменскую женщину и указали ей путь к подлинной свободной, радостной, счастливой жизни...»[1].

Женщина в колхозе стала поистине большой силой. Колхозница колхоза «Большевик» Байрам-Алийского района Энебай Аманклыч аялы в период хлопкоуборочной 1933 года собирала ежедневно от 70 до 130 килограммов хлопка-сырца. За 40 дней с начала кампании она собрала 2339 килограммов белого золота[2]. В числе лучших сборщиц была также Шерикет Огуль Бахши Беки аялы и другие. 2500 колхозниц этой сельхозартели участвовали в соревновании за звание лучших сборщиков хлопка-сырца.

Массовое вовлечение женщин обеспечило досрочное выполнение колхозом «Большевик» государственного плана хлопкозаготовок[3].

В колхозе проявлялась большая забота об охране женского труда. Колхоз в числе первых в республике был электрифицирован[4]. А это — очень важная мера по улучшению культурно-бытового обслуживания женщин. Детские учреждения, колхозная мельница, баня, контроль за правильным начислением и оплатой женского труда — все это являлось конкретным претворением в жизнь ленинских заветов о коренном улучшении культуры и быта труженицы и матери.

8 марта 1934 года колхозницы колхоза «Большевик» Байрам-Алийского района выступили с открытым письмом. Они писали:

«Старая жизнь... была темна, тяжела. В ней не было никакого света... Женщины продавали своих дочерей в раннем возрасте, которые потом становились рабынями своих мужей. Даже после смерти мужа женщина не имела права распоряжаться своей судьбой и, как скотина, выдавалась за брата своего мужа».

Они писали о счастливой судьбе женщин в колхозах. Колхознице Анна Солтан 40 лет. В 10-летнем возрасте ее продали слепому. Она свыше 20 лет содержала его. Но и после его смерти она продолжала батра-

[1] «Туркменская искра», 1936, 30 января.
[2] Там же, 1934, 1 января.
[3] Там же, 10 января.
[4] Там же.

чить бесплатно на его братьев. Сирота Энебай в возрасте 9 лет была продана за 50 пудов пшеницы. А теперь, в корне преобразилась ее судьба. В 1933 году она сама получила за трудодни в колхозе 250 пудов пшеницы! Так дайханка в колхозе нашла свое настоящее счастье. Теперь она сама стала активной поборницей за искоренение старых обычаев.

«Мы вырываем в корне старые адаты,— писали колхозницы сельхозартели «Большевик»,— теперь над нами не имеют силы старые ханские законы. Большинство из нас в нерабочее время сбросили яшмак, а на работе не увидите женщину с яшмаком. Мы стали действительно равноправными колхозницами»[1].

Вместе с Огульнабат Ашировой орденом Ленина были награждены Огульгозель Бахбит (Мургабский район), Оразгуль Курбан (Марыйский район).

В эти годы не только в колхозе «Большевик», но и в других колхозах Байрам-Алийского района велась активная работа по вовлечению женщин в колхозы.

В осуществлении экономической независимости женщин-дайханок в годы коллективизации, как и в предшествующие годы, за раскрепощение туркменок неустанно боролись русские женщины. В Байрам-Алийском районе в эти трудные годы женорганизатором политотдела МТС работала М. М. Кандыбина.

В колхозах района 14 девушек были выдвинуты бригадирами; повсеместно были созданы детские сады и ясли, выделен специальный ясельный фонд. Это дало возможность колхозницам посещать школы ликбеза. Например, в колхозе «Новый путь» женщины в возрасте до 45 лет научились читать и писать. Строились мельницы, что явилось очень важной мерой по освобождению женщины от тяжелого, изнурительного труда — ручного помола зерна. Был организован учет лучших колхозниц. В районе в 1933 году были неоднократно премированы 2500 колхозниц. Так, трижды за год была премирована бывшая беднячка Аннабике Ширимова — бригадир колхоза «Шерекет». Бывшая батрачка Огулджамал Кепен — помощница бригадира из колхоза «Инклаб» в 1933 году, помимо крупного денежного дохода, получила 150 пудов пшеницы, 10 ки-

[1] «Шуралар Туркменистаны», 1934, 8 марта.

лограммов сливочного масла, 8 килограммов чая, 35 метров мануфактуры и пару калош. В её бригаде работало 12 женщин и 15 мужчин. Выполнение плана заготовок хлопка-сырца по её бригаде составило 155 процентов уже к 7 ноября 1933 года.

Итак, массовое вовлечение женщин в колхозы, правильная организация и охрана женского труда явились важным условием того, что Байрам-Алийский район в 1933 году досрочно выполнил государственный план заготовок хлопка-сырца. Он был занесен на Республиканскую красную доску имени XVII съезда ВКП(б)[1].

В январе 1935 года на съезде Советов Марыйского района выступила колхозница, член Чарлак-Ябского аулсовета Гозель Нуры.

«Хорошая жизнь настала для нас, женщин — сказала она.— Ну, кто раньше признавал меня за человека? У мужа я была рабыней. В глазах всех всякая женщина рассматривалась как вещь, которую можно было продать и купить. Другое дело теперь. Советская власть и колхозный строй дали возможность женщине-туркменке не только свободно трудиться, но и свободно располагать собою, участвовать во всей общественно-политической жизни. Состоя членом колхоза, женщина пользуется всеми правами наравне с мужчиной. К примеру, я все лето работала старшим звена в колхозной бригаде. Под моим руководством было семь колхозников, из них четверо мужчин. Сейчас я избрана членом аульного Совета Чарлак-Яб. Буду работать в области просвещения»[2].

Звеньевая колхоза «Комсомол» Чарджоуского района Огуль Хакимова выработала в 1935 году 490 трудодней. Колхозница Дурсунтач Кутлиева из колхоза «Ударник» Чарджоуского района — 400 трудодней. Она ежедневно собирала по 80 килограммов хлопка-сырца, что являлось рекордным в те годы[3].

Радостную, счастливую жизнь, которую принес женщинам-туркменкам колхозный строй, очень метко охарактеризовала колхозница Шамурадова из колхо-

---

[1] «Туркменская искра», 1934, 10 января.
[2] Там же, 1935, 6 января.
[3] Там же, 1936, 16 февраля.

за «Октябрь» Калининского района на республиканском слете стахановцев хлопковых полей, состоявшемся в январе 1936 года.

«Вот я состою в колхозе три года, и я вижу..., как изменилась женская жизнь. Колхозы сделали нас равноправными с мужчинами. А что было раньше при царе? Мы были рабынями. Сейчас наши женщины наравне с мужчинами участвуют во всех сельскохозяйственных работах»[1].

Массовое вовлечение дайханок в колхозное строительство явилось важным условием выполнения Туркменской республикой государственного плана заготовок хлопка-сырца в 1934—1935 годах[2].

Женщины росли всесторонне. Они были не только сборщицами хлопка-сырца. Они сели за штурвал сельскохозяйственных машин. Если в 1935 году была только одна женщина-трактористка — первая туркменка-трактористка Шарипа Аташева из Ильялинской МТС[3], то уже в сентябре 1936 года только в Марыйской МТС 37 девушек-туркменок закончили курсы трактористок. Среди них была Нязик Бердымурадова — ныне председатель Сакар-Чагинского комитета народного контроля. Она была делегаткой VI Чрезвычайного съезда Советов Туркменской ССР, состоявшегося в Ашхабаде в ноябре 1936 года. С трибуны съезда она сказала:

«...Мы сегодня еще раз обсуждаем здесь проект нашей новой Конституции. Мы все хорошо изучили этот проект и каждое слово в нем вызывает у нас безграничную радость и гордость. Но особенно радует статья 122 Проекта, в которой говорится о том, что женщине в СССР представляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни.

Велика забота партии и правительства о трудящейся женщине. Мы эту заботу о себе чувствуем на каждом шагу. Каждой из нас сейчас открыта широкая дорога. Мы, женщины, получаем право на труд, отдых, образование. И мы уже в полной мере пользуемся всеми этими правами»[4].

---

[1] «Туркменская искра», 1936, 31 января.
[2] Там же, 1935, 9 января и 5 ноября.
[3] Там же, 1936, 10 января.
[4] Там же, 1936, 16 ноября.

Женская молодежь в колхозах заняла свое достойное место. Комсомолки активно боролись за новую жизнь. Они организовывали обучение девушек производственным квалификациям. Уже в 1940 году было 1306 девушек-трактористок, в 1941 году в республике 3234 колхозницы трудились на колхозных полях трактористками, комбайнерами, шоферами.

Но не везде благополучно обстояло дело с использованием кадров женщин-механизаторов. Следует сказать, что в предвоенные годы партийные и комсомольские организации республики проделали большую работу по подготовке трактористок из числа туркменок. В 1939—1940 годах было подготовлено 810 девушек-трактористок. Это — несомненное достижение в повышении производственной активности и культурного уровня колхозниц. Однако далеко не все подготовленные трактористки были использованы по специальности. Из 810 трактористок, подготовленных на курсах, работали на тракторах всего лишь 272 девушки. В некоторых областях не выполнялся и план подготовки новых отрядов трактористок. Например, на 1 января 1940 года в Ташаузской области было подготовлено 240 трактористок вместо 400, намеченных ранее по плану.

15 мая 1940 года бюро ЦК КП(б) Туркменистана приняло постановление «О подготовке девушек-трактористок без отрыва от производства». ЦК КП(б)Т потребовал коренного улучшения подготовки кадров очень нужной профессии из женщин и девушек.

Впереди предстояла еще упорная и трудная борьба, чтобы окончательно расчистить женщине путь к полному равноправию и участию в общественно-политической жизни.

И этот путь смело и решительно прокладывался партийными, советскими, комсомольскими организациями и государственными органами Туркменистана.

В 1940 году значительно усилилась борьба за дальнейшее повышение активности тружениц во всех областях общественной и хозяйственной жизни республики. Этому способствовало и повышение брачного возраста для девушек. IX съезд КП(б) Туркменистана признал назревшим вопрос о повышении брачного возраста для девушек. Установленный до сих пор брачный

возраст в 16 лет не мог полностью отвечать главной цели — укреплению здоровья женщины. К тому же такой брачный возраст мешал дальнейшему повышению общественной и производственной активности туркменской женской молодежи и противоречил Конституции СССР, принятой VIII Чрезвычайным съездом Советов в 1936 году. Учитывая все это, Четвертая сессия Верховного Совета Туркменской ССР первого созыва, проходившая в мае 1940 года, приняла закон о повышении брачного возраста для женщин до 18 лет, вместо ранее установленного 16-летнего возраста[1].

Коллективизация сельского хозяйства, начатая в 1928 году, была в основном завершена в Туркменистане к середине 30-х годов. Уже к этому времени 95,4 процента крестьянских дворов и 99,4 процента посевной площади республики были коллективизированы, а в 1940 году — соответственно 99,4 и 99,99 процента[2]. К 1938 году все трудоспособное население туркменских аулов, в том числе и все женщины, в основном были вовлечены в колхозы. Причем 31,8 процента всех трудодней в колхозах были выработаны женщинами[3]. Колхозный строй в Туркменской ССР, как и по всей нашей стране, победил бесповоротно и окончательно. В 1940 году в республике было уже 1548 колхозов[4].

Труд колхозниц облегчался передовой советской техникой. Деревянную соху и борону заменила новая, мощная техника. В 1938 году 97 процентов посевных площадей Туркменской ССР обслуживалось машинно-тракторными станциями. В 52 МТС республики насчитывалось 3897 тракторов, 165 комбайнов, 289 грузовых машин, свыше 77 тысяч различного сельскохозяйственного инвентаря — плугов, борон, сеялок, культиваторов, окучников и т. д., о которых туркменские дайхане до Великой Октябрьской социалистической революции не имели понятия.

Машинно-тракторные станции — это реальная помощь социалистического государства колхозному крестьянству, что стало возможным благодаря советскому общественному и государственному строю. Колхозники

---

[1] «Туркменская искра», 1940, 17 мая.
[2] Советский Туркменистан за 40 лет, стр. 49.
[3] 15 лет Туркменской ССР, стр. 25, 89.
[4] Советский Туркменистан за 40 лет, стр. 51.

и колхозницы с помощью современной техники в невиданных в истории Туркменистана размерах повысили производительность труда, что значительно подняло их материальное и культурное благосостояние. В Туркменской ССР доходы колхозов в 1940 году составили уже около 400 миллионов рублей.

Но при всей значительности успехов, достигнутых в массовом вовлечении женщин в колхозное строительство, все еще имелись и серьезные недостатки в работе партийных, советских и общественных организаций в области дальнейшего повышения политической и производственной активности тружениц республики. Так, при обсуждении постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», вызвавшего единодушное одобрение у колхозников и колхозниц, были вскрыты факты недооценки труда женщин в некоторых колхозах[1].

Женщина стала поистине большой силой в колхозе. Большое число женщин работало на руководящей работе. В 1940 году в Туркменистане работали председателями и заместителями председателей колхозов 113 туркменок, бригадирами полеводческих бригад — 180, заведующими животноводческими фермами — 16, звеньевыми — 4592, доярками — 416, трактористками — 110 колхозниц. Около 200 тружениц социалистического сельского хозяйства республики являлись участницами Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Колхозы раскрепостили туркменскую женщину, высвободили её из-под влияния баев и мулл, открыли широкую дорогу к свободному и радостному труду. «Только колхозное хозяйство, — писал М. И. Калинин, — поставило женщину в лучшие условия. Мы сейчас видим воочию, как развернулись организаторские и хозяйственные способности советских колхозниц, как богато, наряду с этим, проявлялись их душевные и моральные качества»[2].

В грозные годы Великой Отечественной войны женщины стали решающей силой в колхозном производ-

---

[1] «Туркменская искра», 1939, 4 июня.

[2] М. И. Калинин. О колхозном строе и колхозницах. Курск, изд-во «Курская правда», 1945, стр. 6.

стве. Во всех отраслях сельского хозяйства в основном работали женщины. Свыше 100 тысяч тружениц республики выращивали хлопок, занимались животноводством, внося свою лепту в обеспечение сельскохозяйственной продукцией промышленных предприятий, нужд фронта и населения страны.

Женщины заменяли мужчин не только непосредственно на производстве, но и на руководящей работе в колхозах. В годы войны особенно ярко раскрылись организаторские способности дайханок. Здесь сказались результаты осуществления советских законов о равноправии женщины с мужчиной, чувство искренней признательности туркменских женщин Коммунистической партии и Советскому правительству за свое освобождение от векового рабства, отразилась их беззаветная преданность Родине, народу. Как никогда раньше, женщины проявили свой высокий советский патриотизм, священное чувство долга защиты Родины. В 1944 году председателями артелей работало более 30 женщин, счетоводами и бухгалтерами — 241, бригадирами — 427, заведующими животноводческими фермами — 59 женщин и т. д.

Женщины-колхозницы проявляли доблесть и геройство в труде. Своей самоотверженной работой они приближали желанный час победы над жестоким и опасным врагом, несшим смерть, насилие, рабство. Женщины Советского Туркменистана оказывали фронту всестороннюю помощь и поддержку. По инициативе колхозниц сельскохозяйственной артели «Кизыл-Кошун» Тахта-Базарского района, женщины Советского Туркменистана без колебания сдали в фонд обороны страны свои национальные золотые и серебряные украшения, которые бережно хранились, передавались из поколения в поколение. В общей сложности они сдали 7392 килограмма серебра и золота.

Труженики и труженицы Туркменской ССР внесли в фонд обороны 243 миллиона рублей. На эти средства было построено 384 боевых самолета, которые делегация туркменского народа передала славным советским соколам — защитникам Родины.

В аулах, как и в городах республики, широко развернулся сбор теплой одежды, белья, постельных принадлежностей и других вещей для славных воинов

Советской Армии. В тяжелый период войны, 10 июля 1942 года, из Ашхабада на фронт ушел первый эшелон с подарками для защитников Родины. Вместе с подарками туркменский народ передал фронтовикам свой наказ — беспощадно бить ненавистного врага; выразил свою несокрушимую уверенность в полной победе над фашизмом.

В день празднования 25-й годовщины Великого Октября — 7 ноября 1942 года — туркменский народ отправил еще 45 вагонов с подарками для героических защитников Сталинграда. Всего из республики на фронт было послано 200 вагонов с подарками.

Туркменистан находился далеко от линии фронта. Но годы войны были для него суровой проверкой, школой мужества. Женщины-туркменки с честью выдержали все испытания войны. Еще больше повысилась их политическая и трудовая активность. Женщины Советского Востока с полным правом могут гордиться тем, что в исторической победе над врагом есть и их немалый вклад, вклад освобожденной женщины-труженицы колхозных полей.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны труженицы колхозных полей не покладая рук трудятся для быстрейшего развития всех отраслей сельского хозяйства. Женщины-колхозницы самоотверженно трудятся на хлопковых полях, на животноводческих фермах и на других участках колхозного производства.

В ознаменование 50-летия Международного женского дня, за выдающиеся достижения в труде и особо плодотворную общественную деятельность в 1960 году было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» пяти женщинам из Туркменской ССР, в том числе трем колхозницам: Аннамухамедовой Кызылгуль — председателю колхоза «Коммунизм» Туркменкалинского района, Машариповой Рейме — бригадиру колхоза имени В. И. Ленина Ташаузского района, Шакуловой Максат — председателю колхоза «Коммунист» Ходжамбасского района.

Интересен такой факт. К началу 1955 года высокое звание Героя Социалистического Труда было присвоено 39 женщинам республики. Восемь из них жили

в одном ауле — имени Чкалова Марыйского района. Две из них, звеньевые, были из колхоза «Зарпчи». Набат Ходжамурадовой это звание было присвоено за рекордный урожай хлопка. Она получила 63,7 центнера тонковолокнистого хлопка с каждого гектара на площади 3 гектара, а Курбандурсун Клычевой присвоено это высокое звание за сданные по 62,3 центнера урожая такого же хлопка с каждого из 7 гектаров. Шесть звеньевых колхоза имени Жданова: Таджи Агаева, Солтангозель Миссаева, Огульораз Аманова, Нурсолтан Сахатлиева, Огульджамал Аннаклычева и Оразгозель Эсенова также добились урожая хлопка-сырца на своих участках свыше 60 центнеров с каждого гектара и тоже были удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда.

В начале 1960 года в республиках Средней Азии развернулось новое движение женщин-механизаторов хлопковых полей. Инициатором этого замечательного движения выступила славная дочь узбекского народа Герой Социалистического Труда Турсуной Ахунова.

В Туркмении не было женщин-водителей хлопкоуборочных машин. Но пример Турсуной Ахуновой вдохновил многих. Бригадиры и звеньевые колхозов поступили на курсы механизаторов. Первой начала занятия школа при Ташаузском училище механизации № 2. Здесь более пяти лет работает мастер производственного обучения Огульдурды Пирмедова. Курсы были организованы и в Чарджоуском, Куйбышевском, Халачском, Байрам-Алийском районах, где обучалось 90 девушек. Многие из них уже в уборочную 1960 года добились больших успехов. В 1962 году по республике было подготовлено 193 женщины-механизатора, а теперь сотни и тысячи колхозниц водят хлопкоуборочные и другие сельскохозяйственные машины.

В марте 1963 года знатный механизатор республики Биби Аллаберенова по примеру своей узбекской сестры Турсуной Ахуновой обратилась к девушкам долины Мургаб с призывом сесть за штурвал сельскохозяйственных машин, добиваться высокого сбора хлопка. Девушки горячо откликнулись на призыв Аллабереновой. Только в колхозах Марыйского района были подготовлены 343 водителя хлопкоуборочных машин из числа женской молодежи. Сейчас в республике 800 де-

вушек-туркменок являются водителями сельскохозяйственных машин.

Замечательную традицию соревнования женщин среднеазиатских республик продолжали таджички и туркменки. Карасач Бекназарова — бригадир колхоза «Победа» Душанбинского района Таджикистана обратилась через газету «Совет Туркменистаны» с открытым письмом к хлопкоробам Туркменистана. Она призвала развернуть борьбу за получение с каждого гектара не менее 55 центнеров хлопка-сырца.

Туркменки горячо откликнулись на призыв своей таджикской подруги. В числе первых отозвалась Тохта Мятиева — бригадир колхоза «Коммунизм» Халачского района, обязавшаяся дать не менее 50 центнеров с гектара. К ней присоединились многие бригадиры и звеньевые. Во время уборочной это соревнование развернулось с новой силой. Газеты регулярно печатали сводки о ходе уборки в бригадах таджичек и туркменок. Обе соревнующиеся стороны вышли победительницами в этом дружеском соревновании.

У туркменских колхозниц популярна песня «Карасач», музыка Абды Курбанова, написанная на слова Ата Абдурахманова. Вот ее текст:

ДАВАЙ ПОСОРЕВНУЕМСЯ, КАРАСАЧ!

На спор вызываешь нас?
Что ж, посоревнуемся, Карасач!
Твой призыв пришелся по душе,
Давай посоревнуемся, Карасач,
Мы готовы, Карасач!

Руки умелые у нас,
Урожай богатый на полях,
Имя твое у всех на устах,
Давай посоревнуемся, Карасач!
Мы готовы, Карасач!

Бригадир Курбансолтан
Говорит об успехах своих
Обращается к соперницам:
— Давай посоревнуемся, Карасач!
Мы готовы, Карасач!

Тохта говорит: — Не отстану и я,
Сто гектаров посеяно у меня,
Из «белого золота» воздвигну гору я,
Давай посоревнуемся, Карасач,
Мы готовы, Карасач!

Не в стороне от всех
И Акаш с Дженнет,
Говорят они: — Поспорим и мы,
Давай посоревнуемся, Карасач,
Мы готовы, Карасач!

Припев:

Девушки-туркменки — сверстницы твои,
В день праздника — подружки твои,
Не пожалеем сил все мы,
Давай посоревнуемся, Карасач,
Мы все готовы, Карасач![1]

В настоящее время в Туркменской ССР удельный вес женщин в сельском хозяйстве составляет более 50 процентов всех работающих. Женщины активно борются за досрочное выполнение государственных планов, за лучшее использование производственных резервов, за дальнейший рост производительности труда, за получение высоких урожаев сельскохозяйственных культур и увеличение поголовья скота. В 1966 году в республике было 52 женщины Героев Социалистического Труда, а четыре тысячи женщин награждены орденами и медалями.

22 марта 1966 года Указом Президиума Верховного Совета СССР доярке Сулгун Аннакулиевой из колхоза «Коммунизм» аула Багир Ашхабадского района присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Вот ее героические дела: в 1965 году она надоила в среднем от каждой коровы 2751 литр молока. Она неутомимо заботится о качественном корме, правильном содержании и уходе за коровами.

— В этом заключается секрет моих успехов в труде,— сказала Сулгун корреспондентам.

---

[1] Построчный перевод. См. «Эдебият ве сунгат», 1960, 8-нжи сентябрь.

Герой Труда Сулгун Аннакулиева помогает молодым дояркам Аннагуль Овеллиевой, Нургозель Аннадурдыевой и другим подругам по работе. Для нее, как и для всех советских женщин, достигнутое не является рубежом. В этом великая движущая сила социалистического труда, множащего богатства страны и приносящего славу и счастье каждому, кто добросовестно трудится[1].

За такие же высокие показатели в надое молока, как у Героя труда Сулгун, борются доярки Дурды Реджепова, Огулбек Реджепова, Огулнияз Довлетмурадова из колхоза имени Дианова Кизыл-Арватского района и другие доярки колхозов и совхозов республики[2].

В 1966 году около двух тысяч женщин-туркменок были звеньевыми, счетными работниками, заведующими фермами, бригадирами, а 256 женщин работали председателями и заместителями председателей колхозов.

Большинство колхозов, возглавляемых женщинами, выполняют государственный план заготовок хлопка-сырца и других сельскохозяйственных культур. Высоких показателей в урожайности хлопчатника добились К. Ягмурова — депутат Верховного Совета СССР, бригадир колхоза «Жданова» Тедженского района, О. Джумаева — депутат Верховного Совета Туркменской ССР, председатель колхоза «Калинина» Халачского района и многие другие.

Свыше 15 лет работает на посту председателя колхоза «Коммунизм» Туркмен-Калинского района Герой Социалистического Труда Кызылгуль Аннамухамедова. Судьба ее обычна. Потеряв мужа в войну, она одна вырастила двух сыновей. Все эти годы возглавляемый ею колхоз успешно выполняет плановые задания. Доход артели, которая считается средней в районе, в 1965 году составил два миллиона рублей; на каждый трудодень колхозники получили в среднем по пять рублей деньгами и по три килограмма зерна. Нетрудно подсчитать, сколько заработала за год звеньевая Аннаджамал Атаева, если она выработала 500 трудодней.

В колхозе развернулось большое строительство.

---

[1] «Совет Туркменистаны», 1966, 27 марта.
[2] «Туркменская искра», 1966, 1 апреля.

Колхозники переселились в новые благоустроенные дома. Они высоко оценили честный труд своего председателя, избрав Кызылгуль Аннамухамедову четыре раза депутатом Верховного Совета Туркменской ССР и депутатом Верховного Совета СССР шестого созыва.

В колхозе имени Тельмана Ленинского района Ташаузской области 980 членов сельхозартели занято выращиванием высокого урожая хлопчатника, из них женщины составляют около 600 человек. Колхоз сеет хлопчатник на площади 1600 гектаров. Колхозники и колхозницы ежегодно выращивают высокий урожай хлопка.

В этом колхозе работают 24 Героя Социалистического Труда, из них 7 женщин-колхозниц. Неизмеримо выросло материальное и культурное благосостояние колхозников и колхозниц. Колхозница третьей бригады Огулджан Мамедова за 1966 год выработала более 600 трудодней. Семья Огулджан Мамедовой состоит из 9 человек: муж, мать и шестеро детей. В ее семье только двое трудоспособных — она и муж. Однако за истекший год они получили хороший доход — свыше тысячи рублей и 5,8 тонны зерна. Их семья живет в благоустроенном доме. В их домашний обиход прочно вошли электричество, радио, швейная машина, пылесос, книги, газеты и журналы.

Первым секретарем Ташаузского РК КПТ работает Ханипе Курбанова. Колхозники и колхозницы района ежегодно перевыполняют государственный план заготовок хлопка-сырца и других видов сельскохозяйственной продукции. В 1965 году район добился урожайности 30 центнеров хлопка с каждого гектара. В связи с 40-летием Туркменской ССР и КП Туркменистана Президиум Верховного Совета СССР присвоил Ханипе Курбановой звание Героя Социалистического Труда.

Вот что рассказывалось о прославленной героине труда в статье Р. Эсенова и Е. Алмазовой «Счастье Ханипе Курбановой», опубликованной в «Правде» от 19 июля 1965 года:

Не спрашивайте у Ханипе, за что ей вручена высокая награда. В ответ она застенчиво улыбнется: есть, мол, и достойнее её. Возьмите к примеру ...И начнет рассказывать о людях, с которыми встречалась на жизненной дороге. Да вот, послушайте Ханипе Курбанову:

— Когда перебираешь в памяти год за годом, прежде всего встают перед глазами лица. Сколько людей ставило меня на ноги! Брат привез в Ташауз и определил в интернат. Многие совестили: от живой-то матери чужим людям отдал. А разве чужими были мне Разия Рахимова и Энеджан Караева, первые учительницы, распахнувшие передо мной путь к знанию? Из интерната меня послали в хлопковый техникум. Так началась самостоятельная жизнь.

На партийную работу пришла совсем молодой. Я понимала, что женщина-активистка личным примером может больше подействовать на сердца подруг, чем самыми горячими призывами бороться за свое раскрепощение. Работать пришлось под руководством коммунистов, которые умели учить и у которых было чему учиться. Мои наставники — секретари обкома и горкома партии С. Сарычев, Н. В. Дземешкевич — были удивительно заботливы. Рабочий день не начнут, пока не расспросят меня, как дела, какие новые мысли родились. Они учили меня думать, творчески относиться к партийной работе, любить её. И еще учили — всегда опираться на людей. «Знать человека, его думы, стремления — самое главное для партийного работника, — говорили мне. — Запомни, Ханипе: с людьми ты — полководец. Без людей — штатная единица».

И вот первое ответственное поручение. Была осень первого послевоенного года. Холодный дождь со снегом, а надо было чистить магистральные каналы. Работали тогда оросители лопатой, одежда плохая, и, проработав с неделю, разъезжались люди по домам. В горкоме говорили:

— Сможешь мобилизовать четыреста человек и вместе с ними поехать на канал?

Расстояние от нас до канала — восемьдесят километров. Дорога раскисла, только верхом и добраться можно. Бегала по домам. С каждым говорила, убеждала. Сама первая села на лошадь. Правда, потом Н. В. Дземешкевич при всеобщем одобрении отправил меня домой. Без женщин, дескать, здесь обойдемся, а ты свое сделала — сумела поднять людей...

Поднимать людей на большие дела, вести их к счастью — это стало содержанием ее жизни.

Когда Ханипе вернулась в родные края после окон-

чания Высшей партийной школы, ей предлагали разные должности. А она просила потруднее участок, чтобы попробовать, на что она способна.

Ее послали секретарем Андреевского (ныне Ташаузского) райкома партии. О состоянии хозяйств района скажет одна цифра: план по хлопку больше, чем на 60 процентов, не выполнялся.

Новый секретарь райкома партии сначала внимательно изучила людей: кто смело идет навстречу новому, готов драться за него, а кто прячется от свежего ветра. Стали выдвигать специалистов, проявивших организаторские способности. Для председателей колхозов и бригадиров организовали постоянно действующие семинары: цель—изучение передовой агротехники, приемов и методов работы с людьми. Вести дело на научной основе, учитывая конкретные условия, применяя передовой опыт — вот к чему призывал райком.

При райкоме был создан внештатный отдел по изучению, обобщению и внедрению передового опыта в колхозах и совхозах. Возглавил его Герой Социалистического Труда, председатель передового колхоза, член райкома Садула Розметов. В его колхозе состоялся не один семинар хлопкоробов и животноводов района.

Все ценное, что появлялось в практике других колхозов и совхозов, райком тоже старался сделать общим достоянием.

И хозяйства района постепенно стали расправлять плечи. Ханипе Курбанова чувствовала это по настроению людей: дружнее выходили они на работу, чаще обращались в райком с интересными предложениями.

Партийная работа — великое человековедение, сочетающееся со знанием хозяйства, экономики, с умением видеть главное направление в решении вопросов, выдвигаемых партией. К секретарю райкома люди идут с разными делами. Считают так: раз партия все может, значит, и её полномоченный представитель тоже должен все знать, во всем разбираться[1].

Колхозницы высоко ценят эту заботу Советского государства и своим свободным творческим трудом мно-

[1] См.: «Правда», 1965, 19 июля.

жат богатства страны. В 1965 году в Туркменистане было заготовлено 553 тысячи тонн хлопка-сырца, а в 1966 году — 656 тыс. тонн. Такого количества хлопка республика еще никогда не заготовляла[1].

Благодаря социалистическому строю раскрепощенная женщина Востока стала большой силой в колхозе. Доблестным трудом она заслужила всеобщее признание, большое уважение и почет.

Освобождение колхозниц от тяжелого физического труда, механизация трудоёмких работ в сельском хозяйстве являются предметом постоянной заботы Коммунистической партии и Советского правительства. До Октябрьской революции дайхане и понятия не имели о тракторах, автомобилях, комбайнах. Взгляните теперь на туркменские поля! Сельское хозяйство Туркменистана нарастающими темпами оснащается современными тракторами, комбайнами, автомобилями и другими сельскохозяйственными машинами. С каждым годом увеличивается количество пропашных, а также наиболее экономичных дизельных тракторов.

В 1963 году на полях Туркменистана работало 14277 тракторов, которые в пересчете на 15-сильные составляют 18433 машины. Насчитывалось также 516 зерновых комбайнов, 9659 грузовых автомобилей, автоцистерн[2].

Механизация основных видов сельскохозяйственных работ неизмеримо облегчила труд колхозниц, позволила им трудиться еще более производительно, добиваться новых успехов в труде. Однако нельзя забывать, что механизация трудоемких процессов в сельском хозяйстве далеко еще не закончена. Здесь предстоит сделать еще очень многое. Быстрейшее завершение механизации — верный путь к новым успехам в социалистическом сельском хозяйстве.

Колхозницы Туркменистана, как и все советские люди, с большим воодушевлением восприняли решения XXIII съезда КПСС, направленные на дальнейший подъем экономики и культуры советского государства.

Итак, колхозный строй коренным образом преоб-

---

[1] См: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1966, 3 апреля; «Туркменская искра», 1967, 13 апреля.

[2] Советский Туркменистан за 40 лет, стр. 65.

разил облик туркменского аула, жизнь дайхан и дайханок. Из гущи народной, благодаря осуществлению равноправия женщины в обществе и в семье, выросла величайшая созидательная сила—женщина Советского Востока, освобожденная Советской властью и Коммунистической партией от векового рабства. Женщина-колхозница воспитывалась и закалялась в ожесточенной классовой борьбе. Ее поддерживала, вдохновляла и направляла в этой борьбе Коммунистическая партия. Неутомимая борьба партии и правительства за последовательное проведение в жизнь законов Советской власти о женском равноправии нашли у трудящихся женщин искреннюю и горячую поддержку.

Коммунистическая партия предстала как освободительница трудящейся дайханки от оков рабства. Туркменская дайханка, как и все советские крестьянки, нашла свое настоящее счастье в колхозе.

Таким образом, в долгой и упорной борьбе за раскрепощение женщины Коммунистическая партия и Советская власть одержали полную победу. С вовлечением женщин в социалистическое строительство было осуществлено их фактическое равноправие.

Активные созидательницы культуры

Выдающимся завоеванием Советской власти является приобщение женщин к передовой культуре.

В своей речи на I съезде КП(б) Туркменистана 14 февраля 1925 года М. И. Калинин говорил: «...Без женщины мы культуры не создадим. Надо раз навсегда сказать: какая может быть культура без одной половины человеческого рода? Ясно, что эта культура может быть создана только тогда, когда она захватывает и мужчину и женщину, ибо, товарищи, ведь культура не есть только простая грамотность — культура есть совокупное накопление того лучшего опыта, лучшего быта, лучшей обстановки жизни, и вот эта совокупность знания представляет собою культуру. Какой же может быть культурный хозяин при полной некультур-

ности своей семьи? Вы представьте себе туркмена, окончившего университет и возвратившегося к себе в аул и женившегося на неграмотной дехканке. Вы думаете, он сохранит у себя культуру? Я не сомневаюсь, в два-три года, а самое многое в пять лет, все университетские знания и впитанная им в столице культура сойдут с него, как со змеи шелуха в осеннее время. Сойдут по той простой причине, что обстановка возвратит его в первобытное состояние. Ибо только тогда, когда вместе с мужчиной будет поднят культурный уровень женщины, только тогда культура... будет идти вперед»[1].

Этот страстный призыв М. И. Калинина о вовлечении женщин в общественно-политическую жизнь республики, об участии их в социалистическом строительстве имел важное значение для активного приобщения женщин-туркменок к передовой советской культуре.

Колоссальная работа Коммунистической партии и Советской власти по фактическому раскрепощению женщины подготовила необходимые предпосылки для массового вовлечения туркменок в культурное строительство. Проведение в жизнь советских законов о женском равноправии, деятельность делегатских собраний, домов дайханок, красных юрт, освобождение от сельскохозяйственных налогов дайхан, разрешавших своим дочерям учиться, худжум, земельно-водная реформа, привлечение женщин к социалистической реконструкции народного хозяйства и т. д. — все это явилось решающим фактором для культурного роста трудящихся туркменок.

Непременным условием вовлечения женщин-туркменок в культурное строительство являлась ликвидация азбучной неграмотности. Это было главное звено в цепи задач политического просвещения женщин. Женские ликбезы нужны были прежде всего для того, чтобы советские законы сделались достоянием всех женщин. Преодоление затворничества требовало, в первую очередь, чтобы женщина умела читать и писать. К периоду образования Туркменской ССР было всего два-три десятка грамотных туркменок, умевших читать и писать.

---

[1] «Туркменская искра», 1925, 15 февраля.

Поэтому ликвидация неграмотности среди женщин была предметом особой заботы Советской власти. Вторая сессия ЦИК Туркменской ССР, состоявшаяся в сентябре 1927 года, указала на необходимость широкого охвата женщин школами ликбеза. Намного облегчил процесс обучения грамоте женского населения перевод письменности с арабского на латинский алфавит. Большое значение имело также обращение женотдела ЦК КП(б)Т от 6 марта 1930 года ко всем женщинам республики с призывом быстрейшей ликвидации неграмотности; важную роль сыграли культпоходы работниц промышленных предприятий в аулы, договор о социалистическом соревновании между женщинами Туркменской и Узбекской ССР на 1932—1933 годы и взаимопроверка его выполнения и многие другие мероприятия.

В результате всех этих мер значительно расширился охват женщин школами ликбеза, а девочек — всеобучем, широкое развитие получила санитарная гигиена в аулах, охрана материнства и младенчества, развернулась подготовка кадров учительниц из числа туркменок для обучения женщин в ликбезах, а девочек в школах. Особенно большая работа в этом отношении проводилась среди женщин-работниц. Так, в марте 1932 года из 417 работниц-туркменок Ашхабадской шелкомотальной фабрики 130 обучались в школах ликбеза[1].

По республике в 1929/1930 учебном году ликвидировали свою неграмотность 17146 женщин[2]. А год спустя, в 1931/1932 учебном году, школы ликбеза окончили около 116 тысяч женщин, или в шесть раз больше. К 15-летию Туркменской ССР, в 1939 году, грамотность среди мужчин составляла 73,3 процента, а среди женщин — 60,0 процентов[3]. А в настоящее время Туркменистан, как известно, является республикой сплошной грамотности населения.

У нас женщина-мать, будь она работницей, колхозницей, учительницей, врачом, ученой, служащей или

---

[1] «Туркменская искра», 1932, 9 марта.

[2] История Туркменской ССР, т. II. Ашхабад, изд-во АН ТССР, 1957, стр. 396; Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад, Туркменгосиздат, 1961, стр. 371.

[3] 15 лет Туркменской ССР, стр. 37.

домохозяйкой — всегда окружена особой заботой, она имеет широкие возможности для культурного досуга и роста, для активного участия в общественно-политической и производственной жизни общества.

Здоровье матери и ребенка оберегают женские и детские консультации, широко распространен патронаж на дому. Женщина-мать еще до родов поступает под наблюдение медицинской консультации, где специалисты-врачи и сестры наблюдают за её здоровьем. Патронажная сестра посещает молодую мать на дому и помогает ей в уходе за ребёнком.

В нашей стране почти полностью ликвидирована смертность женщин от родов, а также смертность новорожденных.

В 1966 году в Туркменской ССР насчитывалось 1780 врачебных и акушерских коек для беременных женщин и рожениц и 159 женских и детских консультаций и поликлиник. Кроме того, имелось 272 общих больничных учреждения с 15656 больничными койками[1].

А ведь до революции в Туркмении не было ни одного такого учреждения, и женщины-туркменки о них и понятия не имели, обращаясь лишь ко всякого рода табибам, знахарям и духовным лицам.

Совершенно иной ныне стала жизнь женщины-туркменки. Редкими и дикими являются теперь случаи обращения женщин к знахарю или мулле. Советское государство неустанно заботится о женщине-матери и о детях, это избавило женщин и детей от калечения их знахарями и табибами. Широкая сеть родильных домов, женских и детских консультаций, акушерских и фельдшерско-акушерских пунктов, большая армия врачей (только врачей из числа женщин-туркменок около 400), обеспечивают женщин-матерей бесплатной медицинской помощью; четырехмесячный оплачиваемый отпуск по беременности и родам также способствует охране здоровья советских женщин.

За годы Советской власти в Туркменской ССР построены сотни детских учреждений. По инициативе и на средства только колхозов в послевоенный период построено на 22,3 тысячи мест детских дошкольных

[1] Советский Туркменистан за 40 лет, стр. 141.

учреждений[1]. Так, например, колхоз «Москва» Марыйского района построил детский сад по типовому проекту Министерства здравоохранения. Вокруг детского дома-сада — зеленые насаждения с горками и грибками. Помещение богато оборудовано. У детей много игрушек, есть пианино. Колхоз обеспечивает детей продуктами, фруктами, овощами. Хорошо поставлена воспитательная работа — детей учат музыке, пению, рисованию, лепке. Аналогичные детские сады и ясли имеются в колхозе «Совет Туркменистаны» Ашхабадского района, в колхозе «Большевик» Куня-Ургенчского района, в колхозе им. Тельмана Ленинского района и во многих других колхозах республики.

К 1966 году в республике имелось 707 детских садов с охватом 47251 ребенка, из них 408 детских учреждений с 16084 детьми находятся в колхозах, 228 детских постоянных яслей с охватом 12,3 тысячи детей[2]. Кроме этой сети детских учреждений, ежегодно в летний период организуются сезонные детские ясли и детские площадки, тысячи детей выезжают в пионерские лагеря.

Забота Советского государства о детях, о материнстве и младенчестве поистине безгранична. В Туркмении имеются детские санатории для слабых и больных детей, каждое лето организуются оздоровительные площадки и лагеря для дошкольников и школьников.

Таким образом, охрана здоровья детей и их воспитание обеспечено развернутой сетью детских лечебно-профилактических учреждений, детских больниц и консультаций, поликлиник, детских садов и яслей, летних оздоровительных площадок, пионерских лагерей и других учреждений.

Основатель и вождь Советского государства В. И. Ленин, назвав детские сады и ясли ростками коммунизма, говорил, что они призваны по-коммунистически воспитывать новое поколение, освободить женщину от домашней кабалы, помочь ей стать активным строителем коммунизма.

Детские дошкольные учреждения играют огромную роль в приобщении женщин к социалистической куль-

---

[1] Советский Туркменистан за 40 лет, стр. 83.
[2] Там же, стр. 142—143.

туре: во-первых, они высвобождают время женщине для участия в общественно-полезном труде и для культурного досуга; во-вторых, способствуют развитию санитарной гигиены и культуры; в-третьих, помогают коренному улучшению здоровья детей и, наконец, воспитывают с ранних лет молодое поколение в духе коллективизма.

В приобщении женщин-туркменок к культуре большое значение имеют предприятия общественного питания, производство таких предметов домашнего обихода как холодильники, стиральные машины, радиоприемники, телевизоры и другие товары культурно-бытового назначения, а также газификация, облегчающая домашний труд женщины.

Важным мероприятием в деле культурного роста туркменок явилось учреждение должности заместителей председателей колхозов по культуре, которых в народе называют «сельскими министрами культуры». Эта должность впервые была введена в колхозах Туркменистана. На данной работе в колхозах, как правило, находятся женщины, они занимаются вопросами дальнейшего улучшения культурно-бытового обслуживания женщин-колхозниц и матерей, борются за преодоление феодально-байских пережитков к женщине, за внедрение в жизнь новых, советских взаимоотношений в семье и в быту, новых советских традиций и обрядов и т. д. Большой их заслугой является, например, повсеместное проведение новых обрядов бракосочетания, комсомольских свадеб, в которых по народному мудро сочетаются прогрессивные национальные традиции и обычаи. Здесь посильную помощь оказывают и советы старейшин в колхозах, являющиеся одной из форм воспитательной работы в аулах. При этом учитывалась замечательная национальная традиция народа — почет и уважение к старшим.

Сумела организовать культурно-бытовое обслуживание колхозниц и матерей заместитель председателя колхоза «Ленинград». Туркмен-Калинского района по культуре О. Джумагельдыева. Она на этот важный участок работы выдвинула способных, образованных женщин колхоза. В колхозе налажена работа детских яслей. Во все детские учреждения своевременно завозятся свежие продукты, фрукты, овощи. О. Джумагель-

дыева сумела организовать систематический контроль за качеством приготовления пищи для детей. За здоровьем детей наблюдают врачи. А фельдшеры Гурбанов и Садыков хорошо наладили санитарную гигиену в детских учреждениях. Медицинские работники регулярно выступают перед матерями с лекциями об охране материнства и младенчества, о значении санитарной гигиены для охраны здоровья детей и т. д.[1]

Так же хорошо организовали работу по культурно-бытовому обслуживанию женщин А. Джумаева — заместитель председателя колхоза им. Куйбышева Сакар-Чагинского района, Б. Шаллыева — колхоза «Правда» Тахтинского района, Д. Ниязова — колхоза им. Дианова Кизыл-Арватского района, О. Мухамедова—колхоза им. Тельмана Ленинского района и другие.

Заместители председателей колхозов и активистки в районах и городах возглавляют женсоветы на местах.

В 1966 году в республике имелось 876 женсоветов, в которых активно работали 5478 женщин. Они делают большое полезное дело: следят за работой школ, детских учреждений, предприятий общественного питания, добиваются улучшения их работы, заботятся о чистоте и благоустройстве населенных пунктов, об организации культурного досуга женщин и женской молодежи. Женсоветы разъясняют советские законы о женском равноправии, об охране женского труда, материнства и младенчества, стоят на страже прав женщин и дают отпор проявлениям феодально-байских пережитков.

Налажена работа женсовета Калининского района. Им руководит секретарь РК КПТ Ымсын Оразбердыева. Районный женсовет направляет работу женсоветов колхозов и совхозов. Вопросы охвата девушек старшими классами школ, высшими и средними специальными учебными заведениями женсоветы взяли под неослабный контроль. В результате в 1964 и 1965 годах только в Туркменский государственный университет им. А. М. Горького поступило учиться 24 девушки-туркменки из Калининского района. Большое чис-

[1] «Колхоз чагалар баглары» (Передовая). «Мугаллымлар газети», 1965, 18 август.

ло девушек из этого района принято и в другие вузы республики[1].

У нас в большом почете женщина-мать. Многодетные матери-туркменки, как и всюду в стране, получают большую помощь. По данным на 1966 год 1027 женщин-матерей в республике удостоены почетного звания «Мать-героиня»; награждены орденом «Материнская слава» — 29888 и медалью «Материнство» — 101768 матерей.

Многодетные и одинокие матери ежегодно получают от государства около 600 тысяч рублей пособий[2]. Могла ли в прошлом туркменка мечтать, что ее труд по воспитанию детей будет возвеличен и приравнен к высшим проявлениям героизма и мужества, будет считаться заслугой перед государством?

Большая и постоянная забота Советского государства о здоровье и культурном росте женщин сделала возможным повышение продолжительности жизни женщин в нашей стране. В настоящее время средняя продолжительность жизни советских женщин составляет 71 год, что превысело более, чем в два раза по стране и почти в три раза в Туркменистане продолжительность жизни женщины в дореволюционное время.

А ведь до революции в туркменском ауле (хотя на каждые 100 мальчиков и рождалось 104—105 девочек) на каждые 100 мужчин в возрасте от 16 до 26 лет приходилось 84 женщины (по переписи 1897 г.), и удельный вес их к общему числу населения составлял 46%. Из-за невыносимого социального, национального и семейно-бытового гнёта смертность женщин значительно превосходила смертность мужского населения.

А теперь мы видим невиданный в истории рост женского населения в туркменском ауле! По переписи населения 1926 года в селе насчитывалось 342,6 тысячи туркменок, а уже по переписи 1959 года их численность возросла до 466,5 тысячи человек[3] к общему числу 816 тысяч сельского населения[4].

---

[1] «Туркменистан коммунисти», 1966, № 3, 47 сах.

[2] Народное хозяйство Туркменской ССР. Ашхабад, Госстатиздат, 1961, стр. 116.

[3] Женщина в Туркменской ССР. Краткий статсборник. Ашхабад, Госстатиздат, 1960, стр. 17.

[4] Советский Туркменистан за 40 лет, стр. 15.

Это яркое свидетельство роста благосостояния советского народа — прямой результат постоянной заботы Коммунистической партии и Советского правительства об охране здоровья женщины-матери, о культурном росте женщин.

Важное значение в культурном росте женщин-туркменок, в развертывании культурного строительства в республике сыграла школа-интернат для девочек имени Эне Кулиевой, организованная в Ашхабаде 8 марта 1924 года. Это была своеобразная, специфическая в местных условиях, форма вовлечения девочек местного коренного населения в школу. Здесь в первые годы её существования находили приют не только дети, потерявшие родителей, но и дочери ответственных работников республики. Последнее имело особенно важное воспитательное значение. Так велика была сила примера и в данном случае. Эне Кулиева первая отдала туда своих дочерей и племянниц.

Обучение и содержание девочек в интернате было бесплатным. Учеба велась по программе нормальной неполной средней школы. Кроме общеобразовательных предметов, девочкам постарше преподавали шитье и домоводство, их знакомили с советскими законами о женском равноправии, с основами политграмоты. В школе работали кружки художественной самодеятельности — хоровой, музыкальный, танцевальный и другие.

Из среды воспитанниц этой школы-интерната вышли первые замечательные кадры женской туркменской интеллигенции.

Женские клубы, школы-интернаты имелись и в других городах республики. Так, например, в 1927—1928 годах при женском клубе в старом городе Чарджуе работала школа для девушек, детский сад, детская консультация; активно работали кружки громкочтения, гигиены, рукоделия, драматический, в каждом из которых участвовало не менее десятка женщин-туркменок. В клубе проводились общие собрания, беседы с женщинами на различные темы: о значении школы, детсада, детской консультации и т. д.; организовывались экскурсии, проводились конкурсы на здорового ребенка и т. д. С утра до вечера шли в клуб поодиноч-

ке и группами женщины-туркменки и узбечки[1]. Так туркменки приобщались к передовой советской культуре. Большое значение для их культурного роста имело изучение русского языка.

В 30-е годы происходило слияние женских комсомольских и пионерских организаций с общими комсомольскими и пионерскими организациями, которые в свое время создавались как временные, учитывая затворничество туркменок. Эти раздельные организации сыграли положительную роль в деле вовлечения женской молодежи в русло общественной жизни.

Были достигнуты некоторые успехи и в охвате девочек-туркменок всеобучем. Если в начале было введено раздельное обучение девочек, то в последующие годы, по мере преодоления затворничества, вводилось совместное обучение детей и в туркменских школах. В 1931 году школа-интернат для девочек имени Эне Кулиевой была объединена с интернатом для мальчиков имени А. Ильбаева (находился рядом с нынешней школой № 1 в Ашхабаде).

Для истории культуры Туркменистана весьма характерна динамика роста охвата девочек-туркменок всеобучем: в 1924 году в семи школах обучалось 88 туркменок и в двух интернатах — 35 девочек, в 1928/1929 учебном году в школах обучалось—1782, а в 1940/1941 учебном году — 90320 девочек[2], из них 50338 туркменок.

В 1949/1950 учебном году в республике было завершено обязательное начальное обучение и начато осуществление всеобщего обязательного семилетнего обучения. А с 1953/1954 учебного года было введено всеобщее обязательное среднее образование в Ашхабаде, Мары, Чарджоу, Ташауз, Красноводске, Небит-Даге и в некоторых других пунктах республики. Одновременно расширилась сеть образовательных школ. В 1951/1952 учебном году были дополнительно построены 71 семилетняя и 54 средних школы[3].

С развитием просвещения увеличивалось и число

---

[1] «Туркменская искра», 1927, 10 января; там же, 1928, 19 июля.

[2] История Туркменской ССР, т. II, стр. 394.

[3] Очерки истории КПТ, стр. 473.

девочек в школах, в том числе и туркменок. Уже к концу 1952 года в общеобразовательных школах Туркменистана обучалось 66 тысяч туркменок.

Всеобщее обязательное семилетнее образование в сельской местности было очень важно для общего подъема культуры на селе, так как теперь родители должны были обучать своих дочерей в обязательном порядке, что наносило сокрушительный удар по пережиткам старого, в частности по калыму, способствовало культурному росту молодежи.

Из года в год росло число учащихся-девочек в школах ТССР. По мере этого роста решалась и задача охвата девушек-туркменок школьным обучением в старших классах. Если в 1940 году в старших классах школ республики обучалось всего около 150 девушек-туркменок, то в 1965/1966 учебном году в школах Туркменской ССР обучалось 136,8 тысячи девушек-туркменок, из них 6,3 тысячи окончили среднюю школу и получили аттестат зрелости[1].

Обучение девушек в старших классах имеет большое политическое и культурно-воспитательное значение. Оно открывает им широкую дорогу для поступления в высшие и средние специальные учебные заведения, дает возможность готовить из их числа специалистов для различных отраслей народного хозяйства и культуры республики.

Повышение политической и производственной активности женщин проходило на основе систематического усиления борьбы с остатками реакционных пережитков прошлого в сознании людей. Но не дремало и мусульманское духовенство, которое постоянно стремилось пользоваться тем или иным несчастным случаем в семье, замкнутостью женщин, потерявших своих мужей, или близких на войне, стихийными бедствиями, как землетрясение или наводнение, и т. п. Деятельность духовных лиц была направлена на оживление религиозных и феодально-байских пережитков среди населения.

Женщины-туркменки, преодолевая цепкие пережитки прошлого, опираясь на гуманные советские законы о женском равноправии, на поддержку партийных, со-

---

[1] «Мугаллымлар газети», 1966, 1 апрель.

ветских и общественных организаций, стали активными созидательницами советской социалистической культуры, проводниками подлинного равноправия женщин в обществе и в семье.

В этой борьбе особенно активно выступала и выступает женская молодежь, которая периодически собиралась на свои съезды.

Первый съезд женской молодежи республики состоялся 15—18 октября 1935 года в Ашхабаде. На съезде присутствовало 380 делегаток — представительниц промышленных предприятий, колхозов, школ и детских учреждений городов и аулов Туркменской ССР.

На съезде делегаты подвели итоги пройденного пути; они смело и решительно говорили о наличии еще сильных пережитков феодально-байского отношения к женщине, о фактах ранней выдачи замуж, их продажи, об отрыве девочек-туркменок от учебы и т. д. На съезде делегатки торжественно сбрасывали с себя борик и яшмак.

Делегатки подвергли критике упущения в работе комсомольских и других общественных организаций республики в борьбе за полное осуществление равноправия женщины с мужчиной. Так, указывалось, что из 24 тысяч членов ВЛКСМ девушки составляют лишь немногим более трех тысяч человек[1].

Съезд принял обращение к женской молодежи Туркменистана, в котором призвал женщин и девушек республики активнее бороться за неукоснительное проведение в жизнь советских законов о равноправии женщины с мужчиной в обществе и в семье, за дальнейшее повышение общественно-политической и производственной активности женской молодежи. Подчеркивалась необходимость усиления роли комсомольских организаций в борьбе за преодоление пережитков феодально-байского отношения к женщине, в борьбе с многоженством, ранней выдачей девушек замуж, против кайтармы, калыма, за полный охват девочек-туркменок школами и т. д.

«Дорогие девушки и молодые женщины!— говорилось в обращении.— Срывайте яшмак со своих уст,

---

[1] «Туркменская искра», 1935, 18 октября.

смело откройте ваши рты. ...Пусть ваши огненные слова жгут подлые пережитки старины и их сторонников. ...Культурно организуйте свой быт. Добивайтесь внедрения в каждую семью полотенца, мыла, зубной щетки. Добивайтесь постройки бань, клубов, физкультурных площадок. Упорно работайте над воспитанием детворы»[1].

Яркой демонстрацией духовного роста колхозной женской молодежи явились конные пробеги, совершенные в 1936 году в честь VII съезда комсомола Туркменистана.

Первый конный пробег Чарджоу — Ашхабад был организован комсомолками Чарджоуского и Фарабского районов. Его инициатором выступила Геджек Бекиева—колхозница колхоза «Тезе оба» Чарджоуского района. Она участвовала в пробеге комсоргом конного отряда. Мама Мирзоева, секретарь Фарабского райкома ЛКСМТ, была помощником политрука пробега М. М. Бунятова. В пробеге вместе с ними участвовали 12 девушек.

Это были передовые колхозницы, искусные сборщицы хлопка-сырца, вырабатывавшие от 370 до 490 трудодней за год. Среди участниц конного пробега были звеньевые Ягдар Джуманиязова и Говхер Чарыева из колхоза им. Калинина, Ягшигуль Хемраева из колхоза «Ягты ёл», Новрузгуль Мурадова из колхоза «Максим Горький», Дурсунтач Кутлыева из колхоза «Ударник» Чарджоуского района, Севергуль Янгибаева, Сеневар Балтаева, Сахрагуль Шеймерданова и Киммат Моминова из колхоза Фарабского района.

За 13 дней, со 2 до 15 февраля 1936 года, отважные комсомолки прошли 587 километров, из них 220 км через труднопроходимые барханные пески Кара-Кумов[2].

Одновременно был организован конный пробег девушек Кара-Калинского района по маршруту Кара-Кала — Ашхабад. Он также был посвящен VII съезду комсомола Туркменистана.

Вслед за этим 19 отважных комсомолок Керкинско-

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2-а, д. 813, лл. 128—129.

[2] «Туркменская искра», 1936, 16 февраля.

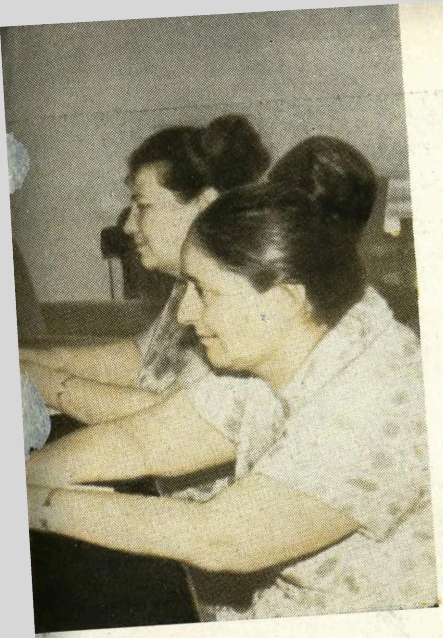

Механизаторы Джерен Непесова и Дурджан Нурмедова на колхозном поле

Заместитель председателя Совета Министров Туркменской ССР Х. Назарова беседует с активистками

Мать-героиня Караджаева (колхоз «Москва» Марыйского района)

Хор студенток-туркменок Туркменского госуниверситета им. А. М. Горького

го района с 10 по 30 апреля 1936 года совершили конный пробег Керки — Ашхабад, мужественно преодолев расстояние в 1000 километров. Этим отважным пробегом руководила Эне Таганова — секретарь Керкинского горкома комсомола, ныне директор объединенного издательства газет и журналов.

Героический подвиг участниц конного пробега Керки — Ашхабад был высоко оценен правительством Туркменской республики. 3 мая 1936 года ЦИК ТССР наградил всех участниц пробега Грамотой ЦИК и ценными подарками; были награждены ценными подарками их матери за оказанное содействие своим дочерям — участницам конного пробега.

Эти невиданные в истории женской молодежи Туркменистана смелые конные пробеги явились замечательной демонстрацией политического, духовного и физического роста туркменок. Они имели чрезвычайно важное политическое значение. Старая туркменская пословица гласит: «Когда жаворонок сядет на куст, а женщина — на коня, настанет конец мира». Отважный подвиг туркменских девушек, совершивших конный пробег, показал, что действительно наступил конец старому, феодальному миру и победил новый мир, свободный от социального и национального гнета, мир, в котором все трудящиеся — мужчины и женщины — являются равноправными.

Этот подвиг свидетельствовал также о том, что у туркменских колхозниц доблестный труд выявил новые черты характера — самостоятельность, силу воли, отвагу.

Во все годы строительства социализма комсомол с присущей ему неутомимой энергией боролся за дальнейшее повышение активности женской молодежи.

В сентябре 1939 года состоялись собрания женской молодежи на предприятиях, в колхозах, совхозах, в учреждениях, в учебных заведениях и школах республики. Затем последовали городские и районные конференции женской молодежи, в которых участвовали 4839 делегаток. А с 20 по 23 сентября 1939 года состоялся II съезд женской молодежи Туркменистана, в работе которого участвовало 360 делегаток. Съезд обсудил вопрос «О работе среди женской молодежи», подвел итоги проделанной комсомольскими организа-

циями работы среди женской молодежи. На съезде говорилось также и о серьезных недостатках. Одним из них являлся отсев девушек-туркменок из старших классов школ. Все еще недостаточно привлекались туркменки на работу в промышленные предприятия. Съезд прошел под лозунгом мобилизации сил молодых тружениц на дальнейший подъем промышленности, сельского хозяйства и культуры республики.

Все эти мероприятия способствовали дальнейшему повышению активности женской молодежи в культурном строительстве, дальнейшему усилению борьбы с пережитками прошлого.

В 1940 году в рядах ВЛКСМ уже насчитывалось 13 тысяч туркменок.

В послевоенные годы ЛКСМТ еще более усилил воспитательную работу среди женской молодежи. С 15 сентября по 1 октября 1947 года состоялись собрания женской молодежи на предприятиях, в колхозах, в учреждениях, учебных заведениях, школах республики. На этих собраниях обсуждался вопрос «Об участии женской молодежи в выполнении четвертого пятилетнего плана». В них приняло участие 78628 комсомолок и представительниц несоюзной молодежи. Девушки смело вскрывали недостатки в работе среди женской молодежи. С 1 по 20 октября 1947 года состоялись районные и городские конференции женской молодежи, на которых участвовало 4225 делегаток. Эти молодежные мероприятия завершились V съездом женской молодежи Туркменистана, в котором приняли участие 400 девушек и молодых женщин.

Велико было значение этих мероприятий для дальнейшего подъема культурного уровня молодых туркменок и активизации их участия в послевоенном развитии советской культуры.

В борьбе с цепкими пережитками прошлого, за повышение культурного уровня работниц и домохозяек активное участие принимают сами женщины. Большую помощь им в этом оказывали женотделы партийных комитетов, вновь созданные в 1946 году, и культурно-просветительные учреждения. На промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, а также в культурно-бытовых учреждениях работал 1451 женский совет, которые постоянно охраняли права жен-

щин, трудились над повышением их общего культурного уровня, контролировали деятельность культурно-бытовых учреждений. Было проведено 55 районных и городских женских конференций, посвященных Дню Конституции и выборам в Верховный Совет СССР второго созыва, в которых участвовало 7438 женщин. Женская конференция Тахта-Базарского района приняла обращение ко всем женщинам республики включиться во всенародное соревнование в честь выборов в Верховный Совет СССР. Это обращение обсуждалось на женских собраниях на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, в культурно-просветительных учреждениях. Только в Ташаузской области в обсуждении этого обращения приняло участие свыше 20 тысяч женщин.

В предвыборной кампании в Верховный Совет СССР второго созыва 7723 женщины работали агитаторами. В этот период значительно усилился надзор за выполнением законов о женском равноправии, за охраной прав женщин и детей. В 1946 году на руководящую работу были выдвинуты 46 женщин-туркменок, которые вели активную работу по повышению культурного уровня туркменок.

На каждом этапе культурного строительства ставилась главная задача в деле приобщения туркменок к социалистической культуре. Возьмем, например, развитие женского образования. В первые годы Советской власти, включая период «Худжума», нужно было ликвидировать азбучную неграмотность женщин, а отсюда — вовлечь девочек в начальную школу. К концу завершения культурной революции уже встал вопрос об охвате девушек семилетней школой. С осуществлением этих задач женское образование в своем поступательном развитии поднялось на более высокий уровень, а в послевоенные годы уже ставилась задача вовлечения девушек в средние специальные и высшие учебные заведения. А теперь, в период строительства коммунизма девушки-туркменки широко вовлекаются в высшие и средние специальные учебные заведения. Стало хорошей традицией ежегодное проведение летнего совещания девушек-туркменок старшеклассниц в районах и городах республики. Кроме того, большую помощь оказывают сами студентки вузов, агитируя своих зем-

лячек и подружек продолжать учебу. Здесь положительную роль играет также сила примера, рост числа квалифицированных специалистов из женщин туркменок.

В решении этой важной проблемы большую роль сыграли учителя, особенно женские кадры учителей. В 1940/1941 учебном году уже был значителен процент женщин-учителей. К общему числу учителей и руководителей школ они составили 18 процентов, из них: заведующих начальными школами 3 процента, директоров семилетних и восьмилетних школ 3 процента, директоров средних школ 15 процентов, заведующих учебной частью семилетних школ 11 процентов, а средних 58 процентов; удельный вес женщин среди учителей, кроме руководителей школ 22 процента, в том числе: учителей 1—4 классов 20 процентов, 5—7 классов 25 процентов, 8—10 классов 41 процент, учителей музыки, пения, рисования, черчения, физкультуры и труда 9 процентов[1].

В аулах учителя являлись большой культурной силой, активными проводниками политики партии среди дайхан и дайханок. Особенно нужны были кадры учителей из числа туркменок. Если в классе преподавала женщина, то родители легче соглашались на обучение своих дочерей. Но подготовка кадров учительниц была нелегким делом.

Вовлечение туркменок в учебные заведения достигалось в повседневной и кропотливой борьбе с косностью и консерватизмом.

Организация специальных женских учебных заведений значительно облегчила решение этой задачи. В 1930 году было организовано Ашхабадское женское педагогическое училище, в 1943 году Марыйский женский учительский институт, реорганизованный позже в женский педагогический институт, и Чарджоуское женское педагогическое училище. Неоценимую роль в подготовке женских кадров учительниц из числа туркменок сыграли Ашхабадские педагогический и учительский институты, педагогические училища республики.

Ряды учительниц значительно пополнились за счет

[1] Женщина в Туркменской ССР, стр. 49.

девушек, окончивших старшие классы в годы Великой Отечественной войны. Им пришлось заменять учителей-мужчин, ушедших на фронт. Затем они повышали свою квалификацию на краткосрочных курсах Министерства просвещения ТССР, а в послевоенные годы обучались и получали высшее педагогическое образование на заочных отделениях педагогических вузов. Так, уже в 1957 году на 12407 учителей республики более 1200 было туркменки[1]. Это составляло почти 10 процентов к общему числу просвещенцев.

В республике в числе двадцатитысячного отряда учителей работают более 2,5 тысячи туркменок, из них 23 присвоено почетное звание Заслуженного учителя ТССР.

Среди женской интеллигенции значительное место занимают работники просвещения, культуры и здравоохранения. Так, например, врачей с высшим образованием насчитывается две тысячи женщин, что составляет 59 процентов всех врачей высшей квалификации, 7000 женщин среднего медперсонала или 81 процент всех работников данной квалификации, включая и зубных врачей. Среди педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников 5,2 тысячи женщин с высшим образованием, или 37,8 процента к общему числу данных специалистов, и 4,5 тысячи женщин со средним специальным образованием, или 55,3 процента всех работников данной квалификации и специальностей[2].

Для предвоенных лет характерно наличие незначительного числа женщин, имевших высшее и среднее образование и небольшой охват женской молодежи высшими и средними специальными учебными заведениями. По переписи 1939 года женское население республики составляло 606,6 тысячи человек, из них 361,5 тысячи туркменок, и на каждые 1000 женщин приходилось: двё с высшим и средним образованием, 1,9 студентки вузов и 3,4 девушки учащихся средних специальных учебных заведений[3].

---

[1] Культурное строительство СССР. Статсборник. М., Госстатиздат, 1956, стр. 245.

[2] Советский Туркменистан за 40 лет, стр. 107.

[3] Женщина в Туркменской ССР, стр. 17.

В 1959 году, первом году семилетки, женское население Туркменистана составило 786 тысяч человек, из них 466,5 тысячи туркменок[1]. Но на каждую тысячу женщин уже приходилось 7,5 студентки вузов и 6, 1 девушки — учащихся средних специальных учебных заведений. Число студенток вузов по сравнению с 1939 годом возросло в 395 раз, а девушек — учащихся средних специальных учебных заведений в 179 раз[2]. Но все же далеко недостаточен был охват девушек-туркменок вузами. А спустя семь лет, в 1965 году, в вузы республики принято 4,5 тысячи юношей и девушек, в том числе 1050 туркменок, из них только в Туркменский государственный университет им. А. М. Горького около 400 девушек-туркменок. А ведь в 1959 году в вузах ТССР обучалось только 80, а в 1960 году — 250 туркменок. В 1966/1967 учебном году только в ТГУ учатся 1440 туркменок.

Эти данные характеризуют перелом в жизни женской молодежи, в массовом охвате их вузами. Обучение девушек-туркменок в вузах и средних специальных учебных заведениях имеет важное значение в борьбе с пережитками феодально-байского отношения к женщине, для внедрения коммунистических начал в быту населения.

В подготовке кадров женской интеллигенции видное место занимают Туркменский государственный университет им. А. М. Горького, Туркменский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, Туркменский государственный медицинский институт и другие высшие учебные заведения республики. Они ярко демонстрируют тот факт, что женщины-туркменки становятся поистине важной силой в дальнейшем развитии советской культуры, коммунистических отношений.

Женское образование для республики первостепенной важности вопрос, имеющий огромное политическое и практическое значение. С решением его тесно связан дальнейший рост культуры всего туркменского народа.

Однако все еще нередко встречаются отсталые люди, которые мешают учебе девушек, что объясняется

---

[1] Женщина в Туркменской ССР, стр. 63.

[2] «Правда», 1965, 30 августа.

сохранением пережитков не только феодально-байского отношения к женщине, но и частнособственнической психологии у части населения: нажиться на продаже своих дочерей. На некоторых родителей с отсталыми взглядами оказывает влияние и духовенство.

Партийные, советские, общественные организации, а также женская интеллигенция, активно борются с этими отсталыми настроениями. Об этом, в частности, с тревогой говорили делегатки IV съезда женщин Туркменистана, состоявшегося в 1963 году. Делегаты в своем обращении призвали женсоветы держать на учете каждую девушку-школьницу, по-матерински заботиться о том, чтобы никто не мешал ей получить образование, чтобы ничья злая воля не смяла, не исковеркала молодую жизнь. Здесь большую помощь оказывают сами девушки через свои советы девушек школ. В некоторых колхозах организованы клубы девушек, а в районах — народные университеты. Так, в начале января 1965 года по инициативе Ильялинского районного отдела культуры и группы женщин-активисток был организован народный университет культуры для женщин. Совет университета был утвержден на бюро райкома КП Туркменистана 22 января 1965 года. Из 10 членов Совета — шесть члены КПСС, семь имеют высшее и три — среднее образование. Народный университет возглавляет Огульджан Мурадова из отдела пропаганды и агитации райкома партии, а завучем утверждена Джерен Бекмурадова, заведующая районным отделом культуры. Учебный план на 1965 год из расчета два занятия в месяц был составлен совместно с районной организацией общества «Знание».

Записались слушателями университета 132 женщины, из них 26 — члены КПСС, остальные — члены ВЛКСМ и беспартийные. Слушатели делятся на две группы по образованию — с высшим и средним, неполным средним образованием. Все слушательницы — женщины местной национальности. Основная категория слушательниц люди, работающие на предприятиях районного центра Ильялы, 10 женщин — заместители председателей правлений колхозов по культуре. Из 132 слушательниц более 80 процентов молодежи. На занятиях читаются лекции о важнейших событиях внутренней и внешней жизни, о мероприятиях партии и

правительства, о международном положении, о планах развития народного хозяйства СССР и ТССР и другим важным вопросам. Кроме того, читаются лекции на женские темы: «Воспитание чувства достоинства у женщины», «Любовь, брак, семья в социалистическом обществе», «Коммунистический труд — важное средство воспитания женщин» и т. д.

Накануне или после занятий организовывается встреча с участниками движения бригад и ударников коммунистического труда и Героями Социалистического Труда, концерты художественной самодеятельности, демонстрируются художественные фильмы.

Женщины охотно стали посещать каждое занятие. Кроме постоянных слушательниц, стали приходить на занятия и проводимые мероприятия Советом народного университета девушки-старшеклассницы школы районного центра. Организация народного университета для женщин является хорошим начинанием. В учебном плане отражены многие вопросы, которые будут интересовать женщин и девушек. На базе народного университета проводится большая воспитательная работа, которая помогает развитию самосознания женщин, поднятию их культурного уровня, расширению их общего кругозора.

В наше время, в период строительства коммунизма, невозможно сколько-нибудь заметно разграничить роль женщин в культурном строительстве в зависимости от их профессии, занимаемой работы в различных отраслях народного хозяйства. Ибо работницы и колхозницы, овладевая современной техникой, повышая производственную квалификацию, не только растут в культурном отношении, но и способствуют росту культуры других женщин как своим личным примером, так и оказанием помощи своим подругам по работе.

Передовые работницы ведут активную борьбу против носителей феодально-байского отношения к женщине, ратуют за внедрение коммунистических отношений в быту и семье.

В настоящее время, в канун 50-летия Великого Октября, в народном хозяйстве республики насчитывается 135 тысяч женщин — рабочих и служащих из общего количества женского населения в 786,1 тысячи человек. Удельный вес женщин к общей численности

работающих составляет 39 процентов против 7 процентов в 1925 году[1].

Вот так овладевают высотами науки женщины Туркмении. Из каждой тысячи женщин республики свыше десяти с высшим образованием, 237 — с неполным высшим, средним и неполным средним образованием[2].

К 40-летию Туркменской ССР и Коммунистической партии Туркменистана, которое туркменский народ отметил с большим политическим и производственным подъемом в ноябре 1964 года, насчитывалось 9900 женщин специалистов с высшим образованием, что составляет 37,4 процента к общему числу специалистов с высшим образованием, и 18,3 тысячи женщин специалистов со средним специальным образованием, а их удельный вес составил 50 процентов к общему числу специалистов данной квалификации. Общее число специалистов с высшим и средним специальным образованием составило 28,3 тысячи женщин, или 44,3 процента всех специалистов, занятых в народном хозяйстве[3]. Эти цифры особенно показательны при сопоставлении их с количеством женского населения республики, которое на 1 января 1964 года составило немногим более 786 тысяч человек, из них более половины проживало в сельской местности[4].

Жизненный путь, пройденный каждой туркменкой-ученой, является яркой демонстрацией торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства о подлинном приобщении женщин-туркменок к передовой советской культуре.

Кандидат медицинских наук Сачли Дурсунова росла сиротой. Ее мать была убита в 1923 году деспотом мужем-многоженцем. Советская власть приютила сироту в школе-интернате им. Э. Кулиевой. Сачли и ее подруга, ныне врач-педиатр, Э. Акмурадова-Халлиева являются первыми выпускницами Туркменского медицинского института.

---

[1] Советский Туркменистан за 40 лет, стр. 17, 99—100.

[2] Женщина в СССР. Краткий статсборник. М., Госстатиздат, 1960, стр. 73.

[3] Советский Туркменистан за 40 лет, стр 106—107.

[4] Там же, стр. 16.

Вот что рассказывает Сачли Дурсунова о себе: родилась я в ауле Безмеин. Родителей совершенно не помню. Как рассказывают односельчане, моя мама была сиротой, близких родственников у нее не было. После смерти мужа ее вскоре вторично продали замуж за человека, у которого она стала четвертой женой. Мама была против вторичного брака, через три месяца после моего рождения, она со своими детьми убежала от мужа. В 1923 году с двумя детьми она была убита, а меня с сестрой Советская власть взяла на воспитание в интернат имени Эне Кулиевой в Ашхабаде, где я воспитывалась и училась до 1932 года. После чего училась в медицинском техникуме и Туркменском государственном медицинском институте, который окончила в 1941 году. И все годы советское государство заботилось обо мне, воспитывало меня и дало высшее образование. Благодаря Советской власти я, сирота, получила благородную профессию врача.

Сачли Дурсунова — капитан медицинской службы,— в годы Великой Отечественной войны добровольно уходит на фронт. Она участница боев на Волге, на Украине и в Крыму, вплоть до окончательной победы над гитлеровским фашизмом. «Молодой врач С. Дурсунова,— вспоминает гвардии полковник в отставке А. К. Ермаков,— с честью выдержала все испытания. Своей неподдельной скромностью, трудолюбием и смелостью она снискала к себе большое уважение как врач и как человек. Она с честью пронесла через всю войну не только свое личное достоинство, но и оправдала звание выпускницы Туркменского государственного медицинского института. Как дочь трудолюбивого туркменского народа выполнила свой патриотический долг перед Отечеством»[1]. Сачли награждена орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Одной из образованнейших женщин республики является член-корреспондент АН ТССР Зулейха Мухамедова. Она ведет большую научную работу, сочетая ее с обязанностями матери, воспитывая четырех детей. Она перевела на русский язык роман Б. Кербабаева

[1] «Туркменская искра», 1966, 17 июля.

«Решающий шаг», принимает активное участие в подготовке молодых кадров, в научной жизни республики.

Кандидат исторических наук Янгибег Довлетова — одна из старейших поборниц за раскрепощение женщин-туркменок. Участница первых комсомольских конференций и съездов, она с 1925 года работает в аппарате ЦК ЛКСМ Туркменистана, в 1927 году вступает в ряды партии. После окончания в 1931 году Среднеазиатского коммунистического университета находится на ответственной партийной работе. С 1944 года Я. Довлетова посвятила себя педагогической деятельности, воспитанию молодого поколения. Долгие годы она заведовала кафедрой марксизма-ленинизма Марыйского женского педагогического института. За активную общественно-политическую деятельность Я. Довлетова, ныне персональная пенсионерка, награждена орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Представительницами молодого поколения ученых-туркменок являются кандидаты исторических наук Маягозель Языкова и Роза Базарова — выпускницы Туркменского государственного университета имени А. М. Горького. В их лице Институт истории АН ТССР получил серьезное пополнение талантливыми научными кадрами, которые вносят свой весомый вклад в развитие исторической науки и принимают активное участие в борьбе за дальнейшее повышение культурного роста женщин республики.

Плодотворно работают на научном поприще Г. Ачилова, Х. Гапурова, С. Атаева, Б. Назарова, С. Аннамурадова, Н. Розиева, С. Аннанурова и другие ученые-женщины Туркменистана.

В далекое прошлое ушли те времена, когда, закрытая пуренджеком и яшмаком, в борике приходила в школу ликбеза туркменка. Ныне достигнуты невиданные в истории успехи в развитии женского образования. Теперь на любом участке культуры и просвещения трудятся туркменки — начиная с воспитательницы детского сада и кончая профессорской кафедрой высшего учебного заведения.

Бабушки нынешних докторов и кандидатов наук, профессоров и доцентов, инженеров и агрономов, педагогов и артистов были неграмотными, а матери их в

первые годы Советской власти обучались грамоте в школах ликбеза, часто тайком от мужа.

А теперь из 4,1 тысячи сотрудниц научных учреждений 700 туркменок, в высших учебных заведениях работают 79 туркменок, 206 туркменок являются директорами и завучами школ, 1667 — учительницами, 200 — врачами.

Из числа ученых три туркменки доктора наук и профессора. Докторские диссертации защитили А. Аширова и А. Аннагельдыева.

Анна Аширова стала доктором биологических наук; она первая туркменка, получившая еще в 1944 году степень кандидата наук. Жизненный путь, пройденный Анной Ашировой, символизирует историю раскрепощения женщины-туркменки. В 1924 году тетя Анны—Эне Кулиева, привозит её в Ашхабад, в школу-интернат для девочек. Закончив школу-интернат в 1929 году, Анна уезжает на учебу в Московский рабфак им. М. Н. Покровского при первом МГУ, который успешно окончила в 1933 году. Затем долгие годы Анна работает учительницей, активно борясь за вовлечение туркменок в культурное строительство, мужественно перенося косые и злые взгляды, угрозы носителей феодально-байских пережитков. В 1937 году она лишается мужа — наркома социального обеспечения ТССР Гарры Кулиева. Немало невзгод она перенесла как жена мнимого врага народа. Но будучи уверенной в правоте и справедливости социалистического строя, Анна Аширова мужественно преодолела все это.

Но и в это трудное для неё время Анна Аширова упорно учится. В 1941 году она заканчивает Ашхабадский пединститут. В 1944 году вступает в ряды КПСС. В 1947 году она избирается депутатом Верховного Совета Туркменской ССР второго созыва. Останавливаться на достигнутом—не в характере советских женщин. Анна продолжает научные поиски, будучи старшим научным сотрудником Института ботаники АН ТССР, и в марте 1965 года становится доктором биологических наук.

Анна Аширова с глубокой благодарностью вспоминает своих учителей — профессора В. А. Виноградова, который ввел студентку А. Аширову в мир растений, академика Б. А. Келлера, открывшего перед ней путь

к богатствам родной земли, бескорыстную помощь русских ученых и ученых братских республик в её исследовательской работе; большую помощь оказывали ей доктора биологических наук, профессоры Е. В. Коровин, И. И. Гранитов. Замечательная русская женщина-учительница, которая обучала еще Анну в школе-интернате — Тамара Романовна Благовещенская, искренне полюбила свою талантливую ученицу и стала её подругой, товарищем, советчиком. Тамара Романовна не покинула Анну и в трудные годы её жизни, она помогала ей учиться, преодолевать трудности. Эта бескорыстная дружба русской и туркменской женщин является ярким проявлением жизнеутверждающей силы пролетарского интернационализма и дружбы народов.

Путь, пройденный Анна Ашировой, свидетельствует о том, что женщины-туркменки достойно оправдывают постоянную заботу о них Коммунистической партии и Советского правительства, и вносят свой вклад в дальнейшее развитие советской науки и культуры.

На сценах театров республики выросли талантливые деятели туркменского искусства. Мая Кулиева и Аннагуль Аннакулиева создали образы Зохре, Шасенем, Татьяны и другие. Балерина Байрам Мамедова является гордостью туркменского балета. Сестры Сона и Сурай Мурадовы, артистка Нурджемал Союнова создали замечательные женские образы на сцене туркменского драматического театра. В их лице выдвинулась плеяда выдающихся деятелей советского театрального искусства. Советское правительство высоко ценит их мастерство. Высокого звания народных артистов Советского Союза удостоены Мая Кулиева, Аннагуль Аннакулиева, Сона Мурадова. Семь женщин-туркменок — деятельниц искусства — удостоены звания народных, а 22 — заслуженных артисток Туркменской республики.

В подготовке высококвалифицированных кадров творческой интеллигенции из числа туркменок неоценимую помощь оказывают выдающиеся деятели советского искусства, учебные заведения и театры Москвы и Ленинграда. Примером может служить Язгуль Шамурадова — заслуженный деятель искусства Туркменской ССР, видная представительница туркменской женской интеллигенции. Её светлая судьба — это судьба

счастливой женщины-туркменки, освобожденной Великой Октябрьской социалистической революцией. Она росла вместе с могучим ростом национальной по форме и социалистической по содержанию культуры туркменского народа в годы великих исторических преобразований, происходивших в Советском Туркменистане в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Немые фильмы были характерны для 30-х годов. Они захватывали девочку Язгуль. А годы шли. Взрослела и Язгуль. И в годы учебы в Марыйском педагогическом техникуме, а затем в Ашхабадском пединституте, и в годы журналистской деятельности Язгуль по-прежнему жила фильмами, теперь уже звуковыми. Демонстрация дублированных на туркменском языке фильмов «Ленин в Октябре», «Партийный билет», «На Дальнем Востоке» в середине 30-х годов явилась решающей для судьбы Язгуль.

Молодая талантливая журналистка, представительница растущей национальной интеллигенции, Язгуль Шамурадова посвящает себя трудному, но нужному и благородному режиссерскому делу. В начале она ассистент режиссера, а затем режиссер дубляжа фильмов на туркменском языке и, наконец, режиссер ряда фильмов. И здесь раскрылось дарование веками скованной творческой силы туркменки. В творческом содружестве с видными украинскими режиссерами В. Браун, М. Донским, И. Савченко она участвует в создании фильмов «Как закалялась сталь», «Радуга».

Одаренный режиссер дубляжа Язгуль Шамурадова перевела для туркменских зрителей около 300 художественных фильмов, ряд документальных очерков, киножурналов. А для того, чтобы правильно расставить актеров, определить голоса в тон оригинала, нужно и мастерство, и знания, и неиссякаемые творческие способности. Природный дар Язгуль раскрылся благодаря Советской власти, открывшей для неё, как и для всех трудящихся женщин, широкие просторы для применения таящихся в них талантов и способностей[1].

Туркменская женская интеллигенция выращена и воспитана Коммунистической партией и Советской вла-

[1] «Совет Туркменистаның аяллары», 1965, № 7, 9—10 сах.

стью в духе пролетарского интернационализма, беззаветного служения интересам народа. Она является значительной культурной силой, носительницей передовой социалистической культуры. Как активная созидательная культурная сила, женская интеллигенция ведет непримиримую борьбу за преодоление цепких пережитков феодально-байского отношения к женщине, за коммунистическое воспитание женщин и молодого поколения, неустанно несет в массы социалистическую идеологию и культуру.

Героическая борьба Коммунистической партии за раскрепощение туркменок нашла широкое отображение в художественных произведениях писателей и поэтов Советского Туркменистана. Таковы поэма А. Аламышева «Сона» и одноименная опера А. Агаджикова, роман Х. Дерьяева «Судьба», Б. Сейтакова «Девичья дань», Б. Кербабаева «Девичий мир» и другие.

Талантливые поэты К. Курбаннепесов, А. Атаджанов, П. Нурбердыев в своих произведениях бичуют все еще бытующие пережитки былого неравного отношения к женщине.

Женщины-туркменки занимают свое достойное место в рядах поэтов и писателей Туркмении. Таковы Т. Эсенова, А. Омарова, Я. Шамырадова, которые вносят достойный вклад в развитие туркменской советской литературы.

Большой популярностью в народе пользуются стихи поэтессы Тоушан Эсеновой. В десятилетнем возрасте, в 1925 году, она начала учебу в школе-интернате им. Эне Кулиевой. В 1929 году поступает на учебу в Ашхабадский женский педагогический техникум, который окончила в 1931 году.

Первые стихи Тоушан Эсеновой относятся к 1927 году. Ее перу принадлежит свыше четырех тысяч строк стихов и поэм. Прекрасны её лирические поэмы «Открытое письмо женщинам Востока», «Я — Азия, ты — Африка», «Баллада об урожае», «Легенда о Кельтебедене», посвященная Каракумскому каналу, и другие. Поэтесса написала несколько эпических поэм. К их числу относится и поэма «Легенда о Ленине и дочери чабана».

Комедия «Шемшат», написанная Тоушан Эсеновой, неоднократно издавалась в Москве, Ашхабаде и в дру-

гих городах нашей страны; долгие годы не сходила со сцен туркменских драматических театров им. Молланепеса и Пушкина, грузинского, татарского, чечено-ингушского и других национальных театров.

Тоушан Эсенова с 1939 года — член Союза писателей Туркменистана, а с 1940 года — бессменный член правления Союза писателей республики. Она награждена двумя орденами «Знак Почёта» и медалью «За трудовую доблесть».

В своих произведениях Тоушан Эсенова бичует вредные пережитки прошлого, проявляемые по отношению к женщине, воспевает счастливую судьбу советских женщин-тружениц и матерей.

Произведения литературы и искусства, посвященные теме преобразования жизни женщин-туркменок, имеют важное воспитательное значение, особенно в настоящее время, когда трудящиеся республики в братской семье народов СССР плодотворно борются за претворение в жизнь исторических решений XXIII съезда КПСС. Они помогают быстрее преодолевать пережитки прошлого по отношению к женщине, внедрять новое, коммунистическое отношение в семью, в быт советских людей.

Женщины-туркменки стали активной созидательной силой. Многие из них, потеряв своих мужей, сыновей, отцов и братьев на фронтах Великой Отечественной войны, стали единственными кормильцами семьи, воспитательницами детей. Но постоянная забота партии и правительства о быте и труде советских женщин помогала преодолевать эти трудности и невзгоды, связанные с последствиями войны. В послевоенные годы Советское правительство приняло ряд важных законов по охране материнства и младенчества, женского труда, об охране здоровья советских женщин.

Туркменки научились управлять самой сложной техникой, благодаря своим способностям и самоотверженному труду выдвинулись на руководящую работу в промышленности, сельском хозяйстве, во всех отраслях культуры, в государственные органы. В настоящее время свыше 3000 женщин местных национальностей находятся на руководящей работе, 134 — являются директорами и главными инженерами промышленных предприятий, 230 — председателями и заместителями

председателей колхозов, свыше 2000 — бригадирами, звеньевыми, заведующими фермами, счетными работниками в колхозах республики.

Женщины принимают активное участие в управлении государственными делами. Депутатами Верховного Совета СССР избраны девять женщин, Верховного Совета ТССР седьмого созыва — 100 (35,1 процента всех избранных депутатов), местных Советов депутатов трудящихся — 7228 женщин из 17565 всех избранных депутатов в местные Советы республики[1].

В числе женщин-депутатов председатели исполкомов городских, районных, поселковых и сельских советов. Женщины-депутаты с достоинством оправдывают высокое доверие народа, служат его интересам.

Выдвижение женщин на руководящую работу являлось составной частью культурного строительства. В. И. Ленин рассматривал вовлечение женщин в управление государством как непременное условие развития и совершенствования Советского государства. В. И. Ленин учит, что в недрах трудящихся таится масса талантов администраторских и организаторских, что в ходе социалистического строительства из этой среды будет выделяться все большее число организаторов.

Это пророческое предвидение гениального Ленина подтвердилось полностью на опыте строительства социализма и проведения культурной революции в СССР, в том числе и в нашей республике.

В активном приобщении туркменок к социалистической культуре большая роль принадлежит советской печати. На страницах республиканских газет и журналов систематически освещались жизнь, труд и борьба женщин-туркменок, подвергались острой критике недостатки, разоблачались злостные носители феодально-байских пережитков. В этом благородном деле значительное место занимает женский журнал, издаваемый с 1931 года под названиями: «Аяллар сеси», «Ишчи-дайхан аял», «Колхозчы аял», «Ишчи-колхозчы аял». В настоящее время журнал «Женщины Советского Туркменистана» активно помогает женщинам. Вот уже свыше десяти лет редактором его работает Гарры Ма-

[1] Туркменская искра», 1967, 16 и 17 марта, 13 апреля.

миева, одна из ведущих активисток республики. На страницах газет и журналов активно выступают сами туркменки, подвергая острой критике недостатки в работе местных организаций в работе среди женщин.

В осуществлении задач дальнейшего повышения общественно-политической и производственной активности женщин большую помощь республике оказывают газеты «Правда» и «Известия». На их страницах подвергаются острой критике еще бытующие реакционные пережитки прошлого, неравного отношения к женщине-туркменке.

Об этом корреспондент «Правды» Рахим Эсенов только за последние годы опубликовал серию статей.

Так, в статье «Спета ли песня Язгуль», опубликованной в «Правде» 16 июля 1961 года, автор рассказал о печальной истории комсомолки, Героя Социалистического Труда Язгуль Ягмуровой:

По радио звенела знакомая песня. Бахши-певец пел о простой колхозной девушке-хлопкоробке, прославившейся на всю страну. Колхозник, сидевший рядом со мной, с горечью произнес:

— О, Язгуль поет... А где она теперь? Вышла замуж, уехала... ни слуху, ни духу. А ведь у неё золотые руки!

Отправляемся в колхоз имени Карла Маркса Карабекаульского района. Здесь Язгуль родилась, училась. На хлопковых полях этой артели девушка начала свой трудовой путь, выросла до знатного хлопкороба, Героя Социалистического Труда. Все о ней хорошо отзываются. Подруги, товарищи по работе, как говорится, в ней души не чаят. Она была одной из активных комсомолок. Горячо и содержательно выступала на собраниях, много училась и учила других.

Как же Язгуль отошла от активной общественной деятельности? Что случилось с ней?

Язгуль полюбила молодого фельдшера из соседнего виноградарского совхоза Денгли Овлиякулиева. Вскоре справили свадьбу. Родители жениха настояли, чтобы при этом были соблюдены все ритуалы религиозных обрядов. Закутанную в платок, так что не видать ни лица, ни глаз, Язгуль привезли в дом будущего мужа. Старый свекор, случайно заметив на груди снохи по-

блескивающую Золотую звезду Героя, процедил сквозь зубы:

— А звезду могла бы и дома оставить...

Слезы обиды душили Язгуль. Она успокаивала себя: «Отделимся от стариков. Буду ходить с открытым лицом, как в девушках...».

Но вот кончилась свадьба. Потянулись длинной вереницей дни. Язгуль сидела дома. Старики твердили: «Женщину домашний очаг красит».

Она пыталась пожаловаться мужу. Тот ответил:

— Стариков не надо обижать, делай, как они говорят.

И Язгуль, готовившаяся стать матерью, вынуждена была уступить.

...Весной нынешнего года нам довелось побывать в совхозе, где живет теперь Язгуль Ягмурова.

В прихожей, раскачивая люльку, стояла молодая женщина. Она пугливо посмотрела на нас, прикрыла рот краешком платка. С трудом узнаем в ней давнюю знакомую. Беседуем с её мужем Денгли. Разговор тяжелый, нудный. Нам известно, что совхозу нужны рабочие руки. Язгуль могла бы стать хорошей звеньевой или бригадиром. Но она сидит дома. Почему?

— Её песня спета, — невозмутимо отвечал Денгли. — У нас двое детей, пусть смотрит за ними...

— Но ведь в поселке есть ясли!

В ответ молчание.

Четвертый год живет в совхозе Язгуль Ягмурова. Здесь большая партийная организация; много комсомольцев. Но почему-то никого из них не волнует судьба знатной хлопкоробки, которую муж и его родители — приверженцы вредных средневековых обычаев — заперли дома, не разрешают участвовать в общественной жизни.

Отход, хотя и временный, от активного участия в общественно-полезном труде такой женщины, как Язгуль, явление, конечно, редкое. В Туркмении женщины наравне с мужчинами трудятся на всех участках хозяйственного и культурного строительства. Они занимают руководящие посты в государственном, партийном и профсоюзном аппаратах, в научных и культурно-просветительных учреждениях, в органах народного образования и здравоохранения. Только в 1962 —

1964 годах было направлено на партийную работу 200 туркменок, на советскую — 283 туркменки. Но было бы неправильно не обратить внимание на случай с Язгуль. Он свидетельствует о том, насколько цепки и живучи пережитки прошлого в сознании людей, что нельзя ослаблять борьбу с феодально-байскими пережитками в отношении к женщине.

В статьях «Сорняк в чистом поле», «Почему живуч яшмак» корреспондент «Правды» Р. Эсенов бичует причины живучести ядовитых семян старого, этих сорняков в чистом поле равноправной жизни советских женщин, призывает решительно бороться с вредными пережитками, сковывающими общественную инициативу женщин[1].

Местные партийные организации быстро и оперативно откликаются на эти острые выступления печати[2] и прилагают большие усилия по дальнейшему развертыванию активности женщин-туркменок.

Советская печать помогает в распространении положительного опыта в повышении культуры и быта женщин.

О внедрении новых обрядов в туркменском ауле рассказывалось в статье Р. Эсенова и Д. Шумского «Без калыма и яшмака», опубликованной в «Правде» от 7 июня 1961 года. Вот что говорилось в этой статье:

— Что греха таить, в Туркмении, где женщина была унижена изуверскими обычаями адата и шариата, кое-где еще сохранились отголоски дикой старины. Не изжит калым — взятка за невесту, редко, но все же встречаются туркменки, закрывающие рот яшмаком — платком молчания. Конечно, коммунисты ведут борьбу с этими пережитками, и многое уже сделано. Но не мало и просчетов, неудач, огорчений. Сказывается влияние некоторых стариков села, поощряющих вредные обычаи. Однако не все аксакалы — убеленные сединами труженики — цепляются за старое! Нет, не все.

И вот на страницах «Правды» рассказывалось о положительном опыте работы совета стариков колхоза «Мир» Ашхабадского района по внедрению нового сва-

---

[1] «Правда», 1965, 16 июня; 1965, 12 ноября.
[2] Там же, 1961, 21 августа; 1965, 27 июля.

дебного обряда с учетом национальных традиций, по изжитию вредных пережитков (калыма, насильственной выдачи замуж и т. д.)

Это один из заслуживающих внимания методов работы среди колхозниц. Эта форма работы распространилась в прикопетдагских районах республики.

За последние годы в республике стали широко внедряться новые традиции и обряды не только в городе, но и в ауле. К числу их следует отнести праздник хлопкороба (пагта-той), праздник урожая (харман-той), праздник весны, комсомольские свадьбы, проводы на пенсию, проводы в ряды Советской Армии, семейные вечера, День чабана, вечера артельного производства, наречение имени и т. д. В республике создан Комитет по внедрению новых традиций и обычаев. Новые традиции и обряды способствуют воспитанию коммунистического отношения к труду.

Задачи строительства коммунизма были определены новой Программой КПСС, принятой историческим XXII съездом КПСС. Они получили дальнейшее развитие в решениях XXIII съезда КПСС, состоявшегося с 29 марта по 8 апреля 1966 года.

Женщины-туркменки, как и все советские женщины, вносят свой достойный вклад в строительство коммунизма. Новые сотни тысяч женщин влились в ряды рабочих, тружеников сельского хозяйства, из года в год возрастает их роль во всех отраслях народного хозяйства и культуры. С массовым вовлечением женщин нашей страны, в том числе и туркменок, в строительство коммунизма, в культурное строительство претворен в жизнь один из исторических заветов основателя и вождя Советского государства В. И. Ленина, что культурный уровень страны определяется положением женщины в обществе и в семье. Осуществлением подлинного равноправия женщин в обществе и в семье СССР предстал перед всем миром как страна самой высокой цивилизации и культуры.

Итак, впервые в истории туркменского народа женщина получила подлинное равноправие. Путь к нему был дотоле непроторенным и неизведанным. Поэтому были испытаны различные формы и методы по вовлечению женщин-туркменок в строительство социализма. Была проведена поистине титаническая работа, и она

увенчалась блистательным успехом. В результате массового вовлечения туркменок в строительство социализма осуществлено подлинное равноправие их в обществе и в семье, что и сделало возможным превращение туркменок, как и всех советских женщин, в активную созидательную силу.

Однако все это, безусловно, не означает, что до конца искоренены все феодально-байские пережитки в отношении к женщине. Рабское положение туркменок насаждалось и утверждалось на протяжении многих столетий. Вот почему было так трудно с ним бороться, вот почему и до сих пор нет-нет да и подают о себе знать эти пережитки старины в сознании людей.

Постоянная забота Коммунистической партии и Советского правительства о женщине-труженице, о женщине-матери вдохновляют туркменок, как и всех советских женщин, на новые трудовые подвиги во имя строительства коммунистического общества в нашей стране.

Вместо заключения

Таковы выдающиеся достижения в раскрепощении женщины-туркменки, в активном вовлечении её в строительство социализма и коммунизма.

Если до Великой Октябрьской социалистической революции духовная жизнь туркменок замыкалась в домашнем кругу, то теперь они вышли на широкий путь строительства коммунизма, активно участвуя в общественно-политической жизни.

Имена многих женщин нашей республики — представителей науки, культуры, просвещения, специалистов различных отраслей народного хозяйства, государственных деятелей — широко известны в Советском Союзе и за его пределами. Они участвуют в различных международных встречах — форумах женщин, совещаниях ученых, экспертов-специалистов.

Халлы Назарова в 1966 году возглавила женскую делегацию в Монгольскую Народную Республику на празднества, посвященные Международному женскому

дню 8 марта. Она участница Всемирной выставки в Брюсселе. Министр социального обеспечения республики Джерен Мамедова в феврале 1966 года посетила Индию.

Голоса народных артистов Советского Союза Маи Кулиевой и Аннагуль Аннакулиевой прозвучали далеко за пределами СССР. Ими изумлялись и восхищались тысячи зрителей в Афганистане и в Индии. Поэтесса Тоушан Эсенова свои стихи, посвященные свободному творческому труду раскрепощенных Октябрем туркменок, читала зарубежным сестрам в Индии и в Непале.

На Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году побывали Мая Мурадова, заслуженная ковровщица ТССР, Кызылгуль Аннамухаммедова, председатель колхоза «Коммунизм» Туркмен-Калинского района, и другие представительницы женщин-туркменок.

Секретарь Ашхабадского горкома партии Гулджемал Аннакулиева посетила Польскую Народную Республику и Демократическую Республику Вьетнам.

Редактор журнала «Женщины Советского Туркменистана» Гарры Мамиева в составе делегации советских журналистов посетила республику Куба.

Подумать только! Неграмотная, забитая в прошлом туркменка теперь посещает зарубежные страны.

Но и у туркменок бывают частые гости, их сестры из-за рубежа. Советские женщины-туркменки достойно встречают иностранных гостей, государственных и политических деятелей, ученых, писателей, журналистов, дают им разъяснения по всем интересующим их вопросам о жизни и быте своей республики.

Не только статистические цифры, но и биография каждой из туркменок является ярким свидетельством роста экономики и культуры республики, великих преимуществ социализма.

Член-корреспондент АН ТССР Зулейха Мухаммедова, кандидаты исторических наук Маягозель Языкова и Роза Базарова и автор настоящей работы выступили с научными сообщениями на XXV Международном конгрессе востоковедов, состоявшемся в августе 1960 года в Москве. Заместитель председателя Совета Министров Туркменской ССР Халлы Назарова, врач-педиатр Энегуль Халлыева-Акмурадова, редактор жур-

нала «Женщины Советского Туркменистана» Гарры Мамиева, аспирант Туркменского госуниверситета Роза Кочакова и автор этих строк участвовали в работе Всемирного Конгресса женщин, состоявшегося в Москве в июне 1963 года.

Мне, одной из представительниц советских женщин-туркменок, довелось посетить ряд стран Азии, Африки и Европы.

По пути в Эфиопию, в Порт-Судане, наша попутчица из Верхней Вольты, учительница французского языка, госпожа Жаклин спросила:

— Это правда, что в Советском Союзе женщины и дети работают, что все нации насильственно ассимилированы русскими, что у вас нет национального языка и национальной одежды?

На мой вопрос о том, откуда она получила такие сведения, госпожа Жаклин, ответила, что об этом говорили учителя-колонизаторы, когда она еще училась в школе.

Изумлению нашей собеседницы не было предела, когда я рассказала ей о советском опыте решения национального вопроса, о некапиталистическом пути развития, о раскрепощении мусульманок. В заключение сказала, что я, туркменка, приму участие в качестве официального наблюдателя СССР в семинаре ООН, куда направлялась и наша попутчица. Все это произвело на неё невообразимое впечатление. Она была потрясена государственным строем, достижениями Советского Союза.

В Эфиопии, в Аддис-Абебе, с 12 по 22 декабря 1960 года проходила конференция ООН, посвященная участию женщин Африканского континента в общественной жизни. По просьбе группы делегаток я выступила с докладом о советском опыте раскрепощения женщин-мусульманок Средней Азии. Наши африканские сестры задали много вопросов, на которые получили исчерпывающие ответы. Вместе со мной в работе конференции участвовала ответственная работница Комитета советских женщин Л. Г. Белаховская.

Эта встреча содействовала взаимопониманию и сближению советских женщин с сестрами Африки. С некоторыми из них завязалась тесная переписка, затем мы вновь встречались на международных форумах

женщин. Одна из участниц этой конференции, видная деятельница женского движения республики Мали, госпожа Ауа Кейта в мае 1961 года посетила Туркменскую ССР.

Участниц Аддис-Абебской конференции в своей резиденции принял император Эфиопии Хайле Селассие I. Император заявил, что его величество высоко ценит дружбу и личные контакты с Советским Союзом, что дальнее расстояние и различные социальные системы не являются препятствием для укрепления дружеских взаимоотношений между Эфиопией и Советским Союзом. Это заявление императора было особенно ценным потому, что автор оказался первым советским представителем на официальном приеме у императора после неудавшегося военного мятежа.

Знаменательна первая конференция женщин Азии и Африки, созванная Комитетом солидарности стран этих двух великих континентов. Она состоялась 14—19 января 1961 года в столице Объединенной Арабской Республики — Каире. Мне выпала большая честь участвовать в ее работе в составе советской женской делегации, состоявшей из восьми человек.

С живым интересом и большим вниманием слушали представительницы этих двух пробудившихся континентов наши доклады и сообщения о советском опыте осуществления подлинного равноправия полов в обществе и в семье, о разрешении проблемы женского образования, организации учреждений материнства и младенчества в СССР и т. д.

Нас, участниц конференции, принял президент ОАР Гамаль Абдель Насер, который присутствовал и на концерте, где выступали представительницы делегаций ряда стран.

Советская делегация и делегации некоторых других стран были любезно приглашены сирийскими сестрами посетить Дамаск. Здесь мы посмотрели исторические достопримечательности столицы Сирии.

Каирская конференция продемонстрировала единство стремлений женщин Азии и Африки в борьбе за мир, социальную справедливость, равноправие женщин, национальную независимость против империализма и неоколониализма.

В марте 1961 года состоялся III Национальный Кон-

гресс женщин Вьетнама. Мне посчастливилось быть в составе советской женской делегации, стать свидетельницей героической борьбы вьетнамских сестер за единый и демократический Вьетнам.

Единодушным одобрением встретили делегатки Конгресса выступление руководителя советской женской делегации москвички В. Ф. Колесовой, заявившей о нашей непоколебимой решимости всемерно поддерживать справедливую борьбу народов Вьетнама за объединение своей Родины, за освобождение Южного Вьетнама от американских агрессоров.

По просьбе вьетнамских подруг я выступила с лекцией о формах и методах борьбы за раскрепощение женщин Средней Азии, на которую пришло более двух тысяч женщин.

Незабываемым и теплым был прием товарищем Хо Ши Мином женских делегаций социалистических стран. Президент ДРВ вспомнил о том, что Коминтерн поручил ему возглавить работу среди женщин в Индокитае. Товарищ Хо Ши Мин на память сфотографировался с нами.

Мы храним тепло сердец вьетнамских сестер. Наши симпатии, наша поддержка на стороне народов Вьетнама в их справедливой, освободительной борьбе.

В феврале 1963 года я в составе делегации советских ученых участвовала в работе Женевской конференции ООН, посвященной проблеме оказания научно-технической помощи отсталым районам мира. Большой интерес вызвал у участников конференции научный доклад, сообщение, а также наше выступление как лидера дискуссии об изменении положения женщин в условиях социально-экономического прогресса, о земельно-водной реформе, о колхозном строе и преодолении массовой эмиграции крестьян в города, о развитии средств связи и т. д.

В апреле 1965 года советская женская делегация, в составе которой находилась и я, посетила Индонезию, и приняла участие в празднествах, посвященных X годовщине Бандунгской конференции стран Азии и Африки.

В Индонезии большой интерес проявляли к быту и жизни женщин-мусульманок в СССР. Всюду, с кем бы мы ни беседовали, все, как один, спрашивали:

— А как советские мусульмане преодолели полигамию?

С большим интересом индонезийские сестры слушали наш рассказ о советском опыте, формах и методах раскрепощения восточных женщин, о нашем опыте преодоления многоженства, ликвидации калыма и других феодально-байских пережитков.

Наш доклад был опубликован на английском, французском, испанском и русском языках.

По окончании конференции наши индонезийские сестры показали нам несколько городов своей сказочной страны.

В феврале 1966 года мне выпала честь в составе советской делегации по культурному сотрудничеству посетить одну из величайших стран мира, дружественную нам Индию.

В Индии при встречах с профессорами, преподавателями, студентами и студентками нам было задано много вопросов о жизни, быте и труде советских женщин. И непременно спрашивали:

— А что предпочитают советские женщины — работать или исполнять обязанности жены и матери?

Наши индийские сестры восхищались нашими достижениями в области строительства детских учреждений, комбинатов бытового обслуживания, предприятий общественного питания и другими мероприятиями, направленными на дальнейшее облегчение труда и быта трудящихся женщин. Они восхищались советской системой образования, социального обеспечения, принципом равной оплаты женщине за равный с мужчиной труд, советским трудовым законодательством и т. д.

Велика и интересна дружественная Индия. Ее премьер-министр Индира Ганди — одна из немногих женщин, избранных в нашу эпоху на столь высокий пост в своей стране. 14 февраля 1966 года мне посчастливилось беседовать с Индирой Ганди. Теплая встреча закончилась словами индийского премьер-министра:

— Индия и впредь будет укреплять и развивать дружбу и сотрудничество с Советским Союзом.

Разве не примечательно, что туркменки, эти бывшие рабыни, жизнь которых замыкалась семейным

очагом и была сплошным изнурительным трудом, теперь, благодаря Великому Октябрю, народной, Советской власти, вышли на международную арену, достойно представляя великую страну Советов.

Да! Поистине велики завоевания туркменок за полувековую историю Советского государства.

Об этом теперь говорят и наши враги, и наши друзья за рубежом. «В Туркменском университете, — пишет о своих впечатлениях о Туркменской ССР Президент Индо-Советского общества культурных связей К. П. Ш. Менон, — я беседовал не только с ректором, но и со многими студентами. А когда увидел, как выступают в концерте самодеятельности миловидные туркменские девушки-студентки, как они поют и танцуют, я, как никогда раньше, понял, какие огромные изменения произвела революция в жизни народа. До революции эти девушки были бы обречены на затворничество, а теперь они становятся врачами, артистами, общественными деятелями, председателями колхозов, директорами крупных промышленных предприятий»[1].

Но еще более величественны перспективы будущего.

Грандиозные задачи строительства коммунизма в нашей стране намечены новой Программой партии, принятой XXII съездом КПСС. Партийная программа предусматривает дальнейший подъём материального благосостояния трудящихся СССР, в том числе и советских женщин.

«Должны быть полностью устранены,— говорится в Программе КПСС,— остатки неравного положения женщины в быту, созданы все социально-бытовые условия для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности, в занятиях наукой, искусством. Женщинам должны предоставляться относительно более легкие и в то же время достаточно оплачиваемые работы. Увеличится продолжительность отпусков по беременности.

Необходимо обеспечить условия для сокращения и облегчения женского труда в домашнем хозяйстве, а затем создать возможность для замены этого труда

[1] «Туркменская искра», 1967, 17 февраля.

общественными формами удовлетворения материально-бытовых нужд семьи. С этой целью широкое распространение в домашнем хозяйстве получат усовершенствованные дешевые бытовые машины, приспособления, электроприборы; полностью будут удовлетворены в ближайшие годы нужды населения в предприятиях бытового обслуживания»[1].

Важную веху в истории нашей партии и страны, в международном коммунистическом движении ознаменовал XXIII съезд КПСС, состоявшийся с 29 марта по 8 апреля 1966 года в Москве.

XXIII съезд КПСС рассмотрел важнейшие вопросы политической, экономической, идеологической и организаторской деятельности партии, подвел итоги героического труда советского народа за семилетие, коллективно выработал политическую линию партии на ближайшие годы. Были определены основные направления внутренней политики и хозяйственной деятельности партии и народа на очередное пятилетие.

Партия ставит цель достигнуть новые рубежи в строительстве коммунизма, резко повысить эффективность всего общественного производства, обеспечить неуклонный рост материального благосостояния трудящихся масс, укреплять обороноспособность страны.

Впереди большая и нелегкая работа по осуществлению величественной программы строительства коммунизма, по преодолению и искоренению вредных религиозных и феодально-байских пережитков, по дальнейшему повышению общественно-политической и производственной активности трудящихся женщин.

---

[1] Программа КПСС. М., Политиздат, 1965, стр. 97.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА 7

ТРИЖДЫ РАБЫНЯ 9

ДЕКРЕТЫ ОКТЯБРЯ 28

В. И. ЛЕНИН И ЖЕНЩИНЫ ТУРКЕСТАНА 52

I СЪЕЗД РАБОТНИЦ ТУРКЕСТАНА 66

НА ПУТИ РАСКРЕПОЩЕНИЯ 76

ХУДЖУМ 106

НА ПОДМОСКОВНЫХ ФАБРИКАХ 154

ТУРКМЕНКИ В ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 168

ДАЙХАНКИ В КОЛХОЗАХ 213

АКТИВНЫЕ СОЗИДАТЕЛЬНИЦЫ КУЛЬТУРЫ 252

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ 286

ПАЛЬВАНОВА БИБИ

Октябрь и женщины Туркменистана

Редактор А. Н. Мироедова
Художник А. М. Синятинский
Художественный редактор В. Моисеенко
Технический редактор Г. А. Артыкова
Корректор Е. Харитонова

Сдано в набор 19/IX-1966 г.
Подписано к печати 16/VI-67 г.
Формат 80×108 1/32. Физ. печ. л. 9,25+ 1 л. вкл.
Привед. печ. л. 15,54+1 л. вкл.
Уч.-изд. л. 15,07+ 1 л. вкл.
Тираж 3000 ИТ № 7279.
Зак. 3594. Цена 75 коп. И—03999.

Издательство «Туркменистан»
Ашхабад, ул. Гоголя, 17-а.
Полиграфкомбинат, Ашхабад, Советская 46.

753

ОКТЯБРЬ И ЖЕНЩИНЫ ТУРКМЕНИСТАНА